
Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая
истина
И рече
Олегъ
Кіевъ
се буди
мати
градомъ
русскимъ
Вильна
1868.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ коммисіонерамъ „Вѣстника“ А. Ѳ. Базунова въ С. Петербургѣ и А. Н. Ѳерапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣсья“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868

Дозволено цензурою. 25-го ноября 1868 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ"
Въ будущемъ 1869 году.

(*СЕДМОМЪ*).

Шестилѣтнее существованіе „**Вѣстника Западной Россіи**" настолько уяснило характеръ его и направленіе, что мы можемъ избавить себя отъ всякихъ на эту тему объясненій съ читающею публикой. Шестилѣтнее существованіе изданія спеціальнаго, провинціальнаго, съ трудомъ пробивавшагося сквозь сплошную массу препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, и неуклонившагося ни на шагъ отъ принятаго однажды направленія, служитъ наглядною порукой и прочности изданія, и его цѣлесообразности, и вниманія къ нему патріотической части русской интеллигенціи края и отечества. Усилившіяся въ теченіи послѣдняго года и достигавшія нерѣдко крайняго безобразія нападки на „Вѣстникъ" и его дѣятелей со стороны нѣкоторыхъ газетъ несомнѣнно доказываютъ, что это изданіе сильно перечитъ ихъ теоріямъ, симпатіямъ и намѣреніямъ и бодро стоитъ на стражѣ началъ охранительныхъ, патріотичныхъ.

Такіе признаки жизненности нашего изданія и продолжающагося на него запроса побуждаютъ насъ, съ вѣрою въ помощь Божію и надеждою на нравственную и матеріальную поддержку со стороны людей истинно-русскихъ, приступить къ продолженію нашего дѣла и въ слѣдующемъ 1869-мъ году.

— „**Вѣстникъ Западной Россіи**“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ,—свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ

связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной России, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мѣлкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи. Объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ“

будетъ выходить съ января мѣсяца книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ **А. Г. Сыркина** (б. Сеньковскаго).

ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера „Вѣстника“, книгопродавца **А. Ѳ. Базунова**, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца **А. Н. Ѳерапонтова,** на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря.

ВЪ ВАРШАВѢ—у книгопродавца г. **Кожанчикова.**

ВЪ КОВНѢ—въ книжномъ магазинѣ **Косогорова** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 5 р., съ доставкою на домъ 7 руб., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: **Вѣстникъ Западной Россіи,** *въ Вильну.*

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксенофонту Антоновичу* **Говорскому,** въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны, по 4 руб., для иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ, для первыхъ по 5 руб., для послѣднихъ по 6 руб., 50 коп. за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 1867 годы — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не менѣе 10-ти экземпляровъ, дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ: не менѣе 25 — 10% 50 — 15% и 100 — 20%.

Редакторъ-издатель ***К. Говорскій.***

Редакторъ-сотрудникъ ***И. Эремичъ.***

I.

—

№ 10.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНІЯТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ.

1.

Письмо Ипатія Потѣя къ виленскимъ мѣщанамъ о томъ, чтобы они отобрали у православныхъ виленскія церкви. 1609 г.

Ипатей Потей, Божью милостію архіепископъ митрополита Кіевскій, Галицкій и всея Руси, шляхетне врожонымъ ихъ милости паномъ бурмистромъ мѣста Виленского лавицы Руское сыномъ возлюбленымъ смиренія нашего. Певенемъ того, ижъ листы мое першіе, еще передъ святы писаные, рукъ вашей милости дошли, въ которыхъ писалемъ до вашей милости зъ стороны церквей Виленскихъ, юрысдыцыи моей митрополей прилежныхъ, абысте ваша милость, яко благочестивые ктиторове и дозорцы ихъ, старане о нихъ въ томъ замѣшаню мѣли, поневажъ протопопа Виленскій зъ инными всѣми попами ласкою Божою и господарскою взгордѣли а торгнувшись безъ вся-кое причины на юрысдыцыю мою, привилеями госпо-

дарскими утверженую и посесыею черезъ килка лѣтъ ненарушоною, послушенство мнѣ выповѣдели (отказали) и сами тыхъ церквей негодными осудилися, которыхъ безъ благословенья моего, яко и власные привиля самыхъ вашихъ милостей носвѣдчаютъ, держати и въ нихъ дѣйствовати никако не могутъ; а прото съ повинности моее пастырское вашу милость, яко сыновъ послушныхъ, прошу и вспоминаю а зверхностью мнѣ отъ Бога и отъ господара короля его милости даною повелѣваю, абысте ваша милость яко соборную церковь, такъ и вси окресные церкви, отъ тыхъ здрадецъ, кривоприсяжцовъ и отступниковъ моихъ, зъ моцы взяли, скарбы вси церковные одъ мала до велика списали: если бы чого въ нихъ не доставало, пилно (тщательно) огледали, дошли насъ таковые слухи, ижъ немало перелъ и кленнотовъ (драгоцѣнностей) на тыхъ часехъ въ одъѣханю моемъ зъ скарбу церковного погибло, абы потомъ вѣдомость была, гдѣ ся што подѣло. А штося дотычетъ Самойло Сенчила, бывшого архимандрыта виленского, который, взгордившы (презрѣвъ) добродѣтелью права, не хотѣлъ отца Рутского до зненесенья декрету изъ себе если бы былъ неправны, позывати, и невинности своее передъ нами показати, на што ему отъ мене и позовъ былъ даный, абы могъ справы своее ратовати (спасать), для чого и съ публикацыею декрету нашого розказали мы ся были отцу Рутскому задержати, а ижъ тою ласкою нашою погордилъ и на учтивость нашу пастырскую непристойне торгнулся, спотваривши (оклеветовъ) насъ речми не былыми, послушенство намъ выповѣдилъ и самъ гордостію своею, яко Григорей Богословъ мовитъ на себе клятву наволокъ, одъ которого снадне могъ быти воленъ. Протожъ абысте ваша милость оного яко за проклятого и за изверженнаго мѣли и за архимандрыта не почитали и до монастыра Святое Живона-

чальное Троицы Виленского не припущали, подъ таковоюжъ клятвою. Писанъ у Берести року Божого Нароженя 1609, мѣсяца Генвара второго дня, по старому. Вашей милости зычливый богомолецъ Ипатей архиепископъ властною рукою.

Печатанъ по выписи изъ книгъ виленскаго магистрата, скрѣпленной печатью.

2.

Королевскій приказъ виленской ратуши объ отобраніи виленскихъ церквей отъ православнаго духовенства. 1609 г.

Жикгимонтъ.......

Славутнымъ бурмистромъ и всей лавицы мѣста нашого господарского столечного Виленского. Обтяжливе жаловалъ намъ въ Бозѣ велебный отецъ Ипатей Потей, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Росіи владыка Володимерскій и Берестейскій о томъ, ижъ духовенство его, то есть Вареоломей Жашковскій, протопопа Виленскій, котораго былъ самъ отецъ митрополитъ на тое протопопство всадилъ, и зъ другими попами Виленскими, то есть зъ Леонтіемъ Бобрыковичомъ Воскресенскимъ, Александромъ—Пятницкимъ, Василемъ—Покровскимъ, Иваномъ--Росскимъ и Өедоромъ дякономъ соборовымъ, рукоположенцомъ отца митрополитовымъ, звеснившыся противъ отца митрополита пастыра своего и збунтовавшыся зъ Самойломъ Сенчиловичомъ архимандрытомъ Троецкимъ, выклятымъ року прошлого тисеча шесть сотъ осмого, мѣсеца Декабра десятого дня, ставшы на врадѣ кгродскомъ Виленскомъ безъ всякое слушное (справедливой) прычыны, безъ суду, безъ права духовного, безъ позвовъ *), але своволне

выповѣдали отцу митрополитови, пастыру своему, послушенство; церковъ соборную Светое Пречыстое и иные церкви окрестные вси, которые водлугъ привильевъ стародавныхъ одъ предковъ нашыхъ и одъ насъ господара никому иному, одно митрополиомъ Кіевскимъ и теперешнему отцу митрополиту въ моцъ и въ рейментъ поданы суть, тые ото своволные попове зъ владзы (власта) и зъ рейменту (управленія) его милости выняли и юрисдыцыи своей прывлащыли (присвоили) противъ праву и прывильямъ стародавнымъ отца митрополитовымъ, въ которыхъ то меновите доложоно, ижъ митрополитове Кіевскіе церкви свое Греческого закону въ своей моцы мѣти, пасвити, справовати и нодавати ихъ водлугъ правилъ светыхъ мають, — до того владыки, архимандрыты, игумены попы, діяконы и всякій станъ свещенническій Греческого закону яко духовныхъ, такъ и свѣцкихъ судити, рядити и всякіе справы духовные справовати, благословляти, а непослушныхъ и выступныхъ повстегати и карати мають никимъ не возбранно. Ино кгдыжъ тые попы отцу митрополитови, пастырови своему послушенство выказали, тымъ самымъ негодныхъ себе до держанья тыхъ церквей быти осудили, которыхъ противъ ясныхъ прывильевъ отца митрополитовыхъ, безъ благословенья его пастыра своего никако держати не могутъ; а протожъ прыказуемъ вамъ, абысте тые церкви вси одъ поповъ помененыхъ зъ моцы ихъ взяли скарбы церковные на реестръ списавшы отобрали и въ пилномъ захованью церковномъ мѣли, а если бы чого водлугъ старыхъ реестровъ и инвентаровъ не доставало, пилное вывѣданье, гдѣ ся што подѣло, учынили и о всемъ отцу митрополитови, яко старшому церквей оныхъ, справу дали. И еслибы шкода (убытокъ) якая именшая въ скарбѣхъ церковныхъ отъ когожъ колвекъ, будь то

отъ поповъ помененыхъ, будь тежъ одъ самыхъ дозорцовъ пре (зъ) недбалость (небрежность) ихъ стала ся, жебысте того съ пилностю досмотрѣли, якобы все въ цалости церквамъ Божымъ вернено и нагорожоно было. Къ тому попомъ тымъ, которымъ бы отецъ митрополитъ на мѣстце тыхъ свовольныхъ и непослушныхъ поповъ церкви поручыти и подати хотѣлъ, жебысте неспротивляли се, але (но) тые церкви въ дозоръ подали конечно подъ ласкою нашою, иначей того не чынечы. Писанъ у Варшавѣ на соймѣ валномъ (главномъ) року Божого Нароженья, 1609, мѣсеца февраля 20 дня.

Копія. Подписей нѣтъ. На обратной сторонѣ одна русская и двѣ польскихъ надписи о содержаніи акта. (Въ библіотекѣ лит. сем. есть и другая копія этого документа, писанная польскими буквами). Одна изъ польскихъ надписей гласитъ, что копія эта писана рукою Потѣя. На основаніи одной указанной и нѣсколькихъ (маловажныхъ) пропущенныхъ помарокъ можно думать, что это не копія, а черня́къ, написанный рукою Потѣя для королевской канцеля́ріи.

3.

Королевскій приказъ виленской ратушѣ о передачѣ виленскаго Троицкаго монастыря Рутскому и объ оказаніи ему при этомъ помощи. 1609 г.

Жикгимонтъ и проч. Бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ и всему посполству мѣщаномъ мѣста нашого Виленского вѣры Руское (*). Ознаймуемъ вамъ, ижъ маючы мы вѣдомость отъ велебного въ Бозѣ отца Ипатея Патея, митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского,

о выступкахъ (преступленіяхъ) Самойла Сенчиловича, бывшого архимандрыта монастыря Светое Живоначальное Троицы въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ и зложенью его судомъ духовномъ зъ стану архимандрычого, а за залеценьемъ (ходатайство) тогожъ отца митрополита зъ ласки нашое господарьское прерочоный монастырь Светое Троицы Виленскій съ фольварками, зъ кгрунтами и зо всими до него належностями дали есмо отцу Іосифу Велямину Рутскому, ермонаху тогожъ манастыра, до живота его, о чомъ ширѣй въ привилею нашомъ на то ему отъ насъ даномъ описано есть. Про то абы есте о томъ выдаючы прерочоного отца Іосифа Велямина Рутского за архимандрыта того манастыра маючы учстивость всякую и послушенство звыклое (звыклое) въ справахъ духовныхъ оному отдавали и въ чомъ будетъ потреба, помоцни ему были, иначей того не чинечи подъ ласкою нашою. Писанъ у Варшавѣ лѣта Божьего Нароженья тисеча шесть сотъ девятаго, мѣсеца Февраля двадцатого дня. Sigismundus rex. Янъ Соколинскій писаръ.

Большая королевская печать оттиснута на бумагѣ; писанъ на листѣ.

4.

Жалоба Рутскаго на виленское Свято-Духовское братство, пытавшееся возвратить Троицкій монастырь отъ уніятовъ. 1609 г.

Лѣта Божого Нароженья тисеча шесть сотъ девятого, мѣсеца Марца двадцатого дня. Передо мною Деметріемъ Карпемъ секретаромъ его королевской милости, намѣстникомъ Виленскимъ, ставшы очевисто велебный въ Бозѣ отецъ Іосифъ Велядинъ Рутскій, архимандрытъ Виленскій светое Троицы, опо-

вѣдалъ и обтяжливе жаловалъ на Самойла Сенчиловича въ томъ, ижъ дей будучы онъ отъ превелебного въ Бозѣ отца его милости Ипатея Потея митрополиты Кіеского, Галицкого и всея Росіи, владыки Володимерского и Берестейского за розные выступки свои декретомъ суду духовного выклятымъ и зъ стану, который на собѣ носилъ, архимандрычого, зложонымъ отъ часу вжо немалого, то пакъ року идучого тисеча шесть сотъ девятого, мѣсеца Марца девстнадатого дня, собравшыся съ черньцами церкви новое, а яко се сами жъ они называють Светого Духа, и зъ множествомъ людей розного стану, противящихся зверхности его милости отца митрополита звышъ менованого, человѣка на пятдесятъ опрочъ головнѣйшыхъ мѣщанъ до братства тоежъ церкви уписныхъ, а мяновите: Семена Красовского, Семена Новогородца, Петра Коптевича и многихъ иншыхъ тогожъ брацтва мѣщанъ Виленскихъ, которые передъ воротами монастырскими стояли,будучы готовыми на помочь ему Сенчиловичу, кгвалтовне (насильно) нашолъ на монастыръ помененный Светое Троицы подъ часъ одправованья въ церкви Литоргіи светое,—чернцовъ, черницъ и людъ въ церкви на онъ часъ на набоженствѣ будущый потурбовалъ и монастырь посполу съ церковью кгвалтовне осѣсти и брацтво звышъ номененое до него впровадити усиловалъ, въ чомъ ижъ нарушилъ покой посполитый и помененому отцу Іосифу Веляминови Рутскому въ спокойномъ держанью и вжыванью того монастыра перешкоду учинилъ, хочети о томъ зъ нимъ у права мовити и съ тыми, которые его впровамали на тотъ часъ до монастыра, або поличными якожъ колвекъ были, протестовалъ ся и просилъ, жебы до книгъ кгродскихъ Виленскихъ то записано было, што есть записано. Съ которого записанья и есть выпись подъ моею печатью отцу Іосифу Рутскому, архиман-

дрыту Светое Троцы Виленскому есть выдан. Писан у Вильнѣ. Лукаш Велевскій писар.

Скрѣпленъ печатью, оттиснутою на бумагѣ, положенною на воскѣ.

5.

Заявленіе западно-русскаго православнаго духовенства, дворянства и мѣщанъ о томъ, что они не признаютъ Ипатія Потѣя своимъ законнымъ митрополитомъ. 1609 г.

Постановившы очевисто его милость отецъ Самойло Сенчыло архимандрытъ Виленскій монастыра Святое Троицы, отецъ Варѳоломей Жашковскій протопопа, отецъ Леонтей Бобрыковичъ, священникъ Воскресенскій и все духовенство клиросу Виленского, а зъ стану шляхетского ихъ милость князь Александеръ Пузына, панъ Василей Харевскій, панъ Арнольфъ Вырыковскій, панъ Давидъ Солтанъ, а пры ихъ милостяхъ великое згромаженье яко стану шляхетского, такъ и человѣка посполитого мѣстского реліи Греческое послушенства патріархи Константинопольского протестуемся и оповѣдаемъ ся вашей милости и обтяжливе жалуемъ мы особы духовные и свѣтскіе такъ стану шляхетского, яко и человѣка посполитого мѣстского, наслядовцы старожытное реліи Греческое, о томъ, ижъ што въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ девятомъ мѣсеца Апрѣля чотырнадцатого дня нѣкоторые съ поисродку рады вашей милости лавицы Руское, а меновите: панъ лукашъ Бандиковичъ, бурмистръ виленскій, панъ Томашъ Олшаница, панъ Хведоръ Михайловичъ, панъ Александеръ Мамоничъ, панъ Левонъ Мамоничъ—райцы, панъ Лукашъ Ильничъ, панъ Лукашъ Сатаничъ — лавники, панъ Иванъ Яцевичъ,

писаръ учинили претестацью на врадѣ кгродскомъ Виленскомъ именемъ своимъ и именемъ другихъ, тамъ непомененыхъ такъ зъ рады стороны Руское, яко и человѣка посполитого, даючы въ той мѣрѣ прычину поступкови дозорцовъ тогорочныхъ церкви монастыра Светое Троицы, ижъ пры внесенью протестацыи на его милость отца Ипатія Потѣя и ксендза Іосифа Велямина Рутского и по данью имъ позвовъ, его отца Ипатія митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси не называють, а того Рутского ксендзомъ зовуть, не прызнаваючы ихъ тымъ самымъ за власныхъ и правдивыхъ пастырей своихъ, презъ которыхъ якобы жадное (никакое) уближенье и нарушенье старожытпое религіи нашое греческое дѣетьсе не мѣло. Што ижъ насъ всихъ старожытное реліи Греческое людей непомалу заходить и долегать мусить, же персоны тые назвиском старожитное реліи нашое Греческое тытулуючыся, а речью самою, то есть отданьемъ нослушенства власнымъ, костела и вѣры рымское наслядовцами будучы, хочуть презъ таковые поступки ку вонтпливости (сомнѣніе) и сказѣ (искаженіе) привести права и вольности старожытные реліи нашое Греческое зъ давныхъ вѣковъ служачые, межы которыми тежъ суть права и свободы отъ королей ихъ милости и теперь щастливе намъ нануючого пана нашого милистивого наданые обывателемъ того столечного мѣста Виленского зъ одное стороны радѣ лавицы рымское и посполству тоежъ реліи, а зъ другое стороны радѣ лавицы Руское и человѣку посполитому южъ не набоженства и послушенства костела рымскаго, але людемъ реліи Греческое, которая въ тыхъ паньствахъ его королевское милости далѣй, нижъ шесть сотъ лѣтъ подъ благословенствомъ звыклого (обычного) пастыра своего патріархи Константинопольского вцалѣ и ненарушоне за ласкою Божою трвала и тры-

ваеть (пребываетъ); которымъ то благословенствомъ и духовнымъ послушенствомъ звыклого пастыра своего светѣйшого патріархи Константинопольского ижъ его милость отецъ Ипатій Потѣй посполу и зъ единомысленниками своими взгородѣвшы (презрѣвъ), ему самому и продкомъ его незвыклое его милости отцу папежови рымскому послушенство отдалъ; теды яко тымъ самымъ, такъ и прымноженьемъ розныхъ што часъ уразовъ (обидъ) и анкгарый (притѣсненій) не только до нарушенья, але и зъ кгрунту вывернення всихъ правъ и волностей старожытное реліи нашое Греческое, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ, великую и значную, иле зъ него быти могло, давшы прычыну, жаднымъ способомъ за правдивого въ реліи нашой пастыра, то есть митрополита Кіевского и всея Руси, ани водлугъ права, ани водлугъ звычаю, почитанъ быти не можетъ; што яко декретами власти духовное, такъ и розными поступками и процесами правными отъ всихъ вобецъ наслядовцовъ старожытное реліи нашое Греческое розныхъ часовъ и на розныхъ мѣстахъ учинеными, ку тому декретами трыбуналскими а наветъ (даже) и самыми констытуцыями сеймовыми явне и значне указано, объяснено и оголошоно есть. Съ тыхъ теды всихъ мѣръ, яко самъ его милость отецъ Ипатей Потѣй правдивымъ митрополитомъ, такъ и вси его за пастыра собѣ прызнаваючые, власными и правдивыми реліи нашое Греческое наслядовцами называтися и правъ и волностей людемъ реченое реліи будучымъ служачыхъ, водлугъ права и вшелякихъ слушностей, прывлащати (присвоивать) собѣ не могутъ. Которые то права и волности ижъ персоны вышей помененые въ вонтпливость прывести хотечы и другихъ за собою поменившы глухо въ той протестацыи чоловѣка посполитого затягнути усилуютъ,—прото мы всѣ, которые се теперъ на томъ пляцу особами своими

становимо, такъ сами отъ себе, яко и именемъ всихъ власныхъ и правдивыхъ старожитное реліи нашое Греческое наслядовцовъ соленниеръ (торжественно) протестуемо се, ижъ о жадномъ таковомъ згромаженью людей релiи нашое Греческое не вѣдаемъ, которые бы его милость отца Ипатія за пастыра своего, то есть правдивого митрополита Кіевского и всея Руси, признавати мѣли. А если бы якая персона съ посполства, або клира, о которыхъ теперь не вѣдаемъ, тому намъ и порядкамъ нашымъ незвыклому ярму карки (спины) свое покладати мѣли; тогды тымъ самымъ не Греческое, але рымское релiи наслядовцами оказать бы се мусѣли. А мы съ каждымъ таковымъ, который бы привлащеньемъ собѣ неналежного тытулу и инымъ якимъ колвекъ способомъ права и вольности нашы въ якую вонтпливость прыводити хотѣлъ, вольное собѣ право и мовенье заховуючы, просимъ, абы тое сповѣданье и протестацыя наша до книгъ враду вашей милости прыната и записана была.

Печатанъ по выписи изъ книгъ виленскаго магистрата. Писанъ на листѣ. Внизу оттиснута на бумагѣ малая печать.

6.

Дозволеніе отъ митр. Ипатія Потѣя виленскому мѣщанину Петру Васильевичу на возобновлёніе и на арендное содержаніе— зданій, принадлежащихъ деревянной церкви св. Николая. 1612 г.

Ипатей Потей Божою милостью архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Росіи, владыка Володимерскій и Берестейскій. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ што передъ погореньемъ мѣста

Виленского мѣшкане въ мурѣ подъ звонницою Никольскою, на церковь светого Николы належачое, то есть свѣтлица съ комнатою, другая свѣтличка на горѣ, тежъ мѣшканье въ тылѣ съ пивницею мурованою было и черезъ тую пожогу все погорѣло. А такъ хотѣчы мы мѣти, абы муры церковные безъ поправеньи не стояли и за тымъ абы шкоды церквамъ Божымъ не было, дали и завели есмо на побудоване тые помененые мѣшканья нры церкви деревяной светого Николы подъ звоницою будучые при улицы Сумлинской вороты ку той улицы однымъ бокомъ а одъ дому тежъ Никольского, въ которомъ на сесь часъ мѣшкаеть Янъ Лятецкій маляръ, а другимъ бокомъ презъ улицу одъ дому Якуба ложовника, а тыломъ отъ дому Станислава шевца нану Петру Васильевичу, меснику и мѣщанину Виленскому и малжонцѣ его Аннѣ; который же тотъ Петръ а зъ малжонкою своею водлугъ потребы тые мѣшканья своимъ власнымъ коштомъ и накладомъ поправившы або и што прибудовавшы, сами и потомкове ихъ до жывотовъ своихъ мѣшкати мають, платячи въ кождомъ року священникомъ Никольскимъ, которые на тотъ часъ одъ митрополитовъ Кіевскихъ тую церковъ держати будутъ, по семъ копъ грошей литовскихъ на двѣ ратѣ: одна рата полчварта копы грошей на денъ Петра светого, а другою—полчварты копы грошей на день Божого Нароженья водлугъ старого календара, которое колвекъ раты. А по животѣ ихъ и потомковъ ихъ все тое будованье на церковь Никольскую маетъ быти. А вѣдъ же если бы потомкове ихъ хотѣли въ тыхъ мѣшканьахъ мѣшкати, того..... постановеньемъ держачимъ на тотъ часъ тое церкви никольское и съ повышеньемъ чиншу держати тое будутъ, до чого мимо иншого кого близскими до того быть маеть. Шинкъ тежъ медовый, пивный, горѣлчаный и вшелякого напою имъ самымъ и по-

томкомъ ихъ въ томъ дому своемъ держари и иншихъ пожитковъ водлугъ воли своее прибавляти вольно будетъ. А если они сами похочутъ а по нихъ потомкове ихъ тое доживотье свое кому иному, такъ повиннымъ своимъ, яко и людямъ обчимъ наняти, въ сумѣ заставити або продати, ино то имъ вольно будетъ за вѣдомостью и позволеньемъ вряду духовного, который одъ митрополитовъ Кіевскихъ на тотъ часъ въ томъ мѣстѣ Виленскомъ будетъ. И на то дали есмо помененному Петру Васильевичу и малжонцѣ его сесь нашъ листъ съ печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Вильнѣ року Божого Нароженья тисеча шесть сотъ двенадцатаго, мѣсеца Іюля 29 дня.

Собственноручная подпись Потѣя: власною рукою.

Видны слѣды печати. Ветхъ.

7.

Донесеніе возного въ трибуналъ о томъ, что нѣмецъ Балверъ, строя домъ на мѣстѣ св. Михайловской церкви, вырылъ много человѣческихъ костей. 1622 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцаубъ второго, мѣсеца Мая двадцать семого дня. Передъ нами судями головными, на трибуналъ у великомъ князствѣ Литовскимъ зъ воеводствъ, земль и повѣтовъ на рокъ теперошный тисеча шесть сотъ двадцать вторый обраными, ставшы очевисто возный воеводства Виленского Янъ Кгроностайскій квитъ свой ку записанью до книгъ головныхъ трыбунальныхъ призналъ, писаный въ тые слова: Я Янъ Кгроностайскій, возный воеводства Виленского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучого тисеча

шесть сотъ двадцать второго, мѣсеца Мая двадцать пятаго дня, маючы я при собѣ стороною людей добрыхъ трохъ шляхтичовъ: пана Стефана Гуторовича, пана Миколая Островского а папа Яна Пузовского, съ которыми быломъ въ справѣ велебного въ Бозѣ его милости отца Іосифа Рутского, архіепископа, митрополиты Кіевского, Галицкого и всея Руси, и капитулы его законниковъ манастыра Виленского Светое Троицы, и будучы мнѣ возному тутъ въ мѣстѣ Виленскомъ за оказенемъ велебного отца Захаріяша Вѣлского, презвитера закону светого Василя, видѣломъ съ тою стороною шляхтою въ дому Петра Балвера, нѣмца, на улицы Великой, идучы до костела светого Яна по правой руцѣ на рогу улочки, которая идетъ ку Збору Евангелицкому, долъ глубокій на закладане муромъ фундаментовъ выкопаный, и фундамента закладать почато, тамъ виделомъ трунъ (гробъ) тѣлъ змерлыхъ похованныхъ до килку десять, которыхъ для поламаня и покгрухотаня (разрушенія) въ копанью фундаментовъ поличыть трудно, бо нѣкоторые труны въ полъ поперетинано, конаючи доски повыкидано а костей въ трунахъ въ полъ долу въ земли барзо сила видетъ; потомъ шлисмы въ домъ того Петра Балвера и нашолемъ въ стайни костей людей змерлыхъ кадъ велкую наложено и прыкрыто, снать съ тогожъ долу вымовано. Што все отецъ Бѣлскій мною вознымъ и стороною освѣтчылъ, повѣдаючы, ижъ дей тотъ Балверъ зъ другими участниками своими, не вѣдати, якимъ правомъ, набывшы собѣ мѣстца церковного, гдѣ передъ тымъ церковь светого Михаила Архангеля была, и онъ самъ тотъ нѣмецъ, будучы геретикомъ, кгвалтитъ мѣстца церковные, не даючы тѣламъ людей католицкихъ, Пану Богу змерлыхъ, въ покою лежать. Што я, возный, видечы и слышечы по достатку на квитъ

списавшы, ку записаню до книгъ головныхъ трыбунальныхъ съ печатью и зъ подписомъ руки моее и зъ печатми стороны шляхты вышмененое даю. Писанъ у Вилни року мѣсеца и дня выншеписаного. У квиту печатей прытисненыхъ чотыры, а подпись руки возного тыми словы: Jan Gronostaysky renkon swon. Который тотъ квитъ за устнымъ и очевистнымъ прызнанемъ помененого возного есть до книгъ головныхъ трыбунальныхъ уписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ подъ печатью земскою воеводства Виленского въ Бозѣ велебному его милости отцу Іосифу Велямину Рутскому есть выданъ. Писанъ у Вильни.

Скрѣпленъ печатью и польскими подписями маршалка трыбунала Николая Глебовича и другихъ пяти членовъ.

8.

Опись имущества церкви св. Георгія на Росскомъ предместьѣ въ Вильнѣ. 1640.

Року тысяча шесть сотъ четиредесятого, мѣсеца Марца по старому пятого дня, за розказанемъ въ Бозѣ превелебного его милости отца Антонія Селавы, архіепископа Полотского, а намѣстника метрополіи, я Естафи Каменскій, протопопа Виленскій, подалемъ церковъ светого Георгія въ мѣстцѣ Виленскомъ на предмисцю Роскомъ и речи въ ней ведлугъ реестру у пана Лебядича, райцы, написаного знайдуючіесе чесному отцу Василю Дороѳеевичу, свещенникови помененое церкви. Крестъ сребный, Евангеліе подъ аксамитемъ зелонымъ, критее сребромъ зъ обу сторонъ безъ клявзулки одное, лихтаровъ мосяжнихъ па двухъ ножкахъ два, лихтаровъ округлихъ пара мѣло бы быть лечъ зостали не выкупленіе. Лихтаръ высячій о два-

насту рукахъ, другій о шестцу рукахъ мѣлъ бы быть, але поламаный ледво о чтырехъ; келихъ сребный злоцистый, дискосъ, звѣзда и лыжка сребрные, Апостолъ писаный, Трефолой писаный, Псалтирка писаная.

Рыза китайяная зелоная, рыза бурациковая прстрая, рызы черные аксамытніе и натрахилъ чорный, поручіе, воздушокъ, стихарь плоцѣнный, антепендая бурациковая прстрая, товалня сѣтковая съ червонымъ едвабьемъ, на жертвонику полотно простроe. аксамитъ накривало чорный староподшарпаный, кадилница мосьяжная безъ денка, копилчикъ мѣдзяный для воды свѣнцоной, звонокъ до сугнованя, толваня вышиваныe, лиштвы отъ пани Сафановой наданые, звоновъ на звонници чотыри высячихъ.

Естафій Каменскій, протопопа Виленскій, рукою власною.

Затѣмъ приписано рукою протопопа Каменскаго: Придатокъ речи, которые се за моимъ стаpанемъ въ той же церкви найдуются, то есть хоръ. который ми коштуе копу и грошей 12, кадилицы верхъ новый. за которую грошей 50 литовскихъ, свѣчь у лихтару висячимъ за осмь потройныхъ.

Печати нѣтъ. Писанъ на полулистѣ.

9.

Подтвердительная запись Льва Сапѣги жировицкому монастырю на землю. 1816 г,

Року отъ Нароженья Господа нашого Іисуса Христа тисеча шесть сотъ шестнадцатого, мѣсеца Августа 22 дня. Я Левъ Сапега, концлеръ великаго князства Литовского, Могилевскій, Шерешовскій и иныхъ староста чыню, явно и вѣдомо всимъ посполите и каждому зъ особна, кому одно то належало вѣдати

нинешного и на потомъ будучого вѣка людемъ, ижъ што продкове мои зъ имѣня Шыловицкого съ маетности своее надали на домъ и церковъ Божію Пречистое Богородици въ Жыровичахъ шматъ кгрунту земли пашное по сей сторонѣ рѣчки противъ церкви, гдѣ теперь сельцо Огородники сѣдять. А ижъ мнѣ се тое имѣнье Шыловичи достало съ подаваньемъ церкви Божсй. протожъ я тотъ кгрунтъ церкви Божой отъ продковь наданый подтвержаю, а надъ то корчму Шиловицкую тамъ же въ Жировичахъ по сей сторонѣ рѣчки, гдѣ и огородники церковные сѣдятъ зъ тымъ кгрунтомъ, на которомъ тая корчма стоитъ и што колвекъ тамъ есть кгрунту надъ тою рѣчкою у верхъ такъ поля оромого, яко сѣножатей и зарослей до тоежъ церкви Жыровицкое Пречистое Богородити надаю обѣль вѣчно и нейорушпо, А хто бы што колвекъ зъ наданя моего и продковъ моихъ на тую церковь Пречистое Богородици отъ тое церкви отняти и отдати хотѣлъ, тотъ будетъ проклятъ въ симъ вѣку и въ будущомъ и розсудится зо мною на страшномъ судѣ Хрыстововомъ А ижъ бы въ той церкви Божой Пречистое Богородици хвала Божъя часто се отправовала а за господара нашого короля его милость и за ею королевую и за королевичовъ ихъ милость, такъ тежъ за душу мою и за дѣтки мои и за увесь людъ Божый завжды молитъы были, надалемъ тежъ въ тотъ же домъ Божый Прочистое Богородици рызы Сурецкого златоглаву кветомъ чырвоныиъ великимъ на днѣ бѣлымъ окладка гаөтованая съ перлами и зъ бляхами серебреными и позлотистыми,—поруче также нерлами гаөтованые на чырвономъ аксамитѣ, эпитрахили два злотогловные, митра светительская съ перлами и зъ деисусомъ серебронымъ, посохъ светительскій, серебромъ оправный зъ шмалцомъ, площеница гаөтованая съ перлами, а передъ тымъ келихъ серебреный зъ ди-

скосомъ; што нехай будетъ на честь и хвалу Божью, а намъ на спасеніе и грѣховъ отпущенье. Левъ Сапега; канцлеръ великого князства Литовского власною рукою.

Эта собственноручная запись князя Льва Сапеги находится въ концѣ рукописнаго Евангелія 16 вѣка, хранящагося въ семинарс. библіотекѣ подъ № 2.

10.

Жалоба базильянкаго монаха Фрика на Θеодора Корсака за отнятіе отъ уніятовъ церкви св. Θеодора въ Пинксѣ. 1632 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ тридцат второго мѣсеца Мая шестнадцатого дня. На врадѣ его королевской милости кгродскомъ Пинскомъ передомною Миколаемъ Кунцевичомъ, подстаростимъ Пинскимъ, отъ ясне освѣцоного княжати его м. Альбрыхта Станислава Радивила, княжати на Олыцѣ и Несвижу, канцлера великого князства Литовского, старосты Пинского, Каневского, Тухолского установленымъ, ставшы очевисто отецъ Неофитъ Фрыкъ оповѣдане на писмѣ именемъ въ Бозѣ велебного его милости отца епископа Пинского и Туровского, съ подписомъ руки своее ку записаню до книгъ подалъ въ тые слова: Милостивые господа, засѣдающіе въ городскомъ Пинскомъ судѣ! Заявляю предъ вами и приношу жалобу на Θеодора Корсака, котораро Православные Пинскіе мѣщане, пользующіеся Магдебурскимъ правомъ, именно бурмистры, радцы, лавники и простой народъ настроили предстивить его королевской милости, моему милостивому государю, будто они не имѣютъ возможности свободно отправлять свое Бого-

служеніе въ г Пинскѣ. Этотъ г. Корсакъ, прибывши въ Пинскъ и не давши знать королевскимъ универсаломъ, писаннымъ ко мнѣ Рафаилу Корсаку, епископу Туровскому и Пинскому, объ уступкѣ (православнымъ) церкви св. Θеодора, и пришедши въ нынѣшнемъ 1633 г., Мая 14, въ упомянутую церковь, находящуюся въ г. Пинскѣ, имѣлъ намѣреніе отдать ее означеннымъ мѣщанамъ для отправленія Богослуженія. Но капитула Пречистенской соборной церкви въ Пинскѣ, а также базильянскій монахъ Неофитъ Фрыкъ, протопопъ Леонтій Михайловичъ Курциловичъ вмѣстѣ съ священникомъ этой Θеодоровской церкви и другими священниками—членами капитулы—въ присутствіи вознаго и шляхты, въ субботу 14 Мая, возбраняли передачу этой церкви поданнымъ ему, Корсаку, документомъ и указывали ему на королевскія привиллегіи, которыми эта церковь св. Θеодора взята у пинскихъ мѣщанъ и отдана навсегда пинской епископіи; при чемъ указывали и на то, что (православные) въ пинской епархіи въ различныхъ мѣстахъ могутъ свободно отправлять Богослуженіе, какъ и отправляютъ. На сеймѣ, бывшемъ при коронаціи теперешняго короля моего милостивого государя, именно въ актѣ, составленномъ всею Речью Посполитою ничего не говорится о передачѣ церкви св. Θеодора и упомянутые мѣщане, представивъ дѣло въ ложномъ видѣ, выпросили себѣ эту церковь; на основаніи всего этого (уніатскіе священники) и возбраняли передачу церкви, что признали на бумагѣ. Г. Корсакъ, принявши эти бумаги, не передалъ православнымъ церкви означеннаго 14 Мая, а между тѣмъ, когда съ 14 на 15 Мая, съ воскресенія на понедѣльникъ, священникъ Θеодоровской церкви Янъ Созоновичъ пришелъ по обычаю для совершенія утренняго Богослуженія въ третьемъ часу ночи, какъ онъ самъ

доносилъ имъ объ этомъ, то увидѣлъ, что церковные ворота и церковь св. Өеодора отперты и въ церкви засталъ мѣщанъ и священниковъ Каменскаго и Тимоөея Аввакумовича, которые совершали Богослуженіе. И за тѣмъ, когда я послалъ возного съ шляхтою, то онъ засталъ еще мѣщанъ и, по свидѣтельству священника, это видѣли возный съ шляхтою. О такомъ незаконномъ поступкѣ и передачѣ церкви, не смотря на сдѣланныя писменныя заявленія, намѣреваясь начать судебное дѣло съ Корсакомъ, я прошу занести эту мою протестацію въ гродскія пинскія книги. По порученію его м. епископа пинского и туровского отецъ Неофитъ Фрыкъ, инокъ ордена св. Василія; то есть записано, съ которыхъ и сесь выпись подъ моею подстаростего печатью и съ подписомъ руки писарское въ Бозѣ велебному его м. отцу пинскому есть выданъ. Писанъ у Пинску.

Скрѣпленъ печатью, оттиснутою на бумагѣ, положенной на сургучъ. Переведено съ польскаго. Хранится въ библіотекѣ литовской семинаріи.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

ИСТРЕБЛЕНІЕ ГУГЕНОТОВЪ.

Для совершенія избіенія гугенотовъ назначена была ночь съ 23-го на 24-го августа. Въ день, предшествовавшій ночи избіенія, были приняты всѣ мѣры, чтобы увѣрить обреченную на смерть партію въ совершенной безопасности; это удалось такъ, что реформаты никогда спокойнѣе не отходили ко сну, какъ въ тотъ вечеръ, послѣ котораго среди ночи ихъ ожидало столь ужасное пробужденіе. Всѣ приготовленія къ кровавой банѣ были сдѣланы въ величайшей тайнѣ и уже подъ вечеръ мать и братъ короля не отходили отъ него ни на часъ, чтобы удержать его при произнесенномъ однажды рѣшеніи; но на короля находило то раскаяніе, то страхъ. Когда при началѣ Варѳоломеева дня, 24-го августа, онъ услышалъ первый выстрѣлъ, которымъ началось избіеніе, то послалъ одного дворянина съ повелѣніемъ пощадить адмирала и остановить все предпріятіе. Но раскаяніе короля, равно какъ и это повелѣніе, было уже поздно: глубокая тишина ночи во всѣхъ частяхъ города была прервана шумомъ оружія, крикомъ сражающихся и стенаніями умирающихъ; свѣтъ факеловъ и смоляныхъ вѣнковъ превратилъ ночь въ день и освѣщалъ совершеніе убійствъ. Быстрѣе всѣхъ дѣйствовалъ герцогъ Гизъ: побуждаемый мщеніемъ, онъ

---

*) См. 8 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

поспѣшилъ къ дому Колиньи, куда при крикѣ „во имя короля“ ворвалась толпа убійцъ. Надобно замѣтить, что не французъ обагрилъ свои руки въ крови достойнаго Колиньи; убійцею его былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, богемецъ, по другимъ же нѣмецъ изъ слугъ Гизовъ *). Онъ съ тремя французскими полковниками и однимъ итальянцемъ изъ Сіены, по имени Петруцци, ворвался въ комнату адмирала; адмиралъ въ то время стоялъ у стѣны и молился. На вопросъ богемца: „Ты ли адмиралъ?“ Онъ спокойно отвѣчалъ „я, но ты, молодой человѣкъ, долженъ быть почтителенъ къ моимъ сѣдинамъ.“ Вмѣсто отвѣта богемецъ пронзилъ его мечемъ и далъ нѣсколько ударовъ въ голову; трупъ чрезъ окно былъ выброшенъ на дворъ, гдѣ ожидали его герцогъ Гизъ и графъ Ангулемскій.

Собственно по смерти Колиньи началось убійство по всему городу; съ неистовыми воплями „смерть еретикамъ, бей еретиковъ“, изувѣры вламываются во всѣ жилища гугенотовъ: колютъ, рубятъ всякаго, кто попадется. Пробужденные отъ сна, безоружные, по большей части полуодѣтые, обреченные на смерть дѣлаются легкою добычею убійцъ; кому удалось убѣжать на улицу, тѣхъ ловятъ и убиваютъ. Пощады нѣтъ никому: ни возврасту, ни полу, ни заслугамъ, ни достоинствамъ; въ короткое время всѣ улицы покрываются кровью и трупами. Родственники убиваютъ своихъ родственниковъ, даже десятилѣтнія дѣти бѣгаютъ съ кинжалами, чтобы колоть спящихъ гугенотскихъ младенцевъ. Только и слышится, что выстрѣлы изъ мушкетовъ, смѣшанные съ воплями раненныхъ, трескъ и бренчанье разламываемыхъ дверей и оконъ, крикъ и стонъ грабителей и убійцъ; обезумѣвъ отъ ужаса, многіе, которые и могли избѣгнуть смерти, собственными руками вонзаютъ кинжалъ въ свою грудь!

Но если на улицахъ Парижа происходило такое страшное кровопролитіе, то Лувръ—это священное жилище монарха Франціи, представлялъ еще болѣе ужасное зрѣлище. Сейчасъ по-

*) По изслѣдованіямъ Вахлера убійцею Колиньи былъ богемецъ, именно Діановичъ; Французскіе же источники показываютъ, что онъ былъ нѣмецъ: Bemius Germanus in Guisii familia a puero educatus, говоритъ Туанъ кн. LII стр. 128. Канефигъ говоритъ объ немъ: Behen, Allemand trés devoué á la maison de Lorraine; il avait épousé une bâtarde du Cardinal.

слѣ полночи, король Карлъ IX, въ сопровожденіи матери и братьевъ своихъ, вышелъ на балконъ замка и дожидался начала кроваваго представленія. Долго безмолвно присматривался онъ къ тишинѣ, наконецъ подъ балкономъ раздался выстрѣлъ—условный знакъ посланнаго отъ герцога Гиза, что Колиньи убитъ. Тогда король, съ звѣрскою радостію, вскочилъ и отдалъ приказъ ударить въ колокола замка. Съ первымъ звономъ ихъ швейцарская гвардія выстроилась въ два длинные ряда, у входа въ дворъ, чтобы убивать каждаго гугенота, который бы захотѣлъ проникнуть въ Лувръ, или выйдти оттуда; другая часть гвардіи, подъ начальствомъ капитановъ Колонны и Крунса, бросилась въ галереи замка, перешарила всѣ покои, гдѣ спали гугенотскіе дворяне или прислуга, исторгла ихъ съ постелей, тащила на дворъ, гдѣ они, по приказанію гвардейскаго полковника д'О, тотчасъ были перебиты. Все это совершалось, на сколько возможно, безъ малѣйшаго шума, чтобы не обратить вниманіе въ другомъ флигелѣ помѣщавшагося короля Наварскаго, ранѣе того времени, когда всякое вооруженное сопротивленіе было бы совершенно безполезно. Генрихъ Наварскій, вечеромъ 23 августа за часъ до полночи, пригласилъ въ свои покои принца Конде, съ вѣрными его друзьями, посовѣтоваться, какъ поступить, если король Карлъ не сдѣлаетъ имъ требуемаго удовлетворенія за покушеніе на жизнь адмирала. Совѣщаніе тянулось нѣсколько часовъ, наконецъ согласились — рано утромъ потребовать отъ короля еще разъ правосудія, объявивъ ему, что если онъ откажетъ въ немъ, то они сами разыщутъ и накажутъ виновныхъ. Разумѣется они уже не ложились спать, такъ какъ было уже около трехъ часовъ утра, и при лунномъ свѣтѣ начали играть въ мячь, въ ожиданіи, пока встанетъ король. Такъ мало предчувствовали они ужасы этой страшной ночи! Но едва они взошли въ пріемную короля, какъ были окружены многочисленною стражею, и арестованы. Короля Навар. и принца Конде привели къ королю на балконъ, и здѣсь только узнали они о тѣхъ ужасахъ, которые происходили. На площади подъ балкономъ бушевала толпа, недалеко оттуда цѣлая груда труповъ, освѣщаемая смоляными факелами, а на балконѣ король Карлъ, съ ружьемъ въ рукѣ, стрѣлялъ въ собственныхъ своихъ поддан-

ныхъ, хотѣвшихъ спастись вплавь по Сенѣ. „Tués, Tués, (стрѣляй).!!“ кричалъ король, когда они выходили на балконъ, а самъ схватилъ другое ружье, которое, только что заряднымъ, подалъ ему его оруженосецъ. Въ изумленіи оба принца отскочили назадъ, но въ туже минуту король обернулся среди страшныхъ проклятій, назвалъ ихъ измѣнниками и бунтовщиками и грозилъ имъ снести головы, если они въ теченіи трехъ дней не отрекутся „отъ своего безбожнаго невѣрія и не обратятся къ катол. религіи.“ За тѣмъ, онъ велѣлъ ихъ увести и посадить подъ арестъ, такъ что они, хотя и арестованные, были покрайней мѣрѣ въ безопасности. Не такъ были счастливы ихъ друзья и единовѣрцы: ихъ перехватали, вывели на дворъ замка и тотчасъ избили. Многіе сопротивлялись и, за неимѣніемъ своего оружія, вырывали его изъ рукъ гвардейцевъ, чтобы сколько возможно дороже продать свою жизнь. Иные пытались спастись бѣгствомъ, но гвардейцы преслѣдовали ихъ по всѣмъ комнатамъ и галлереямъ и убивали. Къ четыремъ часамъ утра не осталось во всемъ замкѣ ни одного уголка, который бы не былъ обагренъ кровію. Болѣе двухъ сотъ храбрѣйшихъ и знатнѣйшихъ гугенотовъ,—все герцоги, графы и бароны и болѣе шести сотъ мелкихъ дворянъ и прислуги нашли свою смерть въ Луврѣ въ эту ночь. Изъ всѣхъ гугенотовъ, квартировавшихъ въ замкѣ, кромѣ Ко́нде́ и Наваррскаго, остались въ живыхъ только пятеро, и то по тому, что имъ посчастливилось убѣжать въ спальню Маргариты, супруги короля Наваррскаго и сестры короля Карла *).

Пока это происходило въ замкѣ, убійство въ городѣ не прекращалось ни на минуту, и ни одинъ домъ, гдѣ подозрѣвали гугенота, не оставленъ безъ обыска. Къ убійству присоединилось воровство, грабежъ и поруганіе надъ женщинами, по-

*) Это были герцогъ Граммонтъ, герцогъ Дюрасъ, Арманьякъ первый канцлеръ наварскій,—Бонсъ первый шталмейстеръ и капитанъ Гастонъ-фонъ Лейранъ. Получивъ нѣсколько ранъ, преслѣдуемые цѣлымъ десяткомъ гвардейцевъ, они подбѣжали къ дверямъ-королевина покоя; она, полуодѣтая, заступилась за нихъ и предводитель гвардейцевъ, полковникъ Нансее не отважился продолжать преслѣдованія, потому, что это было бы оскорбленіе личности королевы Наварской, сестры его государя. Маргарита заперла свою комнату, дождалась пока окончится рѣзня и затѣмъ поспѣшила къ королю, чтобы броситься къ его ногамъ и испросить помилованіе этимъ пятерымъ.

тому что къ вооруженнымъ гражданамъ и солдатамъ примкнули толпы черни и всякой сволочи, которая пользовалась замѣшательствомъ, чтобы къ убійствамъ прибавить воровство и удовлетвореніе животнымъ склонностямъ! Только часть реформатовъ, жившихъ въ предмѣстіи С. Жерменѣ, по ту сторону Сены, между которыми жилъ и гр. Монтюмери, шартрскій вицедомъ, избѣжала смерти. Дѣло было такъ! когда герцогъ Гизъ подошелъ къ этому предмѣстью, мостовые ворота, чрезъ которые только и можно было проникнуть въ предмѣстье, оказались запертыми. Гизъ послалъ за ключами, но пока посланные воротились, прошло не мало времени, а между тѣмъ одному реформату, бывшему свидѣтелемъ убіенія Колиньи, удалось переплыть Сену, и извѣстить объ этомъ обстоятельствѣ своихъ единовѣрцевъ; они пустились бѣжать въ такомъ безпорядкѣ, что многіе пѣшіе были безъ обуви, а конные безъ сѣдла и узды. Впрочемъ, не многимъ посчастливалось бѣжать и изъ Кале уплыть въ безопасную Англію, большая часть настигнута была Гизовскими всадниками, у которыхъ, конечно, пощады не было ни для одного. Эта ужасная ночь извѣстна въ исторіи подъ именемъ *варѳоломеевской*, такъ какъ рѣзня гугенотовъ произведена въ день св. апостола Варѳоломея.

Наконецъ разсвѣло, и лучи солнца освѣтили ужасное зрѣлище. На всѣхъ порогахъ лежали мертвые, вездѣ разбросаны были оторванные члены человѣческіе. Въ канавахъ журчала кровь, какъ передъ бойней, и въ Сенѣ скопилось такое множество труповъ, что не было возможности пройдти челноку. Но не смотря на то, что многія тысячи гугенотовъ были перебиты, рѣзня не прекратилась, а продолжалась и днемъ съ такимъ же безумнымъ ожесточеніемъ, какъ и ночью. Люди перестали быть людьми, они превратились въ каннибаловъ, купавшихся въ крови. Многіе приносили домой, вмѣсто предписаннаго бѣлаго креста, отрѣзанныя уши убитыхъ. Иные ругались надъ мертвыми, перебрасываясь отрѣзанными головами и другими членами. Иные хватали даже колыбельныхъ младенцевъ, потѣшались ихъ плачемъ и даже носили ихъ на длинныхъ шестахъ. Только къ вечеру король велѣлъ по всѣмъ улицамъ объявить, чтобы каждый возвратился въ свой домъ Но не многіе торопились исполнить королевское повѣленіе, и

убійство, соединенное съ грабежемъ, не прекратилось ни ночью, ни на слѣдующій день. Да и самъ король не придавалъ серьознаго значенія своему приказанію, потому что послѣ солнечнаго захода онъ поѣхалъ съ матерью, братьями и со всѣми придворными дамами по главнымъ улицамъ города, обагреннымъ кровью, и по веселымъ лицамъ и шутливымъ рѣчамъ этой кавалькады слишкомъ замѣтно было какую радость доставляло имъ путешествіе по улицамъ, покрытымъ кровью *). Самъ король подъѣзжая къ висѣлицѣ, на которой висѣлъ изтерзанный трупъ адмирала, съ улыбкой сказалъ: „Такого прекраснаго зрѣлища мнѣ въ жизни не приводилось видѣть и запахъ трупа Колиньи пріятнѣе для меня розъ и фіялокъ.“ Какъ же могли отказать себѣ въ удовольствіи бить и рѣзать еретиковъ парижане, когда ихъ король проявлялъ такую радость на мѣстахъ ужаса.

Между тѣмъ какъ Парижъ плавалъ въ крови, по провинціямъ, особенно по большимъ городамъ, происходило тоже самое, что и въ столицѣ. Еще въ ночь съ 23 на 24 авг. поскакали во всѣ стороны курьеры, съ строгими указами къ губернаторамъ, чтобъ они захватили реформатовъ и ихъ имущества и возбудили противъ нихъ народный фанатизмъ. Разумѣется, чиновники поусердствовали исполнить волю короля, и так. обр. въ городахъ Ліонѣ, Орлеанѣ, Бордо, Тулузѣ и т. д. 25 и 26 разыгрывалась тоже драмма, какъ и въ варѳоломѣевскую ночь въ Парижѣ. Хотя нѣкоторые честные люди воспротивились было исполнить королевскій приказъ, какъ напр. виконтъ *Ортецъ*, губернаторъ Байонны, писалъ королю: „я сообщилъ вашъ указъ городскимъ жителямъ и гарнизоннымъ солдатамъ, но между ними не нашлось, ни одного, кто бы согласился быть палачемъ.“ Впрочемъ, говоря вообще, не многіе уклонились отъ роли палача; даже въ самыхъ малыхъ деревняхъ отправлялись

*) Какъ на доказательство развращенія нравовъ при французскому дворѣ того времени, укажемъ на то обстоятельство, что королевская кавалькада особенно долго стояла на берегу Сены, гдѣ лежали обнаженные (чернь снимала одежды съ убитыхъ) трупы убитыхъ въ Луврѣ гугенотскихъ дворянъ. Королева Екатерина и сладострастныя придворныя ея дамы, любовались на эту картину, особенно же обращало на себя вниманіе тѣло барона Карла-Субиза дю-Понтъ, супруга котораго незадолго предъ тѣмъ просила развода....

„Вареоломеевскія ночи.“ Такъ какъ всѣ поля покрыты были трупами, то отъ разложенія ихъ заразился весь воздухъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ открылась опасная эпидемія. Многіе воспользовались обиліемъ труповъ, вываривали ихъ и торговали человѣческимъ жиромъ. Точно впрочемъ нельзя опредѣлить, сколько вообще кальвинистовъ убито было въ эти дни и показанія историковъ колеблются между 50 и 100 тысячами *). Но судя по времени и способу рѣзни, можно думать, что даже и послѣдняя цифра ниже дѣйствительнаго числа убитыхъ.

Неудивительно, поэтому, что радость противной стороны была почти неописанна, и что особенно торжествовалъ въ сердцѣ своемъ „великій изъ римлянъ.“ Впрочемъ, не въ душѣ только торжествовалъ онъ, а открыто—предъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что *намѣстникъ* Христовъ, получивъ первую вѣсть о событіи, тотчасъ отправился въ торжественной процессіи со всѣми своими кардиналами въ церковь св. Петра принесть благодареніе Богу за славную побѣду католичества“, а съ замка св. Ангела стрѣляли изъ пушекъ и ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ. Святѣйшій отецъ, въ восторгѣ сердца, даже объявилъ юбилей съ неограниченнымъ отпущеніемъ грѣховъ, и когда онъ наконецъ получилъ въ спиртѣ голову Колиньи, посланную королемъ Франціи, то пришелъ въ такой экстазъ, что даровалъ королю титулъ „Piissimus“. Этимъ онъ еще не удовольствовался, и такъ какъ высшее духовенство Рима не имѣло счастія лично созерцать бойню гугенотовъ, велѣлъ лучшимъ своимъ художникамъ изобразить кистью и увѣковѣчить главныя сцены этой страшной ночи, чтобы почтенные кардиналы

---

*) Знаменитый Сускла число убитыхъ полагаетъ 70,000, а Перефиксъ, издавшій въ 1661 г. жизнеописаніе Генриха IV, опредѣляетъ въ 100,000. Во всякомъ случаѣ вѣрно-то, что не каждая война похищаетъ столько жертвъ, когда въ одномъ Парижѣ, насчитывали не менѣе десяти тысячь гугенотскихъ труповъ.

**) Первая изъ этихъ картинъ представляетъ адмирала Колиньи, какъ его раненнаго злоумышленникомъ Морсвертомъ ведутъ домой и внизу подпись: Gregorius XIII Pontif. Max. 1572. На второй убіеніе адмирала въ его дворцѣ вмѣстѣ съ Телиньи—зятемъ его и нѣкоторыми другими. На третьей Карлъ IX выслушиваетъ донесеніе о смерти Колиньи и радуется этому, а на заднемъ планѣ убійцы съ распятіемъ и кинжаломъ въ рукахъ нападаютъ на безоружныхъ женщинъ и дѣтей, перелѣзаютъ черезъ кучи труповъ, чтобы проникнуть въ жилища гугенотовъ. Кстати прибавимъ, что папа велѣлъ выбить медаль въ

и самъ онъ могли хоть любоваться картиною, когда лишены были удовольствія любоваться событіемъ. Три картины кроваваго содержанія, написанныя знаменитымъ Базари, висятъ и теперь въ королевской залѣ Ватикана и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о папскомъ умѣ и сердцѣ.

Не меньшая радость высказалась и въ Парижѣ: и тамъ совершились во всѣхъ церквахъ благодарственныя молитвословія и празднества. Парламентъ постановилъ даже во всѣ времена ежегодно въ день Варѳоломея совершать торжественную процессію въ благодарность Богу за уничтоженіе гугенотовъ, а королю Карлу IX воздвигъ возлѣ церкви Богоматери памятникъ, на которомъ представлено, какъ онъ попираетъ ногами гугенотовъ!

Казалось что протестанство навсегда погибло во Франціи, потому что страхъ, наведенный разсказаннымъ сейчасъ событіемъ былъ такъ важенъ, что пережившіе ужасы Варѳоломеевской ночи, не осмѣливались открыто исповѣдывать свою вѣру и, хоть наружно, переходили въ католичество. Но чрезъ нѣсколько недѣль гугеноты опять ободрились, и особенно граждане укрѣпленной Ла-Рошели показали другимъ примѣръ безстрашія. Не желая безъ сопротивленія отдаться въ руки своихъ враговъ и рѣшившись до послѣдней возможности защищать свою вѣру и жизнь, они заперли ворота своего города и съ геройскимъ мужествомъ противостояли всѣмъ нападеніямъ королевскихъ войскъ. Другіе города послѣдовали ихъ примѣру и закипѣли снова гугенотскія войны, конца которымъ нельзя было предвидѣть, особенно когда впослѣдствіи во главѣ реформатовъ стали король наварскій и принцъ Конде. Конечно, это возбудило страшный гнѣвъ папы (Пій уже умеръ, а преемникъ его Сикстъ V, конечно, былъ съ нимъ одного образа мыслей) и по повелѣнію его іезуиты и капуцины разошлись по всей Франціи, чтобы воспламенять ревность католиковъ противъ кальвинистовъ. Возобновилась священная лига и всѣ

память событій Варѳолом. ночи, и эти медали раздавалъ вѣрующимъ. На лицевой сторонѣ медали портретъ самаго его святѣйшества, а на задней ангелъ смерти, съ распятіемъ и мечемъ, которыми онъ поражаетъ все встрѣчающееся ему, а въ кругѣ надпись: „Ugonottom Strages“ (избіеніе гугенотовъ).

католич. князья, а особенно король испанскій и герцогъ савойскій получили повелѣніе вступить во Францію для истребленія еретиковъ. Папа Сикстъ проповѣдывалъ противъ нихъ даже всеобщій крестовый походъ и объявилъ, что „было бы *богоугодное дѣло убить короля Генриха наварскаго и всѣхъ его единовѣрцевъ, хотя бы то и сонныхъ.*" Тяжело и утомительно было бы разсказывать дальнѣйшіе эпизоды гугенотскихъ войнъ во Франціи, осквернившей исторію христіанства, такими кровавыми страницами, подобныхъ которымъ не представляетъ даже исторія гоненія язычниковъ на христіанъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Намъ нужно было только показать какимъ образомъ папы исполняли законъ христіанской терпимости и милосердія. Слѣдствіемъ впрочемъ, гугенотскихъ войнъ было совсѣмъ не то, чего ожидали въ Римѣ, потому что, вопреки папскому приговору, по смерти Карла IX и обоихъ его братьевъ взошелъ на престолъ не герцогъ Гизъ, свирѣпый глава ультра католич. партіи, а законный наслѣдникъ дома Валуа, Генрихъ IV, который, по нантскому эдикту (13 апр. 1598 г.) обезпечилъ гугенотамъ религіозную свободу и тѣмъ даровалъ миръ раззоренной и залитой кровью Франціи.

Но не долго наслаждалась Франція этимъ миромъ, столь противнымъ симпатіямъ его святѣйшества. Уже Урбанъ VIII (1638 г.) умѣлъ расположить короля Людвика XII къ попыткѣ повторить рѣзню гугенотовъ, и несказанно былъ обрадованъ вѣстію, что Ла-Рошель, главный укрѣпленный городъ гугенотовъ, послѣ четырнадцатимѣсячной осады, вынуждаемый страшнымъ голодомъ, долженъ былъ сдаться католикамъ. Но надежда папы, что Людовикъ XII „искоренитъ и остальныхъ всѣхъ еретиковъ" (буквальное выраженіе папы) не исполнилась, такъ какъ англичане принудили короля подтвердить гугенотамъ свободное отправленіе ихъ исповѣданія. Гораздо счастливѣе была іезуитско-римская партія при Людовикѣ XIV, которому принадлежитъ незавидная слава, что онъ протестанству сдѣлалъ гораздо болѣе зла, чѣмъ какой-либо другой монархъ.

Въ правленіе его протестанты уже не составляли вооруженной политической партіи, но, обезпеченные нантскимъ эдиктомъ, жили мирно и трудолюбиво; за свое скромное и непритязательное поведеніе, они пріобрѣли себѣ уваженіе даже отъ

самихъ католиковъ. Только папа и зависимое отъ него духовенство не ослабляли къ нимъ своей ненависти и день и ночь думали, какъ бы уничтожить самихъ еретиковъ до последняго. Но этого достигнуть нельзя было иначе, какъ привлекши короля на свою сторону, но къ несчастію ультрамонтанъ некоторое время нельзя было подступить къ Людовику. Когда онъ былъ молодъ и пылокъ, онъ съ увлеченіемъ отстаивалъ папскія притязанія, но впоследствіи, когда пресытился всеми мірскими удовольствіями, духовникъ его, іезуитскій патеръ Ла-Шезъ, котораго онъ принялъ къ себе по указанію папы Климента X, а также настроенная упомянутымъ папой, и даже пожалованная имъ золотою розою метресса, знаменитая Монтенонъ, привели его къ убежденію, что для снисканія милости на страшномъ суде ему необходимо заняться обращеніемъ реформатовъ, и потому король только и думалъ объ обращеніи гугенотовъ въ католичество. Средствомъ къ этому избрали сначала ограниченія и стесненія, затемъ различныя приманки. Когда эти средства оказались мало действительными, прибегли къ другимъ и съ 1670 г. не только запрещены были браки между католиками и реформаторами, но даже объявлено было, что гугеноты не могутъ вступать въ общественныя должности, не могутъ заниматься даже ремеслами, и сверхъ того более 600 местечекъ лишены были права отправлять протестантанское богослуженіе. За переходъ изъ католичества въ протестанство положена была смертная казнь, а гугенотскихъ детей тысячами брали у родителей, подъ предлогомъ, что эти дети хотятъ сделаться католиками. Въ тоже время каждый новообращенный изъ совершеннолетнихъ освобождаемъ былъ на два года отъ всехъ гражданскихъ повинностей, преимущественно же отъ „постойной,“ которая всею тягостію своею ложилась на гугенотскихъ домовладельцевъ, особенно если последніе упорствовали въ обращеніи къ католичеству. Въ 1682 г. Людвикъ XIV издалъ строгій эдиктъ, по которому всякая попытка къ эмиграціи наказывалась пожизненною каторжною работою, а за содействіе въ этомъ деле полагался штрафъ не менее 300 ливровъ. Сверхъ того, всемъ католикамъ запрещалось покупать у гугенотовъ дома и другое имущество и каждая такая покупка считалась недействительною. Въ тоже время разставлена

была по всѣмъ границамъ (особенно по береговой линіи) бдительная стража, чтобы ловить дѣйствительныхъ бѣглецовъ, и даже арестовать „подозрѣваемыхъ" въ намѣреніи оставить Францію. Вездѣ, гдѣ только были самыя незначительныя гугенотскія общины, съ давно запечатанными уже церквами, во множествѣ располагались солдаты и милиція, чтобы препятствовать и разстроивать каждое богослужебное собраніе въ открытомъ ли полѣ, или въ частныхъ домахъ, а захватываемые при этомъ проповѣдники присуждаемы были къ колесованію, къ висѣлицѣ, или къ каторжной работѣ. 1684 г. король пошелъ еще далѣе и во всеуслышаніе объявилъ, что въ его царствѣ на будущее время *должна* существовать *одна* только *религія*. Вслѣдствіе этого солдаты заняли протестантскія деревни и до тѣхъ поръ не выходили изъ нихъ, пока крестьяне, доведенные до отчаянія ихъ грабительствомъ и насиліемъ, не отрекались отъ своей вѣры. Такого рода обращеніе совершалось въ Беарнѣ, въ Лангедокѣ, Гвіеннѣ, Пуату и т. д., въ продолженіи года, до ста тысячъ такъ, что даже папа Иннокентій XI умѣрялъ миссіонерскіе порывы короля ханжи, говоря, что не стоитъ заботиться объ остальныхъ еретикахъ, которые еще держатся своей вѣры „*только по капризу*," а довольно будетъ указа объ окончательномъ запрещеніи протестантства во Франціи. Такимъ образомъ 22 окт. 1685 г. особымъ декретомъ нантскій эдиктъ уничтоженъ, и реформатамъ, подъ страхомъ казни и лишенія имущества, запрещено отправлять богослуженіе. Всѣ гугенотскія дѣти должны быть немедленно крещены по р. католическому обряду и на счетъ ихъ родителей воспитаны въ католич. вѣрѣ, а гугенотскимъ жителямъ и проповѣдникамъ велѣно или обратиться, или же въ теченіи двухъ недѣль оставить Францію, если они не хотѣли идти на галеры. Кратко сказать, *король хотѣлъ* совершенно *покончить съ протестанствомъ!*

Гугеноты пришли въ отчаяніе отъ этого фанатическаго эдикта. Каждый только и помышлялъ лишь о бѣгствѣ, и не смотря на то, что пойманнымъ бѣглецамъ грозила каторжная работа, или же смертная казнь, нѣсколькимъ тысячамъ удалось бѣжать за границу. „Прощай родина," говорили они и переодѣвшись нищими, слугами, странствующими музыкантами, богомольцами, студентами, солдатами, не смотря на бдительную

стражу, отправлялись, оставляя почти все свое имущество, въ Швейцарію, Голландію и даже на утлыхъ челнокахъ, въ Англію. Многихъ задерживали и въ оковахъ, отправляли на галеры, или даже въ Вестъ-Индію; но это не устрашало прочихъ, они готовы были лучше отдать все свое имущество на подкупъ пограничной стражи, лишь бы только уйдти. Исчислено, что такимъ образомъ, въ продолженіе года, Франція лишилась болѣе сими сотъ тысячь трудолюбивѣйшихъ, зажиточнѣйшихъ и умнѣйшихъ своихъ обитателей. Съ распростертыми объятіями приняты были бѣглецы протестанскими нѣмцами, а равно и швейцарскимъ правительствомъ, и такъ какъ теперь французская промышленная дѣятдльность перешла въ чужіе краи, то Франція потерпѣла такой уронъ, котораго нельзя было вознаградить никакими завоеваніями.

Впрочемъ всѣ французскіе реформаты, разумѣется, не могли уйдти, да и оставшіеся не желали вдругъ отречься отъ своей вѣры. Такъ, напр., въ провинціи Лангедокѣ, гдѣ интендантомъ былъ поставленъ Бавилль, въ 1686 г. не смотря на отмѣну нантскаго эдикта, жители не хотѣли прекратить своихъ реформатскихъ богослужебныхъ собраній. Бавилль прибѣгнулъ къ строгимъ мѣрамъ, онъ велѣлъ перебить участвовавшихъ въ собраніи женщинъ и дѣтей, а мужчинъ взять подъ арестъ и отправить на галеры. Всего жесточе поступилъ онъ съ проповѣдниками: всѣхъ, которые только попались ему, онъ приказалъ или повѣсить, или утопить, или колесовать *). Но не смотря на все это, протестанская вѣра не была уничтожена, и если впослѣдствіи ни одинъ духовный не осмѣливался отправлять богослуженіе, то являлись изъ простаго народа такіе, которые, при знаніи библіи, чувствовали въ себѣ призваніе утѣшать своихъ собратій по вѣрѣ и проповѣдывать имъ покаяніе. Такихъ проповѣдниковъ покаянія (ихъ называли пророками), переходившихъ изъ одного дома въ другой, было не мало уже въ 1688 г., а въ слѣдующіе за тѣмъ годы число ихъ умножалось,

---

*) Во время богослужебнаго собранія въ Оранжѣ, напр. было убито 28 человѣкъ, а сто тридцать пять, именно девяносто семь мужчинъ, и тридцать восемь женщинъ вмѣстѣ съ проповѣдникомъ схвачены. Всѣхъ ихъ отвели въ Монпелье, проповѣдника повѣсили, женщинъ, высѣкши розгами, заключили на всю жизнь въ тюрьму, а мужчинъ отправили на галеры.

и они разсѣялись по всему нижнему Лангедоку и особенно въ горахъ севеннскихъ. Разумѣется интентантъ Бавилъ обходился съ этими проповѣдниками такъ же безпощадно, какъ прежде съ дѣйствительными духовными и, въ теченіи одного ноября 1701 г., 21-го осудилъ на смерть. Не смотря на то казни и гоненія всегда сопровождались тѣмъ, что число пророковъ не уменьшалось, а даже увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось число посѣщавшихъ католич. церкви. Узнавъ объ этомъ папа Климентъ XI послалъ своихъ миссіонеровъ, которые своими краснорѣчивыми проповѣдями заставили бы замолчать пророковъ, но народъ ихъ и слушать не хотѣлъ. Убѣдившись что гугенотовъ можно обращать только силою, начальникъ миссіонеровъ, архіепископъ Lang Cade du Chaiba сталъ въ главѣ солдатъ, которые разосланы были по всей странѣ, чтобы днемъ и ночью разыскивать богослужебныя собранія; они проникали во всѣ, самые сокровенные уголки и не только, по приказанію архіепископа, вѣшали пойманныхъ проповѣдниковъ, но и самихъ слушателей, которые имъ попадались, вынуждали пытками выдать своихъ единовѣрцевъ, чтобы, такимъ образомъ, заразъ восторжествовать надъ ересью *). Такая жестокость довела народъ до отчаянія и, когда архіепископъ однажды велѣлъ нѣскольких состоятельныхъ реформатовъ, которые пойманы были въ бѣгствѣ въ Генорь, заключить въ находившуюся возлѣ его жилища тюрьму, и не принялъ довольно значительной выкупной суммы, которую предполагали родственники и знакомые заключенныхъ, эти послѣдніе, вооружившихъ дубинами, косами и алебардами, ночью окружили его домъ, зажигли его и, освободивши заключенныхъ, убили наконецъ самаго архіепископа, а сами бѣжами. Это случилось 23 іюня 1702 г.; разумѣется, за виновными тотчасъ послана была погоня; хотя многіе изъ нихъ были схвачены и, конечно, казнены, однакожъ большей части изъ нихъ удалось спастись въ горы, гдѣ они рѣшились

*) Онъ велѣлъ, напр. пойманнымъ выдергивать по волоску брови или бороду, или класть имъ въ руки горячія уголья, или обертывать пальцы хлопчатою бумаго, пропитанною масломъ и потомъ зажигать, или забивать ноги въ деревянныя колодки, такъ что имъ нельзя было ни стоять, ни лежать, или въ глазахъ родителей дѣвочекъ бить плетью, а мальчиковъ скоплять, отчего тѣ и другіе не рѣдко умирали.

защищаться до послѣдней крайности. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ на другихъ: въ скоромъ времени составились и другія партіи, нашлись для нихъ и предводители, напр. *Кастанетъ*, *Роландъ* и особенно Іоаннъ *Каваньеръ* крестьянскій сынъ, но замѣчательно даровитый человѣкъ. Такъ началась „война въ Севеннахъ", называемая „касмисардскою" *), окончившаяся только тогда, когда около ста тысячъ „принесено было въ жертву вѣрѣ."

На первыхъ порахъ надѣялись управиться скоро съ мятежными крестьянами и начали съ того, что безъ суда казнили всѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ снабженіи „горныхъ разбойниковъ" съѣстными припасами (въ одномъ городѣ Алэ, за это подозрѣніе повѣшено было 62 реформата), но когда увидѣли, что такъ называемые разбойники, не только защищались отъ нападеній и за жестокость въ отношеніи ихъ родственниковъ мстили сожженіемъ католич. церквей и избіеніемъ католич. духовныхъ, убѣдились, что нужно принять болѣе серьозныя мѣры. Папа Климентъ XI велѣлъ проповѣдывать всеобщій крестовой походъ и обѣщалъ совершенное отпущеніе грѣховъ каждому, кто вооружится на избіеніе и истребленіе этого „проклятаго и гнуснаго отродья." По соглашенію съ Людовикомъ XIV, въ началѣ 1703 г., онъ послалъ въ Лангедокъ маршала Монтревелла, съ двадцатью баталіонами пѣхоты, для подавленія мятежа, однако эта послѣдняя мѣра, не смотря на страшныя жестокости Монтревеля, не привела ни къ чему. Хотя онъ велѣлъ не только всѣхъ вооруженныхъ и подозрѣваемыхъ въ доставленіи провіанта стариковъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора сожигать на общихъ кострахъ, но и приказалъ разорить до основанія нѣсколько сотъ деревень и мѣстечекъ, при чемъ жителей всѣхъ убивать, а домы и имущество сожигать; не смотря на то камисарды во все не думали о сдачѣ. Даже напротивъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ счастливыхъ сраженій съ королевскими войсками, къ нимъ стали присоединяться рекруты. Такъ одинъ Кавальаръ (въ 1704 г.) имѣлъ у себя подъ командой отрядъ, со-

**) Отчего происходитъ названіе камисардъ, достовѣрно не извѣстно; можетъ быть, отъ Catîra т. е. куртокъ, камзоловъ, какіе носили мятежные гугеноты, а можетъ быть отъ Camis большая дорога, такъ что камисардъ будетъ значить прокладывающаго столбовую дорогу.

стоящій изъ тысячи пѣхоты, и двухъ сотъ всадниковъ, и этотъ отрядъ всюду между католиками распространилъ страхъ, убійство и пожаръ, почти такіе же отряды были и у другихъ камисардовъ. Но теперь Людовикъ XIV послалъ въ Севенны лучшаго своего генерала, маршала Виллара, съ такою многочисленною арміею, что никакъ нельзя было подумать, что у непріятеля не болѣе четырехъ или пяти тысячъ. Такой силѣ, естественно, камисарды не могли долго противостоять и скоро были разсѣяны и подавлены. Впрочемъ, Вилларъ своею побѣдою обязанъ былъ болѣе хитрости и подкупу, а равно и объявленію, что всякій добровольно сдавшійся гугенотъ имѣетъ право продать свое имущество и безпрепятственно отправиться за границу. Такимъ объявленіемъ онъ заманилъ многихъ, и когда ему открыта была одна большая пещера, служившая до сихъ поръ камисардамъ и госпиталемъ и складочнымъ мѣстомъ и пороховымъ заводомъ, когда перебиты были всѣ раненные и отняты были всѣ съѣстные и военные снаряды, тогда Кавальеръ не устоялъ противъ лестнаго предложенія поступить полковникомъ въ королевскую службу, и даже съ большею частію своихъ воиновъ принялъ католичество. Остальные предводители камисардовъ, Роландъ, Раванель и Катинатъ объявили его измѣнникомъ и старались продолжать войну, но маршалъ Вилларъ послалъ къ нимъ эмиссаровъ съ деньгами, и такимъ образомъ они перешли на его сторону. Этимъ способомъ окончено было камисардское возстаніе, но оно все же стоило четырехъ сотъ городовъ, деревень и мѣстечекъ, пятидесяти тысячъ гугенотовъ, и стольких же католиковъ. Не смотря на все это, реформатское исповѣданіе не прекратилось во Франціи, какъ это видно изъ того, что въ 1728 г. повѣсили въ Монпелье одного протестанскаго проповѣдника, и что даже въ 1744 г., въ одной отдаленной мѣстности нижняго Лангедока, составился протестанскій синодъ, въ которомъ было не менѣе пятидесяти представителей отъ тайныхъ гугенотскихъ общинъ. Еще позже въ 1746 г. протестанство опять свободнѣе подняло свою главу, и хотя тогда въ одномъ городѣ Греноблѣ болѣе трехъ сотъ человѣкъ казнено было за вѣру, однакожъ впослѣдствіи времени, при усиливавшемся просвѣщеніи, перестали уже слушаться папскихъ приглашеній избивать всѣхъ еретиковъ. Послѣд-

нимъ реформатскимъ мученикомъ во Франціи былъ *Францискъ Рошеттъ*, повѣшенный въ г. Тулузѣ 18 февраля 1762 г. Со времени революціи 1789 г. къ величайшему ужасу римскаго престола исповѣданіе протестанства дозволено государственнымъ закономъ.

3) Истребленіе протестанства въ Англіи.

Совершенно другой ходъ, чѣмъ во Франціи, приняло протестанство въ Англіи. Сначала казалось, будто по смерти Генриха VIII, при его дочери *Маріи*, вступившей на англійскій престолъ въ 1553 г., католичество насильно будетъ введено во всей странѣ, потому что эта королева, сейчасъ по возшествіи на престолъ (въ тотъ же 1553 г.), заключивъ союзъ съ папой Юліемъ III, приказала всѣхъ протестанскихъ проповѣдниковъ немедленно заключить въ темницы; папскому легату Полю дала полномочіе назначать католическихъ епископовъ во всей странѣ и заставила даже парламентъ издать самые строгіе законы противъ ереси. Папѣ между тѣмъ удалось въ 1554 г. устроить брачный союзъ между испанскимъ королемъ Филиппомъ и Маріею, и сорока лѣтняя супруга на столько была внимательна къ своему двадцатилѣтнему супругу, что дѣлала все, что только угодно было его гордости, властолюбію и ханжеству. Немедленно, на манеръ испанской инквизиціи, по совѣту папы Юлія III, составлена была изъ двадцати лицъ коммиссія по еретическимъ дѣламъ, во главѣ которой сталъ епископъ лондонскій *Баннеръ* человѣкъ жестокій и наглый, и теперь началось преслѣдованіе, строже котораго не могъ требовать и самъ Иннокентій III. Простой народъ всякаго рода наказаніями старались обратить къ старой вѣрѣ, духовныхъ заключали въ тюрьму, и если они не соглашались отречься отъ протестанства, сожигали на кострѣ. Болѣе семи сотъ протестанскихъ епископовъ и священниковъ умерли среди жесточайшихъ мученій, между ними епископы: *Латимеръ Ридней*, *Феррарь* и *Гоперъ*, а также и знаменитый *Кранмеръ;* число мучениковъ съ каждымъ годомъ умножалось. Папа принималъ извѣстіе объ этомъ съ большою радостію и даже въ честь королевы велѣлъ выбить медаль; но въ скоромъ времени народъ сталъ волноваться, и если бы кровожадная (такъ называли Марію во всей Англіи)

не умерла въ 1558 г. дѣло не обошлось бы безъ открытаго возстанія. Совершенно другаго образа мыслей была преемница Маріи, знаменитая *Елисавета:* она не смотря на громовую противъ ней папскую буллу отъ 25 февр. 1570 г., и не смотря на возстаніе папистовъ, возбужденное противъ нея Піемъ V, возвратила протестанству прежнія права *), которыя съ тѣхъ поръ и удержаны имъ до настоящаго времени.

Такое разочарованіе въ лучшихъ своихъ надеждахъ причинило не малую печаль римской партіи, и потому заботы этой партіи устремлены были къ тому, какъ бы свергнуть Елисавету. Долго усилія ихъ были напрасны, наконецъ, тридцать лѣтъ спустя, Климентъ VIII, имѣлъ утѣшеніе возбудить въ Ирландіи возстаніе, продолжавшееся четыре года и превратившее почти весь островъ въ пустыню. Возстаніе началось въ 1596 г. и папа тотъ часъ пожаловалъ островъ въ даръ королю Испаніи. Послѣдній, дѣйствительно, принялъ даръ и послалъ на подкрѣпленіе возстанія сильную армію, предводимую *Аквилою*, получившимъ отъ папы славный титулъ „возстановителя вѣры.“ Но когда, соединенныя арміи Ирландіи и Испаніи 24 декабря 1601 г., при Кинзалѣ были разбиты на голову лордомъ Мунтоіемъ. Ирландія должна была подчиниться законной власти и вмѣшательство папы имѣло слѣдствіемъ только то, что большая часть древнихъ обитателей страны была искоренена и ихъ имѣнія конфискованы. Наконецъ, въ 1641 г. папскому нунцію *Ринукчини* удалось опять составить заговоръ противъ протестантовъ, во главѣ котораго, какъ и всегда, стало католич. духовенство. Чтобы покончить дѣло разомъ, положили повторить съ Ирландіей сцены парижской варѳоломеевской ночи, и 23 октября 1641 г. всѣ ирландцы одновременно взялись за оружіе, напали на беззаботныхъ протестантовъ и избили ихъ не менѣе

*) Въ этой буллѣ папа изобразилъ Елисавету самою безбожною и порочною изъ женщинъ за то, что она не хотѣла обратиться къ римско-католич. вѣрѣ. Въ тоже время Пій разрѣшалъ всѣхъ подданныхъ отъ присяги Елисаветѣ и требовалъ, чтобы знаменитый герцогъ Альба отправился въ Англію съ арміей для поддержанія католич. духовенства, а королевство Англію назначилъ въ даръ французскому королю Франциску II, который въ самомъ дѣлѣ, принялъ титулъ и гербъ короля Англіи и послалъ корпусъ войска въ Шотландію, но королева Елисавета принудила его сдаться на капитуляцію и тѣмъ положила конецъ завоевательнымъ попыткамъ короля французскаго.

тпяидесяти тысячь. Пощады не было ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ; избѣжавшіе смерти спасеніемъ своимъ обязаны поспѣшному бѣгству. Радость въ Римѣ о такомъ кровопролитіи была неописанна, и папа по этому случаю назначилъ особый юбилейный годъ, но это злодѣяніе не осталось безъ возмездія, хотя и пришлось ждать его цѣлые восемь лѣтъ. Въ 1649 г. знаменитый *Кромвель* сдѣлалъ высадку на островъ, взялъ штурмомъ знаменитѣйшіе города, велѣлъ безъ разбора перебить населеніе, и въ девять мѣсяцевъ болѣе пролилъ католической крови, чѣмъ прежде пролито было протестанской. Съ того времени уже не протестанская, а католическая вѣра въ Ирландіи преслѣдуется, и такимъ образомъ папское вмѣшательство имѣло слѣдствіемъ совсѣмъ противоположныя ожидаемымъ событія.

4) Истребленіе протестанства въ Испаніи.

Казалось бы совершенно невозможно было проникнуть протестанству въ Испанію, гдѣ съ безпощадною и неутомимою строгостію свирѣпствовала инквизиція. И въ самомъ дѣлѣ, оно, можетъ быть, и не проникло бы туда, если бы, по поводу соединенія двухъ коронъ германской и испанской на главѣ Карла V не установилась живая связь между обѣими странами, благодаря которой испанцы очень рано познакомились съ ученіемъ реформатовъ. Уже въ 1519 г. лютеранскіе сочиненія проникли за Пиринеи и съ такою жадностію перечитывались тамъ, что Левъ X увидѣлъ необходимость предписать 20 мар. 1521 г. великому инквизитору Испаніи отобрать всѣ такія сочиненія, и всѣми мѣрами препятствовать распространенію ихъ въ народѣ. Разумѣется, инквизиторы повиновались папскому повелѣнію и заключали въ тюрму всякаго, имѣвшаго у себя такія сочиненія, составивъ въ тоже время знаменитое правило, что „задушить лютеранина такое же похвальное дѣло, какъ и застрѣлить турка.“ Не смотря на все это лютеранская ересь все болѣе и болѣе распространялась, къ ней стали склоняться даже высоко поставленныя въ обществѣ лица, напр. *Жданъ Вальдецъ*, секретарь Карла V и *Родригю Валеръ*, богатый дворянинъ въ Севильи. Разумѣется, оба они не избѣжали тюрми и различными мѣрами доведены были до отреченія отъ ереси. Въ послѣдствіи ихъ

заключили на всю жизнь въ монастырь, чтобы лишить возможности распространять новое ученіе, однакожъ ихъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей и знаменитый проповѣдникъ *Жуанъ Жиль*, обыкновенно называемый докторомъ *Егидіемъ*, съ церковной каѳедры въ Севильи сталъ проповѣдывать ученіе, мало отличавшееся отъ лютеранскаго. Священная инквизиція однакожъ, заставила его тоже отречься отъ своего ученія, и Егидій, за свою либеральность, поплатился только тяжкимъ заключеніемъ. Но сѣмя, брошенное имъ съ каѳедры, упало на добрую почву, и въ названномъ городѣ около 1555 г. образовалась тайная протестанская община, собиравшаяся обыкновенно въ домѣ *Изабеллы де-Бэна*, богатой и знатной дамы. Достойно впрочемъ замѣчанія, что члены этой общины въ большинствѣ принадлежали къ высшему дворянству, и оттого община могла держаться безнаказанно довольно долгое время. Однакожъ немного спустя, когда два жившіе за границей испанцы, именно *Францискъ Энцинасъ* и *Жуанъ Перецъ* принялись за переводъ библіи на испанскій языкъ (первый перевелъ новый завѣтъ, а послѣдній почти все св. писаніе) и когда этотъ переводъ тайно привезенъ былъ въ Испанію *), новое ученіе стало проникать въ народъ, и протестанскія общины умножались и умножались. Къ значительнѣйшимъ изъ нихъ принадлежали (кромѣ упомянутой севильской) вальядолидская, основанная *Францискомъ Санъ Романдомъ* (проповѣдники были за это сожжены на кострѣ), потомъ въ городѣ *Торо*, въ *Цаморѣ*, въ *Валенсіи*, въ *Оссмѣ*, въ *Логроно* и др. Кратко сказать, лютеранское ученіе широко распространилось и, если бъ инквизиція съ своими кровавыми мѣрами запоздала телько десятью годами, вся Испанія приняла бы лютеранство.

---

*) Францискъ Энцинасъ свой переводъ Новаго Завѣта напечаталъ въ Львовѣ, а Перецъ—Библію въ Генфѣ: однакожъ долгое время не приходилось привезть много экземпляровъ въ Испанію, потому что папа Юлій III въ буллѣ 1550 постановилъ строгія мѣры противъ такого ввоза. Семь лѣтъ спустя (въ 1557 г.), Ю л і а н ъ Г е р н а н д е ц ъ, обыкновенно называемый «малымъ Юманомъ, человѣкъ хитрый, бывшій въ Генфѣ корректоромъ въ типографіи, рѣшился провезть черезъ Пиринеи двѣ большія бочки, наполненныя переводами Библіи, и ему дѣйствительно удалось обмануть бдительность инквизиціонныхъ слугъ (его бочки были съ двойными днами) и благополучно доставить ихъ въ домъ одного ревностнаго протестанта въ Севильи.

Протестантскіе члены общины такъ умѣли хранить тайну своихъ вѣрованій и собраній, что до 1557 г. инквизиція ничего не открыла. Но тутъ одинъ шпіонъ, котораго она содержала въ Генфѣ, донесъ ей, что въ Испанію послано значительное число еретическихъ книгъ, въ томъ числѣ и вышеупомянутый переводъ Библіи. Разумѣется, тогда горячо принялись отыскивать владѣльцевъ таковыхъ книгъ. Юліанъ *Гернандецъ*, о которомъ былъ слухъ, что онъ провозилъ Библіи, первый былъ арестованъ. Его заключили въ мрачную тюрму и въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ всѣми пытками, какія могла только изобрѣсть жестокость, заставляли его объявить имена своихъ соучастниковъ и единовѣрцевъ. Но онъ остался твердъ, и инквизиціи долго пришлось бы отыскивать лютеранъ, если бы жена одного вальядолидскаго золотыхъ дѣлъ мастера, по имени *Жуана Гарція*, по убѣжденію своего духовнаго отца, не донесла на своего собственнаго мужа и не указала мѣста, гдѣ происходили тайныя собранія протестантовъ. Такимъ образомъ страшный трибуналъ получилъ точку опоры и въ нѣсколько дней въ Вальядолидѣ болѣе двухъ сотъ, а въ Севильѣ за восемъ сотъ подозрѣваемыхъ въ ереси отведены были въ темницы инквизиціи. Это было въ 1558 г., и папа Павелъ IV, жестокій и неумолимый гонитель лютеранъ, издалъ отъ 15 февр. 1558 г. бреве, въ которомъ генералъ-инквизитору Испаніи Фернандо Вильдищу поручалось, „безъ всякаго разбора, истреблять всѣхъ протестантовъ, даже друзей, хотя бы они были епископы, архіепископы, патріархи, кардиналы, или бароны, графы, маркизы, герцоги, принцы, короли и императоры.“ Великій инквизиторъ, съ обычнымъ ему изувѣрствомъ, приступилъ къ выполненію этой инструкціи, а свѣтская власть всѣми способами помогала ему въ этомъ, потому что на испанскомъ престолѣ сидѣлъ тогда бездушный тираннъ Филиппъ II. Хотѣли показать свѣту примѣръ, что можно въ государствѣ истребить всѣхъ еретиковъ.

Два года нужно было употребить инквизиціи, чтобы окончить свои необходимыя приготовленія. А съ 1560 г. эти страшныя судилища вѣры открыли свои дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ „Auto-da—fes. Названіе „Auto-da-fe“ происходитъ отъ латинскаго Actus fidei, и означаетъ по идеи „дѣйствіе вѣры“,

а на дѣлѣ—сожиганіе на кострѣ живыхъ или мертвыхъ еретиковъ. Такія „дѣйствія“ обыкновенно совершались по воскреснымъ днямъ, и разыгрывались всегда на большой городской площади. Рано утромъ раздавался глухой звонъ большаго колокола соборной церкви; это было сигналомъ, что начинается страшное представленіе. За тѣмъ инквизиторы отправлялись въ темницы для „облаченія“ осужденныхъ на смерть. Всѣмъ имъ надѣвалась длинная мантія изъ жолтой матеріи, называемая „Sanbenito“, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что на sanbenito предназначавшихся къ задушенію прежде сожженія, изображалось пламя горящее „внизъ“, а санбенито осужденныхъ къ сожженіе живыми, покрывалось изображеніемъ пламени направляющагося „вверхъ“, а около пламени черти съ факелами. Также замасловато разрисованы были и высокія, остроконечныя, картонныя шапки, возлагавшіяся на головы осужденныхъ, потому что чрезъ ауто-да-фа предполагалось представить нечто иное, какъ день послѣдняго суда. По окончаніи облаченія, когда соберется все гражданское и духовное вѣдомство въ залы инквизиціонной палаты, начиналась процессія. Впереди шелъ отрядъ солдатовъ, за ними соборъ священниковъ въ ризахъ и пѣвчіе, потомъ осужденные съ крестомъ въ рукѣ и при нихъ по два монаха, за осужденными слѣдовали мѣстныя власти, судьи, чиновники и дворяне на коняхъ верхомъ, потомъ остальное духовенство, и за ними въ торжественномъ медленномъ шествіи члены „sacri officii,“ предводимые своимъ фискаломъ, съ краснымъ знаменемъ инквизиціи, шествіе замыкали такъ называемые Familiares, или чиновники тайныхъ порученій при инквизиціонномъ трибуналѣ, верхами. Торжественное шествіе направлялось къ городской площади, гдѣ должна была совершаться казнь; тутъ устроивались большія подмостки, на которыхъ могли бы помѣститься многія тысячи зрителей, потому что для добрыхъ испанцевъ составляло истинное наслажденіе смотрѣть на такого рода казни; они увлекались ими также, какъ другіе народы операми, или праздничными играми.

Первое авто-да-фе было 21 мая 1559 г. въ Троицынъ день, именно, въ „богоспасаемомъ“ городѣ Вальядолидѣ, въ присутствіи наслѣдника испанскаго престола, Донъ-Карлоса, вдов-

ствующей королевы Іоанны и нѣсколькихъ тысячь знатныхъ лицъ. Цѣлыхъ восемь часовъ, именно съ 6 утра до 2 пополудни, употреблено было на церемонію казни четырнадцати приговоренныхъ къ сожженію (шесть женщинъ и восемь мужчинъ) принадлежавшихъ къ высшему сословію. Другое кровавое зрѣлище этого рода, при которомъ опять присутствовало множество знатнѣйшихъ особъ, весь дворъ, съ королемъ Филиппомъ II во главѣ, было отпраздновано полгода спустя, именно 8 октября 1559 г. и тоже въ Вальядолидѣ; съ этихъ поръ дѣйствія вѣры стали повторяться чаще и чаще, не въ Севильѣ только и въ Вальядолидѣ, но и въ другихъ городахъ Испаніи, гдѣ оказывались еретики. Всего торжественнѣе отправлялись ауто-да-фе въ Севильѣ; тутъ рѣдко приходилось казнить менѣе тридцати ити сорока еретиковъ за разъ, большею частію изъ высшаго сесловія. Ересь ограничивалась одними міpянами, многіе члены высшаго духовенства, изъ числа котораго двадцать пять докторовъ богословія, восемь епископовъ и одинъ архіепископъ (именно толедскій *Варѳоломей де Караяца—и Миранда*), должны были предстать предъ страшный трибуналъ, конечно, не за то, что они были дѣйствительными и постоянными лютеранами, а только за то что, въ томъ или другомъ пунктѣ вѣроученія, нѣсколько уклонялись отъ истаго католичества.

Къ 1570 г., послѣ того какъ въ двѣнадцати городахъ отпраздновано было около 150 ауто-да-фо, окончательно подавлено было протестанство въ Испаніи, и съ того времени оно никогда ужо (наружно) не возникало и, если въ 1680 г., въ описаніи одного, къ торжеству бракосочетанія испанскаго монарха Донъ-Карлоса II съ Маріею Луизою Бурбонъ приготовленнаго „Auto-da-fe“ и упоминается въ числѣ ста восемнадцати обреченныхъ на жертву, имя одного протестанта, то это былъ бѣжавшій иностранецъ, котораго портретъ только и былъ преданъ пламени.

Со всѣмъ другими послѣдствіями сопровождалось искорененіе протестанства въ испанскихъ Нидерландахъ. Когда Филиппъ II хотѣлъ и сюда ввести инквизицію, чтобъ убить и здѣсь, какъ въ Испаніи, всякую свободу совѣсти, пробудилась ярость народа и открылась революція, которую король не могъ

смирить, не смотря на храбрость своихъ многочисленныхъ войскъ и на страшныя жестокости. Въ 1567 г. онъ послалъ туда достойнаго своего генерала, кровожаднаго герцога *Альбу;* подъ топорами его палачей пали головы не только нѣсколькихъ тысячь простаго народа, но и благороднѣйшіе и знатнѣйшіе дворяне погибли на эшафотѣ, этотъ извергъ учредилъ, такъ называемый *„кровавый совѣтъ"*, которому должны были подчиняться всѣ вѣдомства и, воспламененный папой, который далъ ему титулъ, „защитника католической вѣры" и пожаловалъ его освященною шляпою и шпагой,—велѣлъ въ одномъ Брюсселѣ казнить на площади болѣе *восемнадцати тысячъ* человѣкъ, а число протестантовъ, казненныхъ имъ въ остальныхъ провинціяхъ простиралось до ста тысячь. Слѣдствіемъ этихъ изувѣрствъ было то, что Нидерланды отпали отъ Испаніи, а послѣдняя поплатилась лучшими своими войсками, впала въ страшные долги, простиравшіеся до 800 милліоновъ піастровъ, и низошла въ разрядъ державъ второстепенныхъ.

5) Истребленіе протестанства въ Италіи.

Невѣроятнымъ кажется, чтобы протестанство могло проникнуть въ Италію—центръ и резиденцію папства, и однакожъ оно проникло туда, хотя конечно, не въ такомъ размѣрѣ, какъ во Францію, Англію и Германію. Уже въ самомъ началѣ Лютерова дѣла, различныя сочиненія Меланхтона, Лютера, Цвингліи и др. реформатовъ, провезены были тайно за Альпы и переведены на итальянской языкъ **); впрочемъ онѣ не проникли въ народъ собственно, а обращались только въ кругу образованныхъ и учоныхъ. Но когда флорентинецъ *Антонію Брючіоли* перевелъ Библію и въ 1530 г. напечаталъ ее въ Венеціи, книга эта съ жадностію была пріобрѣтаема простымъ народомъ и горожанами, и спросъ на нее былъ такъ великъ, что она не только выдержала нѣсколько изданій, но и въ скоромъ времени потребовались новые переводы ея, которые изданы

---

*) Чтобы обмануть бдительность инквизиціи, итальянцы употребляли такую предосторожность: реформатскія сочиненія издавали они подъ вымышленными именами: такъ напр. Меланхтонъ назывался у нихъ «господинъ иппофилъ изъ черной земли. Цвинглій Corrielus Godelius, Мартинъ Буцеръ Aretius Félinus, а самъ Лютеръ кардиналъ Фрегово.»

были *Фра-Цаккаріо*, *Филиппомъ Рустичи* и др. Сверхъ того, во время итальянскихъ походовъ Карла V, много перешло за Альпы протестантовъ, которые не пропускали случаевъ проводить въ публикѣ свои религіозные взгляды. Такимъ образомъ случилось, что „гнусная ересь" распространилась въ самой отчизнѣ папства; и папа Климентъ VII писалъ въ 1530 г., что онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ, что богопротивное ученіе Лютера во многихъ странахъ Италіи заразило не только міранъ, но даже священниковъ и монаховъ въ такой сильной степени, „что многіе изъ послѣднихъ и другимъ передаютъ заразу, какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ проповѣдяхъ." Въ скоромъ времени образовались настоящія протестанскія общины, члены которыхъ собирались въ частныхъ домахъ для совершенія тамъ своего богослуженія, такъ напр. въ городѣ *Фаэнца*, въ *Моденѣ*, во *Флоренціи*, въ *Болоньи*, въ *Венеціи*, въ *Миланѣ*, въ *Луккѣ* и наконецъ въ *Неаполѣ*, а также и на остр. *Сициліи*. Словомъ, произошло всеобщее движеніе въ пользу евангелической свободы, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если кардиналъ *Караффа* (впослѣдствіи папа Павелъ IV) докладывалъ папѣ Павлу III, что если не будутъ употреблены быстрыя и рѣшительныя мѣры, то нужно опасаться всеобщаго отпаденія отъ церкви. Это было въ 1542 г., папа теперь не замедлилъ въ полномъ всеоружіи выступить противъ распространителей и исповѣдниковъ евангелическаго ученія. Первымъ средствомъ, которымъ можно было, по мнѣнію папы, уничтожить протестанство, была инквизиція въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Италіи съ давняго времени; были инквизиторы, т. е. такіе люди, обязанностью которыхъ была доносить на еретиковъ; но они были въ зависимости отъ епископовъ, а эти послѣдніе сами уже разбирали подобныя дѣла. Итальянскіе инквизиторы не составляли еще особаго вѣдомства, тѣмъ болѣе не имѣли они независимаго суда, какъ въ Испаніи. Римская курія видѣла; что только установленіе такого трибунала, какой дѣйствовалъ въ Испаніи, можетъ спасти Италію отъ наплыва ереси и папа Павелъ III, буллою отъ 1 апр. 1548 г., основалъ въ Римѣ „Congregatio sacri officii" съ шестью кардиналами, въ качествѣ генералъ-инквизиторовъ, поставляя въ тоже время правиломъ, что отнынѣ только этому судилищу *бу-*

детъ подлежать разслѣдованіе и сужденіе по дѣламъ относительно еретиковъ. Разумѣется, новоучрежденный трибуналъ не замедлилъ вступить въ дѣятельность и завелъ для этого во всей Италіи „мѣстные трибуналы." Ни одно государство на всемъ полуостровѣ не воспротивилось новымъ учрежденіямъ, даже Венеція съ Неаполемъ; послѣднія двѣ только выговорили себѣ неважныя ограниченія. Послѣ этого всюду начались аресты и истязанія, наведшія такой ужасъ, что всякій кто только хоть въ душѣ сознавалъ себя приверженцемъ реформаціи старался поскорѣй убѣжать въ Швейцарію или Германію. И не смотря на это темницы переполнились, потому что по всѣмъ итальянскимъ государствамъ и городамъ шныряли ловкіе и фанатическіе шпіоны, которые, бывъ снабжены рекомендательными письмами отъ высокихъ особъ, проникали во всѣ лучшіе домы въ качествѣ друзей и доносили инквизиторамъ обо всемъ, что видѣли и слышали На первыхъ порахъ, впрочемъ, ограничивались тѣмъ, что заподозрѣнныхъ въ ереси заключали въ тюрму, въ надеждѣ, различными пытками и содержаніемъ въ глубокомъ и мрачномъ уединеніи довесть ихъ до отреченія отъ ереси. Но съ 1550 г. стали находить, что такая процедура слишкомъ продолжительна и снисходительна и обратились „къ сожженіямъ", точно такъ, какъ было это въ Испаніи и другихъ мѣстахъ *). Мы не намѣрены разсказывать объ отдѣльныхъ казняхъ,—тѣмъ менѣе называть по именамъ всѣхъ тѣхъ, которые подъ муками пытки испустили духъ; это былъ бы трудъ безконечный; мы должны удовольствоваться повѣст-

(*) Въ одной Венеціи не сожигали еретиковъ, а топили ихъ; но таинственность, съ какою совершаема была казнь, еще большій возбуждала ужасъ, чѣмъ сожаленіе. Обреченнаго на смерть въ полночь выводили изъ его тюрьмы, затыкали ему ротъ, ложили въ гондолу и вывозили въ открытое море, гдѣ поджидало жертву уже другое судно. Тутъ сковывали осужденному руки, а къ ногамъ его прикрѣпляли тяжелый камень, съ одной гондолы на другую перекладывали доску, на которую ставили осужденнаго и давали потомъ знать гребцамъ разъѣзжаться въ разныя стороны. Доска тотчасъ падала въ воду и стоящій на ней погружался въ бездну. Такимъ способомъ казнено въ Венеціи не мало протестантовъ, между которыми были люди и очень значительные, напр. «Юлій Гвиримандо, Антонію Риччетто, Франческо Спинола,» одинъ священникъ и достопочт. «братъ Бальдо Лупетино», за котораго ходатайствовали, хоть и тщетно, многіе нѣмецкіе князья.

ванiемъ только о главныхъ казняхъ. Напр. въ Калабрiи было два города, *Санто-Ристо* и *Ла-Гуардiя*, заселенные исповѣдниками евангелической вѣры, въ числѣ около четырехъ тысячь (это были потомки древнихъ вальденсовъ). Въ 1550 г. они обращались въ Генфъ, чтобы получить оттуда протестанскаго учителя; но объ этомъ провѣдало „sacrum officium" въ Римѣ, имѣвшее вездѣ своихъ шпiоновъ, и тотчасъ послало двухъ инквизиторовъ, *Валерiо Мальфичино* и *Альфонсо Урбино* въ Калабрiю для искорененiя тамошней ереси. Лишь только прибыли инквизиторы на мѣсто назначенiя, какъ потребовали изъ Неаполя полкъ солдатъ, отправились въ Санто-Ристо, потребовали, чтобы жители отреклись отъ ереси, и когда эти не согласились, напали на нихъ съ оружiемъ въ рукахъ. Въ тоже время они велѣли зажечь городъ со всѣхъ четырехъ концовъ и позволяли солдатамъ грабить, безчестить и убивать, такъ что только очень не многимъ удалось бѣжать въ горы, гдѣ они впрочемъ, въ скоромъ времени умерли отъ голода. Такая же точно участь досталась и городу Ла-Гуардiя, съ тѣмъ только различiемъ, что здѣсь большую часть, особенно женщинъ, не просто убивали, но предварительно мучили, напр. ихъ сѣкли желѣзными прутьями, пока изъ нихъ выходили внутренности, или намазывали тѣло смолою, зажигали, и онѣ такимъ образомъ изжаривались. Съ такою жестокостiю поступлено было съ калабрiйскими еретиками, но это еще, такъ сказать, ласково въ сравненiи съ тѣмъ, что выказалъ въ 1560 г. *маркизъ Брукчiаничи*, владѣтель Монталято, противъ своихъ протестанскихъ подданныхъ. Этотъ *благородный* папистъ обѣщалъ папѣ переловить и перебить всѣхъ лютеранъ въ своемъ помѣстьи, подъ условiемъ, что папа за это сдѣлаетъ его брата кардиналомъ. Заключивъ такой контрактъ съ папой, онъ велѣлъ не только посадить въ тюрму сто шестнадцать мужчинъ и дѣтей, но и перепробовалъ надъ ними всевозможные роды казней. Многiе были повѣшены на деревьяхъ по большой дорогѣ, другимъ оторваны головы, иные четвертованы, или распилены по поламъ, нѣкоторыхъ бросали съ высокой скалы, такъ что они разбивались въ дребезги. Восемдесятъ восемь человѣкъ загнали въ одинъ домъ, за тѣмъ вошелъ туда палачь, вытащилъ одного, велѣлъ ему преклонить колѣна и перерѣзалъ ему горло ножомъ.

порѣшивши одного, взялъ въ зубы окровавленный ножъ, опять вошелъ въ домъ и вытащилъ другаго, чтобы зарѣзать, какъ перваго. Такъ продолжалъ онъ свое дѣло, пока перерѣзалъ всѣхъ восемдесять восемь. Всему этому трудно было повѣрить, если бы эти подвиги были описываемы не католическими писателями.

Всего жесточе поступлено съ еретиками въ самомъ Римѣ, потому что тамъ съ 1560 по 1568 не проходило ни одного дня безъ казни нѣсколькихъ еретиковъ; ихъ либо вѣшали, либо сожигали, либо обезглавливали, и при всемъ томъ всѣ тюрмы такъ были ими переполнены, что понадобилось строить новыя. По временамъ, впрочемъ, выходили и милостивые манифесты, состоящіе въ томъ, что иного, вмѣсто сожженія, удавливали, какъ это было съ извѣстнымъ *ди-Монти*, заплатившимъ за такую милость 7,000 кронъ. Не рѣдко смертныя казни были и изысканы, какъ напр. *Галіацо Трецію* сначала повѣсили было, и когда онъ былъ уже полузадушенъ, его сняли съ висѣлицы, снова привели въ чувство и бросили въ огонь, гдѣ онъ буквально былъ изжаренъ; такими и другими подобными средствами достигли торжества надъ ересью и въ концѣ шестнадцатаго столѣтія не осталось во всей Италіи ни одного лютеранина, хотя атеистовъ и издѣвающихся надъ религіею было множество.

Вотъ краткій очеркъ *вѣротерпимости* папъ относительно еретиковъ во всѣ времена, начиная съ появленія ересей въ западной церкви, т. е. съ девятаго и десятаго вѣка. Одинаковымъ образомъ они дѣйствовали во всѣхъ государствахъ, гдѣ только признавалась ихъ власть, т. е. жгли ихъ и въ Богеміи, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи и т. д. Но вотъ уже не мало прошло времени, когда гоненія и прекратились: покрайней мѣрѣ давно уже не проповѣдуются противъ еретиковъ крестовые походы, давно уже не пылаютъ инквизиціонные костры. Чему же приписать такую счастливую перемѣну въ дѣйствіяхъ и сердечныхъ расположеніяхъ папъ? Можетъ быть они убѣдились наконецъ, что и тѣ, которыхъ они называли еретиками и схизматиками, въ нѣкоторыхъ отноше-

ніяхъ братья ихъ, достойные если не любви, то покрайней мѣрѣ снисхожденія? Едва ли причины такой перемѣны нужно искать въ томъ, что значеніе папъ съ теченіемъ времени падало и падало, что, наконецъ, во времена французской революціи, съ самымъ многомощнымъ главою римской церкви, предъ которымъ когда-то трепетали народы и владыки земли, случилось маленькое fiasco: республиканцы французы, согласившись съ недовольными подданными папы, ввели свои *святотатственныя* войска въ самую Церковную Область, и, о ужасъ, о соблазнъ! 15 февраля 1798 г. Римъ провозглашенъ былъ республикой, самаго престарѣлаго папу *Пія VI* взяли въ плѣнъ и, какъ обыкновеннаго смертнаго переводили изъ города въ городъ: сначала привели его въ Сіену, потомъ во Флоренцію, наконецъ, чрезъ Альпы въ Валансъ на Донѣ, гдѣ онъ 29 августа 1799 г. и умеръ въ крайней бѣдности *), казалось, послѣ этого, что блескъ папскаго всемогущества померкъ навсегда, что папское величіе рухнуло съ своего пьедстала. И дѣйствительно, ударъ, нанесенный имъ революціонерами и республиканцами былъ такъ чувствителенъ, что почти цѣлый годъ прошелъ по смерти Пія VI, а престолъ папскій не былъ занятъ никѣмъ. Наконецъ 14 мая 1800 г. въ лицѣ кардинала епископа *Григорія Варнавы Хіорамонти*, принявшаго имя *Пія VII*, свѣтъ опять увидѣлъ папу, но уже папу безмолвнаго, смиреннаго, кроткаго, потому что Римъ съ Церковною Областью, княжество Авиньонъ, графство Венессенъ были въ рукахъ французовъ, а въ остальныхъ европейскихъ государствахъ папскій санъ утратилъ всякое значеніе.

Но вотъ счастливый Бонапарте, послѣ побѣды при *Маренго*, дѣлается самовластнымъ распорядителемъ судебъ Италіи. Онъ-то сжалился надъ несчастнымъ папой, оставленнымъ всѣми, и возвратилъ ему часть принадлежавшихъ правъ. Съ удивленіемъ спроситъ иной, съ какой стати было Наполеону покровительствовать папѣ; ужели Бонапарте былъ такой „вѣрный сынъ церкви,“ такой благоговѣйный почитатель первосвященника римскаго? Дѣло объясняется просто. Первый консулъ задумалъ уже сдѣлаться императоромъ и потому желалъ сохра-

*) Все имущество его состояло изъ небогатаго платья и 50 франковъ, да и тѣ мэръ Валанса объявилъ достояніемъ народа.

А ежели вѣрно то, что „якъ святъ святомъ, такъ папистъ не будетъ православному братомъ,“ то не пожелать ли намъ, чтобъ хоть родные наши братья галичане, холмцы и люблинцы, согласно съ собственнымъ ихъ желаніемъ, возвратились къ намъ и соединились съ нами, а паписты-поляки, подобно безпріютнымъ евреямъ, пускай себѣ ищутъ отчизны гдѣ-нибудь въ р. католическихъ націяхъ?

Нѣтъ, лучше будемъ надѣяться на власть Божію, соединяющую разрозненное и располагающую временами и всѣмъ, что происходитъ во времени. Придетъ пора: речетъ,—и будетъ?—

г. Нѣжинъ.

нить мирныя отношенія къ церкви, или лучше къ высшему духовенству, надѣясь найдти въ немъ поддержку въ потребномъ случаѣ. Въ этихъ видахъ, онъ въ 1801 г. заключилъ съ Піемъ VII конкордатъ и сдѣлалъ его опять обладателемъ Церковной Области. Конечно, папа былъ въ высшей степени благодаренъ, онъ даже благоговѣлъ предъ своимъ благодѣтелемъ, разсчитывая, при посредствѣ могущественнаго любимца счастья, будущаго императора возвратить себѣ прежнее значеніе и прежній блескъ. Онъ назвалъ Бонапарте „возстановителемъ католич. религіи, защитникомъ вѣры, спасителемъ церкви," учредилъ даже въ честь его особый праздникъ, „праздникъ св. Наполеона" и, по приглашенію перваго консула, принявшаго уже титулъ императора, съ полнѣйшею готовностію отправился самъ въ Парижъ на коронацію свѣжаго императора. Расчеты и надежды папы не оправдались. Съ окончаніемъ обряда помазанія кончились и мирныя отношенія императора къ папѣ. Хотя Наполеонъ и не оскорблялъ лично первосвященника, однакожъ далъ ему почувствовать, что теперь уже не нуждается въ папѣ, что послѣдній можетъ отправляться домой, избавленный отъ заботъ управленія духовными дѣлами Франціи и свѣтскими въ Италіи, что ему, „изъ милости" только оставляется одна Церковная Область, а на прочіе престолы, зависѣвшіе отъ папы, посажены Наполеоновы родственники. Возвратившись въ свою область, папа пытался было не признать новыхъ итальянскихъ королей въ ихъ достоинствѣ, вступилъ даже въ союзъ съ врагами Наполеона, англичанами, не смотря на то, что они были *еретики*, и открылъ для нихъ свои гавани, чѣмъ хотѣлъ разстроить любимое созданіе Наполеоново континентальную систему. Такія дѣйствія папы ожесточили французскаго императора, и онъ велѣлъ генералу *Міомису* вступить въ Римъ съ войскомъ. Вслѣдъ за тѣмъ папскія провинціи *Урбино*, *Анкона*, *Мацерата* и *Камерино* присоединены къ итальянскому королевству. Папа, разумѣется, протестовалъ и запрещалъ итальянскимъ епископамъ исполнять французскіе приказы, и даже такъ далеко зашелъ, что, за насильственное отнятіе части Церковной Области, въ своемъ бреве отъ 3-го августа 1800 г. грозилъ императору, какъ будто это было во времена Григорія VII, отлученіемъ и интердиктомъ.

Такая дерзкая и анахроническая угроза произвела дѣйствіе какого не ожидалъ папа. Прочитавъ бреве, Наполеонъ, 17 мая 1809 г., однимъ почеркомъ пера присоединилъ и послѣдній остатокъ Церковной Области къ итальянскому королевству, а Римъ объявилъ вольнымъ имперскимъ городомъ, папѣ же и кардиналамъ назначилъ изъ своей казны пожизненныя пенсіи. Въ отвѣтъ на это, папа, запершись въ замкѣ св. Ангела, разразился громовыми буллами отъ 9 и 10 іюля 1809 г., въ которыхъ предавалъ проклятію и Наполеона и всѣхъ соучастниковъ его, „расхитившихъ наслѣдіе Петрово." Императоръ не вынесъ личнаго оскорбленія, и, по повелѣнію его, генералъ *Радель* арестовалъ папу въ замкѣ св. Ангела, и когда этотъ не согласился отречься отъ своей буллы, препроводилъ его сначала во Флоренцію, оттуда въ Туринъ, потомъ чрезъ Монтъ—Сенисъ, въ Гренобль, и наконецъ въ Савону, гдѣ его содержали какъ плѣнника. Такъ во второй разъ, въ такое короткое время пришлось папамъ испытывать униженіе оскорбительное и для обыкновеннаго смертнаго.

Но и Наполеонъ, бывшій сначала благодѣтелемъ, а потомъ неумолимымъ гонителемъ Пія VII, по требованію союзныхъ государей, 7 апр. 1814 г. самъ долженъ былъ отречься отъ престола. Чтобы возвратить Европѣ внутренній миръ, нарушенный революціею и самовластіемъ Наполеона, нужно было дать ей тотъ внѣшній видъ, какой она имѣла до революцій, нужно было возвратить законнымъ династіямъ утраченные ими троны и устранить по возможности республиканскія учрежденія. Таковы были начала, положенныя въ основаніе мирныхъ переговоровъ на вѣнскомъ конгресѣ.

Возвращаясь изъ плѣна, Пій VII не замедлилъ заявить предъ вѣнскимъ конгресомъ и о своихъ желаніяхъ; въ письмѣ къ императору Францу онъ писалъ между прочимъ: „не властолюбіе и желаніе пріобрѣтеній, а забота о пользахъ религіи и исполненіи нашихъ обязанностей къ Богу, къ церкви и къ народу, особенно же данныя нами при вступленіи нашемъ на пресвященнической престолъ клятвы управлять, запрещать и оберегать владѣнія апостольскаго престола, строго обязываютъ насъ *требовать обратно* нашихъ государствъ, потому что они не личное наше наслѣдство, но наслѣдіе св. Петра, дан-

ное ему отъ Бога, для того, чтобы небесная сила свободно и безпрепятственно управляла душами и сохранялось бы единство во всемъ тѣлѣ церкви, раздѣленномъ на множество непріязненныхъ другъ другу членовъ". Съ подобными же заявленіями обращался папа и къ иновѣрнымъ государямъ, засѣдавшимъ непосредственно и посредственно на конгрессѣ, и заявленія эти, какъ согласныя съ главнымъ началомъ, которое было положено въ основаніе предположеннаго умиротворенія Европы, были приняты въ уваженіе, вслѣдствіе чего Пій VII 24 мая 1814 г. снова вступилъ въ свою столицу, снова сталъ государемъ Церковной Области.

Получивъ одно, папа не замедлилъ чрезъ своего легата *Консальвія,* потребовать и полнаго взстановленія Церковной Области въ ея древнихъ предѣлахъ, полнаго возстановленія своего вліянія на дѣла Европы. „Священная Римская исторія, какъ средоточіе политич. единства всѣхъ христіанскихъ государствъ", говорилъ онъ чрезъ своего легата„ должна быть немедленно возстановлена; имущества, отнятыя у монастырей, должны быть имъ возвращены; свѣтскія владѣнія, отторгнутыя отъ епископовъ, должны быть отданы обратно прежнимъ владѣльцамъ, преимущественно же Франція обязывается возвратить папѣ Авиньонъ и съ Внесеномъ. „Словомъ папѣ хотѣлось возвратить средневѣковыя времена со всѣмъ значеніемъ и блескомъ, какой имѣли тогда римскіе первосвященники. И если бы желанія его исполнились, то не замедлила бы повториться вся средневѣковая исторія, съ крестовыми походами на еретиковъ, съ инквизиціонными кострами и тому подобными ужасами.

Что такое предположеніе справедливо, въ этомъ удостовѣряетъ насъ образъ дѣйствованія папъ въ Церковной Области, гдѣ они остаются полновластными хозяевами. Во первыхъ они возстановили „*присноnамятный*" орденъ іезуитовъ, называя ихъ (выраженіе буллы Пія VII отъ 7 авг. 1814 г.)" надежными, искусными и опытными кормчими для корабля Петрова, обуреваемаго войнами. „И не въ своемъ только государствѣ хотѣли они видѣть іезуитовъ, но и во всей Европѣ, потому что въ упомянутой буллѣ, послѣ прославленія учености и даже „нравственности и религіозности" членовъ ордена, не-

мало говорится о единодушномъ (такое единодушіе существовало конечно только въ воображеніи папы) желаніи государей и всего католическаго міра возвратить іезуитовъ, говорится, что vox populi есть уже vox Dei. Для чего же дѣлалось это, какъ не для того, чтобы при посредствѣ генерала ордена знать всѣ сокровенныя тайны всѣхъ царствъ и царей и сообразно этому дѣйствовать? Папы возстановили, во вторыхъ, и инквизицію. Уже въ августѣ тогоже самаго года, когда Пій VII возвратился изъ своего плѣна, назначенъ былъ имъ высшій инквизиторъ, съ подчиненными ему чиновниками. Инквизиторскому суду подчинены были слѣдующія преступленія: богохульство, безнравственность, оскорбленіе церкви, неуваженіе праздниковъ, несоблюденіе постовъ, отпаденіе отъ вѣры. Въ генеральномъ едиктѣ, изданномъ 14 мая 1829 г. сказано, что суду инквизицій подлежитъ всякій имѣющій у себя книги еретическаго содержанія, также кто дѣломъ, или словомъ, даже жестомъ оскорбляетъ инквизиціонныхъ служителей и шпіоновъ, кто слышитъ и видитъ оскорбленія и не доноситъ священной оффиціи. Такой то судъ старались ввести папы и во всѣхъ государствахъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ старанія ихъ не были безуспѣшны. Такъ напр. *испанскій* король Фердинандъ VII, *по благочестію* своему, не смѣлъ прекословить желанію папы, завелъ у себя сначала инквизиціонную юнту, а потомъ и во всей полнотѣ страшный трибуналъ, который отправлялъ обычную свою дѣятельность до 1835 г., когда, по требованію кортесовъ, судилище это было уничтожено. И въ другихъ подручныхъ государствахъ, по желанію папы, завелись опять инквизиціонные суды, напр. въ *Сардиніи*, *Моденѣ* и *Тосканѣ* и существовали тамъ до исхода сороковыхъ годовъ, когда народъ рѣшительно потребовалъ и настоялъ на ихъ уничтоженіи. Если мы предположимъ себѣ, что папамъ удалось бы во всѣхъ государствахъ завести и поддержать инквизицію, то конечно повторилась бы снова вся средневѣковая исторія со всѣми пытками, кострами и другими ужасами.

Справедливость такого предположенія, кромѣ образа дѣйствій папъ, подтверждается и папскимъ ученіемъ. „Римская церковь“, писалъ папскій легатъ *Консальви*, по инструкціи папы, кардиналу *Капрарѣ* въ Парижъ въ 1814 г., когда еще про-

чно не утвердилось положеніе самаго первосвященника, „Римская церковь по самой сущности, должна отличаться нетерпимостію. Она можетъ оказывать *терпимость* только *къ язычникамъ*, потому что они заблуждаются по невѣдѣнію, можетъ терпѣть также и *евреевъ*, какъ свидѣтелей истины, но она *не можетъ оказывать терпимости къ ереси*, потому что ересь колеблетъ основанія общаго вѣрованія, возносится надъ церковію, не уважаетъ ея представителей во всѣхъ степеняхъ, зоветъ ее къ суду на основаніи слова Божія. Ересь въ своемъ дѣйствительномъ и истинномъ значеніи есть величайшее преступленіе. Если язычники оскорбляютъ Бога, то по невѣдѣнію, а еретики сознательно извращаютъ истину; если евреи тѣлесно распяли Христа, то еретики распинаютъ Его таинственное тѣло-церковь. Поэтому вполнѣ становится понятною *нетерпимость*, которую церковь выражаетъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ противъ ересей, и особенно въ буллѣ, In coena Domini, тѣ жестокія выраженія, которыми она постоянно ее обозначаетъ, тѣ строгія наказанія, которыя она употребляетъ противъ еретиковъ, передавая ихъ, по осужденіи, свѣтской власти, и требуя, чтобы послѣдняя законами и оружіемъ помогала церкви въ истребленіи ереси. И *схизму* считаетъ церковь точно такимъ же тяжкимъ преступленіемъ какъ и ересь, и одинаково къ ней относится.“

Если такія намѣренія выражаетъ папскій органъ въ то время, когда еще положеніе самаго папы не установилось, или правильнѣе не возстановилось, то что сказать, если бы какими нибудь счастливыми (точнѣе несчастными) обстоятельствами дѣйствительно удалось папамъ возвратить себѣ прежнее значеніе?! Въ такомъ случаѣ войны и походы, пытки и костры свирѣпствовали бы до тѣхъ поръ, пока не осталось бы во всемъ мірѣ, въ смыслѣ ультрамонтанскомъ ни одного еретика, ни одного схизматика.

Вотъ какова *вѣротерпимость* папъ!

—Б.

Новгородъ.
15 сентября 1868 г.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ И СООБРАЖЕНІЯ.

Теперь на всемъ пространствѣ нашей благословенной Россіи уничтожается черезполосность поземельныхъ имѣній. Межевыя коммиссіи работаютъ безъ устали: снимаютъ на планъ земли, дѣлаютъ нарѣзки участковъ, округляютъ и объединяютъ собственность каждаго землевладѣльца. Необходимость такого размежеванья сознана такъ благовременно, и самое дѣло ведется такъ добросовѣстно, что всѣ землевладѣлцы, крупные и мелкіе, благословляютъ уничтоженіе черезполосности, которая доселѣ нерѣдко была причиною разныхъ дрязгъ и столкновеній между сосѣдями и требовала затраты лишняго капитала и времени для обработыванія полей. Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, уничтоженіе черезполосности есть такое важное дѣло, которое вполнѣ заслуживаетъ обращеннаго на него вниманія.

Кромѣ поземельной черезполосности, бываетъ еще національная черезполосность, которая, для благоденствія людей, также должна быть, по возможности, вездѣ уничтожена. На полюбовную сдѣлку такихъ черезполосниковъ нельзя надѣяться, чему доказательствомъ служитъ то, что и поземельные черезполосники рѣдко какіе, и рѣдко когда сами успѣвали устроивать свои дѣла посредствомъ мировой сдѣлки. Всѣмъ нашимъ благосостояніемъ, всѣми улучшеніями мы обязаны власти, сперва Божіей, а потомъ того, чье сердце въ руцѣ Божьей. Слѣдовательно и уничтоженія національной черезполосности будемъ съ

довѣріемъ и любовью ожидать отъ власти. Придетъ пора: речетъ, и будетъ!—

Необходимость уничтоженія національной черезполосности естественнымъ образомъ возбуждаетъ историческія воспоминанія.

Печальной памяти „Рѣчь-Посполитая,“ *обезчеловѣчивши* свой простой народъ до степени рабочаго скота (быдла), оставалась безъ народа въ томъ смыслѣ, въ какомъ третируется народъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ. *Государство безъ народа*... такой необыкновенный уродъ возможенъ былъ только въ знаменитомъ своими безпорядками *королевствѣ-республикѣ*. Хотя выродокъ народа, шляхта, называла себя преимущественно народомъ польскимъ; но каждый шляхтичъ, буяня *на своемъ огородѣ, подобно воеводѣ*, хотѣлъ только повелѣвать, а не повиноваться, и потому сколько было въ Польшѣ шляхтичей, столько же (можно сказать) было и королей, а *народа* все таки не было, ибо „быдло—хлопы не были считаемы за людей въ истинномъ значеніи этого слова, а были *вещью*, рухлядью, „рухотостью,“ рабочею машиной безъ граждански нравственнаго значенія, безъ всякихъ правъ не только на разумно духовную, но даже и на физическую жизнь. Такая республика-королевство, очевидно, не могла существовать рядомъ съ другими благоустроенными державами. Вотъ—Польша и рухнула! съ 1795 по 1807 годъ даже имя ея было исключено изъ географіи.

При этой неизбѣжной катастрофѣ, приготовленной и доведенной до конца самими поляками, между сосѣдними государствами необходимо должно было произойти межеванье и нарѣзка земель; при чемъ къ Россіи примежеваны старинныя и природныя области ея: Бѣлоруссія съ Литвою, Минскъ, Волынь и Подоль. Свое возвратилось къ своему, родное къ родному; никакихъ неудовольствій не было; народъ почувствовалъ свой возвратъ къ человѣческому значенію, и убѣдился, что онъ у себя дома, что онъ уже не быдло. Сходство языка, одна и таже религія, одна и таже славянская кровь и общія историческія преданія быстро сплотили возвратившійся край въ одно физическое и нравственное цѣлое съ общей славянскою матерью Россіей. Однимъ словомъ: тутъ не только не было ничего похожаго на черезполосность, но еще именно была уничтожена

самая неестественная и вредная черезполосность. Не такая судьба постигла тогда природную территорію бывшей Рѣчи-Посполитой съ ея жителями родовитыми поляками: они достались нѣмцамъ. Этой же участи подверглись, кромѣ русской Галиціи, и русская Холмщина, и русскій Люблинъ съ своимъ округомъ. Хотя отъ Галиціи была примежевана къ родной Россіи Тарнопольская область, но не надолго. Буря политическихъ перемѣнъ тогда безпощадно портила грани земель, и производила непрестанную путаницу и перестановку на географической картѣ.

Послѣ укрощенія бурнаго духа той эпохи на скалѣ св. Елены, при послѣдовавшей за тѣмъ тишинѣ, древняя русская Холмщина и Люблинъ возвратились къ Россіи, но не прямо и непосредственно, какъ родное къ родному, а какъ части Царства Польскаго, упросившагося въ подданство къ Александру Благословенному. Осуществилась пословица: „такъ—да не такъ;“ а русская Галиція, съ Тарнопольскою областью, остались во власти нѣмцовъ. Установился новый порядокъ вещей, который не только не вразумилъ поляковъ, но послужилъ для нихъ поводомъ къ разнымъ жалкимъ иллюзіямъ и мечтамъ. По приговору вѣнскаго конгресса, *Царство Польское поступлено въ нераздѣльный составъ Россійской Имперіи, съ неограниченнымъ правомъ всероссійскаго императора дать ему такое устройство, какое онъ найдетъ удобнымъ* (convenable). Но поляки по своему поняли и перетолковали это условіе своего существованія въ соединеніи съ Россіей: имъ показалось, будто Царство Польское присоединено къ Россіи именно для того, чтобъ оттянуть къ себѣ отъ Россіи древнія природныя области ея, Волынскую, Подольскую, всю Бѣлую Россію, и даже, если можно, Кіевъ съ его святынею, а потомъ, возвратившись въ границы 1772 года, поблагодарить Россію за хлѣбъ, за соль, и зажить по прежнему самобытною безурядицей. Въ этихъ иллюзіяхъ и затѣяхъ одно только вѣрно—*невольное сознаніе польской націи въ томъ, что она не можетъ иначе существовать, какъ только въ соединеніи съ Русью.* Жаль только, что Польша подъ именемъ *соединенія* всегда разумѣла подчиненіе себѣ всего и всѣхъ, и не можетъ помириться съ мыслью о соединеніи, указанномъ ей исторіей.— Будучи основана на безпорядкахъ (Polska nierządem stoi), эта

несчастная страна между многими причинами своей погибели должна считать и національную черезполосность своихъ бывшихъ владѣній. А потому, мечтая о границахъ 1772 года, она хотѣла бы возвратиться къ прежнимъ причинамъ своей погибели и снова переиспытать крозавую драму своей бурной жизни и жалкой смерти. Но случилось то, что должно было случиться: всякая черезполосность, и поземельная и національная, непремѣнно должна быть уничтожена: это законъ природы, которому противиться не должно и не возможно. Во время управленія графа Муравьева сѣверо-западнымъ краемъ Россіи, Холмская и Люблинская области сами просили объ отмежеваніи ихъ отъ бывшаго Царства Польскаго и о сплоченіи ихъ въ одно политическое тѣло съ родною и единокровною имъ Россіей. Восточная Галиція, населенная русскимъ народомъ, давно уже и громко вздыхаетъ объ этомъ. Въ пользу и даже въ поощреніе такихъ стремленій однородныхъ частей къ соединенію съ своимъ цѣлымъ говоритъ принятый и уважаемый въ Европѣ *принципъ націонaльности,* противиться этому принципу значитъ одно и тоже, что противиться слiянiю ручьевъ съ рѣкою, рѣкъ съ моремъ.

Потомки пресловутой Рѣчи Посполитой, наслѣдовавши послѣ нея привычку ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ, хотѣли было сдѣлать злоупотребленіе и изъ принципа національности, заохотили посредствомъ подкупа нѣкоторые органы общественнаго мнѣнія въ Европѣ кричать, будто сѣверо-западныя и юго-западныя области Россіи суть *польскій край, забраный,* потому что тамъ живутъ поляки. Но евреи гораздо болѣе, нежели поляки, имѣли бы права называть тѣ области *еврейскимъ краемъ,* потому что тамъ въ полтора почти раза больше живетъ евреевъ, чѣмъ поляковъ. Вотъ статистическія цифры о народонаселеніи, напримѣръ, юго-западнаго края Россіи: коренныхъ русскихъ жителей (малороссовъ, бѣлорусцевъ и великороссовъ), въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, состоитъ: 4018,690; сомнительнаго происхожденія поляковъ 483,767; а евреевъ 609,299 *). Спрашивается: какой же это

*) Эти цифры взяты нами изъ Кіевскаго народнаго календаря на 1868 годъ, а въ календарѣ перепечатаны изъ Атласа западно-русскаго края, составленнаго при министерствѣ внутрен. дѣлъ 1864 года. Сожалѣемъ, что теперь нѣтъ у насъ подъ рукою цифръ о народонаселеніи сѣверо-западнаго края Россіи.

край русскій, польскій, или еврейскій?!! Очевидно, что въ этомъ краѣ евреи и поляки пришельцы и странники. Тѣмъ полякамъ, которые будутъ имѣть основаніе утверждать, что они аборигены края, мы скажемъ, что они ренегаты, т. е. потомки старинныхъ русскихъ родовъ, переродившіеся въ поляковъ путемъ измѣны русской вѣрѣ и народности. Сколько бы десятилѣтныхъ давностей еврей ни прожилъ на одномъ мѣстѣ, онъ все таки пришлецъ, и считаетъ отечествомъ своимъ Палестину: такъ точно и поляки западнаго края Россіи, гдѣбъ они ни жили, и какъ долго бы ни жили, всѣми своими симпатіями тяготѣютъ къ конгрессувкѣ; тамъ истинное отечество ихъ, а мы прибавимъ: туда имъ и дорога! Одно происхожденіе не составляетъ всего объема идеи, всѣхъ примѣтъ національности: есть еще двѣ коренныя принадлежности національности: языкъ и вѣра. Если и есть люди, которые утверждаютъ, что можно быть русскимъ, даже исповѣдуя римско-католическую вѣру, то это люди, незнеющіе закала папства и отношенія религіи къ народности. Надобно пожить между поляками западнаго края, чтобъ совершенно убѣдиться въ невозможности подобнаго сочетанія.

Евреи западнаго края, составляя непріятную національную черезполосность народонаселенія, по крайней мѣрѣ не составляютъ поземельной черезполосности. Это всегдашніе странники и всесвѣтные торгаши, для которыхъ, послѣ Палестины, тамъ отечество, гдѣ большая пожива. Они не пропагандируютъ, не навязываютъ сосѣдямъ ни своей религіи, ни своего польско-нѣмецкаго жаргона, ни своей національности, чего нельзя сказать о живущихъ тамъ полякахъ. Извѣстный указъ 10-го декабря, слава Богу и Государю, уже положилъ начало уничтоженію польской черезполосности въ поземельномъ отношеніи; дай Богъ, чтобы дальнѣйшіе успѣхи русской цивилизаціи сгладили тамъ слѣды черезполосности и въ національномъ отношеніи. Съ вліяніемъ польскаго языка не такъ трудно сладить, какъ прежде казалось. Изученіе и усвоеніе русскаго языка не составляетъ для поляковъ особенной трудности; многіе изъ нихъ уже говорятъ и пишутъ по-русски, а всѣ скоро начнутъ говоритъ и писаіь такъ правильно и хорошо, что трудно будетъ по языку отличить поляка отъ русскаго. Но,

къ несчастію, какъ происхожденіе, такъ и языкъ, еще не составляетъ полной національности. Казалось бы, что въ религіозномъ смыслѣ между нами и поляками не должно быть никакихъ непріятныхъ черезполосностей: и мы и они христіане, и у насъ и у нихъ одна вѣра, одинъ Богъ и Спаситель, одно крещеніе, но это *казалось бы;* между нами и ими стоитъ неодолимое средостѣніе, это римскій папа съ своею корыстолюбивою и властолюбивою пропагандой, вотъ гдѣ начало черезполосности. Если бы поляки исповѣдывали христіянскую вѣру не римско-папскаго обряда, тогда рѣшительно не было бы польской революціи ни 1831, ни 1863 года, не было бы самихъ поляковъ. Вся конгрессувка (не говоримъ уже о полякахъ ренегатахъ западнаго края Россіи) давно бы уже слилась въ одинъ живой организмъ съ Россіей, и удерживая при себѣ многія, достойныя уваженія, особенности въ обычаяхъ, нравахъ, образѣ жизни, и въ языкѣ, сама охотно называлась бы *польскою Россіей*, подобно тому какъ другія части этого славянскаго міра называются, *великою*, *малою*, *и бѣлою Россіей.* Божественная религія, проповѣдывающая миръ и любовь, не виновна въ отчужденіи отъ насъ нашихъ братьевъ—поляковъ: виновны злоупотребители религіи—ксендзы, не только не удерживаемые, но еще поощряемые папою къ возстанію и враждѣ противъ Россіи. Дѣйствія Фіалковскаго и Фелинскаго извѣстны. Церковный трауръ, церковныя манифестаціи, пѣніе въ костелахъ революціонныхъ гимновъ, обращеніе подваловъ косцельныхъ въ кузницы и мастерскія для приготовленія революціоннаго оружія, и личное участіе, даже предводительство ксендзовъ въ мятежническихъ бандахъ... все это очень извѣстно, и хотя теперь прекратилось, но на долго ли? Въ этомъ поручиться никто не можетъ. И по укрощеніи бунта 1831 года мы думали, что все уже кончено, и что это грустное явленіе уже никогда не повторится; но 1863 годъ доказалъ противное. Фанатизмъ римско-папскаго католичества—вотъ самая главная и самая сильная стихія польской національности, и вотъ какая черезполосность самая вредная изъ всѣхъ возможныхъ черезполосностей.

Надѣяться ли намъ на успѣхи цивилизаціи, которая должна будетъ когда-нибудь устроить такъ, что всѣ эти вредныя черезполосности, вторгшіяся въ однородное сплошное населеніе Россіи, со временемъ сгладятся и исчезнутъ?—

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 10-я.

Поята какъ орудіе заговора.

Быстро миновало знойное лѣто. Въ частыхъ ночныхъ похожденіяхъ наши герой и героиня:—Ягайло и Поята,—не замѣтили какъ оно смѣнилось осенью и какъ, въ свою очередь, осень уступала мѣсто холодной зимѣ.

Въ это время почти каждую ночь Ягайло видѣлся съ Поятой, въ каплицѣ Перкунуса, когда она была дежурной вайделоткой; но чаще въ его собственномъ покоѣ. Много тамъ клятвъ и сладкихъ рѣчей было сказано; много было поцѣлуевъ.

О любви Пояты и говорить нечего; — она любила первый разъ въ жизни, и потому чувства ея къ Ягайлѣ были безпредѣльны. Ягайло для нея сдѣлался божествомъ, передъ которымъ она трепетала и благоговѣла. При томъ же у нея не было другой— никакой — привязанности въ жизни. Родителей своихъ не знала она и ничего никогда о нихъ не слыхала; знала только то, что ее нашли груднымъ ребенкомъ на Лысой горѣ. Безродную сиротинку любила и голубила больше всѣхъ вайделотка Бармида, къ ней одной Поята была привязана, но только до тѣхъ поръ, пока въ ея молодой головкѣ не созрѣла мысль, что и Бармида ей чу-

---

*) См. кн. 7 «Вѣст. Зап. Россіи»

жая. Послѣ этого, безъотчетная привязанность къ Бармидѣ смѣнилась осмыслѣнной благодарностью. Но и это чувство, послѣ того какъ криве-кривейто послалъ Бармиду въ храмъ Мѣдзіойин, съ каждымъ днемъ уступало мѣсто равнодушію. Не съ кѣмъ ей было подѣлиться ни радостью, ни горестью, некому ей было передать свои грозы завѣтныя, свои мечты золотыя... У ней даже не было подругъ, потому что вайделотки, по ихъ суевѣрнымъ понятіямъ, считали ее проклятою Перкунусомъ.

Нѣтъ у меня никого, ни родныхъ, ни подругъ. Всѣмъ я чужая, думала она иногда, и горько было ей такое сознаніе. Горечь эта понятна, всякій человѣкъ имѣетъ врожденную потребность быть не одинокимъ, а тутъ, какъ нарочно, все противъ нея...,

Вотъ отъ того то она съ такою силою ухватилась за привязанность къ Ягайлѣ; отъ того такъ скоро и безпредѣльно полюбила его.

О Ягайлѣ же скажемъ, что будь другой на его мѣстѣ человѣкъ съ сильной волей и характеромъ, давно бы могъ сдѣлать изъ Пояты сперва хорошую христіанку,—а потомъ и добрую жену. Но Ягайло любилъ своеобразно,—хотя любилъ истинно. Онъ не спѣшилъ приступить къ исполненію данной клятвы, по весьма многимъ причинамъ, которыя вытекали изъ его безхарактерности. Главная изъ нихъ была та, что онъ не былъ увѣренъ въ согласіи своей матери княгини Іуліяніи Александровны, а не сдержать клятвы онъ считалъ преступленіемъ противъ религіи, за что боялся кары Божіей. Онъ на столько любилъ и привыкъ къ Поятѣ, что ему казалось разстаться съ ней, не исполнивъ клятвы, невозможно. Сначала онъ каждый день рѣшался открыться своей матери, но какъ только бывало увидитъ ее, то сейчасъ же, испугавшись своей рѣшимости, откладываетъ признаніе до другаго дня, а на другой до третьяго и такъ далѣе... Потомъ онъ отложилъ свое намѣреніе на неопредѣленное время. Къ тому же Поята ни разу ему объ этомъ не напоминала, да и у него прежнихъ влятвенныхъ порывовъ послѣ этого было немного. О своемъ общественномъ превосходствѣ надъ Поятой, онъ забывалъ, любуясь на ея дивную красоту. Этой красотѣ Поята обязана было тѣмъ, что Ягайло ни разу не пытался оскорбить ее. Какъ будто бы онъ сознавалъ превосходство Пояты надъ особою,—какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ боялся;—онъ

преклонялся передъ этой красотой. Помимо своей воли, онъ не могъ прикоснуться къ Поятѣ.... Но эта воля была отнята у него.

Довольствуясь поцѣлуями, объятіями и бесѣдой съ Поятой,— Ягайло болѣе ничего не искалъ... за это Поята еще болѣе любила его, и изъ этаго она заключала, что онъ дѣйствительно смотритъ на нее какъ на будущую свою жену, княжну, и потому удерживалась отъ всякихъ напоминаній о его данной клятвѣ. Героиня наша тужила,—чахла,—отъ любви, но молчала, пугаясь чего то... А чего, того она и сама не могла хорошенько осмыслить. Знала только то, что сердце ея иногда сильно тосковало,— какъ будто бы бѣду какую чуяло.....

Разъ только она рѣшилась напомнить,—да и то не о свадьбѣ.

Это было на послѣднихъ дняхъ истекавшей осени, не задолго до языческаго праздника Вайжганта.

— Ахъ, голубчикъ мой! ландышъ мой душистый!!... Вырви скорѣй меня, изъ этого проклятаго гнѣзда криве-кривейты... мнѣ душно тамъ, я задыхаюсь въ этомъ сирадѣ.... мнѣ тяжело видѣть этихъ бездушныхъ истукановъ; мнѣ противно смотрѣть на кровь человѣческую, которая льется отъ рукъ вуршайтосовъ въ честь этихъ глухихъ, слѣпыхъ и нѣмыхъ чурбановъ, которые человѣческаго ногтя не стоятъ; моя душа возмущена обманами, безнравственностью и неправдами нашихъ жрецовъ, — она ищетъ иного Бога, Бога,—который сотворилъ все, что мы видимъ и который не алчетъ, какъ лютый звѣрь, упиваться человѣческой кровью.... Я знаю этою Бога! этотъ Богъ, есть Богъ христіанъ, научи же меня князь, христіанской вѣрѣ, я болѣе не могу быть въ кривичанской вѣрѣ.... князь молю тебя сдѣлай меня скорѣе христіанкой, а не то я умру съ тоски—съ печали,—говорила Поята, голосомъ полнымъ мольбы и слезъ.

Тутъ только Ягайло не много встрепенулся; въ словахъ Пояты онъ видѣлъ косвенный намекъ на его клятву; въ душѣ его родился упрекъ на самаго себя за медленность и онъ почувствовалъ силу.

— Вудь покойна, Поята, какъ Богъ дастъ,—началъ онъ,— воротимся благополучно изъ похода....

— Изъ какого похода? Поспѣшно спросила она съ испугомъ.

— На Москву идемъ, съ отцомъ, съ дядей Кейстутомъ и Ви-

товтомъ..... Къ намъ прибѣжалъ изъ Твери, дядя мой, князь тверской Михаилъ Александровичъ, съ жалобой на князя московскою, что неправду чинитъ великую..... Ну вотъ мы и идемъ войною на московскаго князя,—отвѣчалъ Ягайло.

— И ты, князь, пойдешь?

— И я... да ты не бойся, меня не убьютъ тамъ, я вѣдь во время сѣчи—то не сражаюсь, а Богу молюсь, потому никто.... Но тонъ, которымъ онъ говорилъ эти слова не былъ проникнутъ христіанскимъ смиреніемъ, а напротивъ въ немъ дышала какая то пошлая самоувѣренность, свойственная только лгунамъ и трусамъ. Это не укрылось отъ Поэты.

— Послушай, князь, я не понимаю, чтобы Богъ создалъ человѣка и самъ будетъ отнимать у него жизнь? Нѣтъ, князь думаю, что Богъ созидаетъ, не разрушаетъ....

— Помнишь, ты мнѣ прежде говорилъ, что христіанскій Богъ далъ завѣтъ прощать своимъ врагамъ?

— Вѣдь подъ голубымъ небомъ мѣста довольно и врагамъ и друзьямъ. Зачѣмъ же женъ лишать мужей, отцовъ—дѣтей невѣстъ—жениховъ?... Вотъ если бы тебя,—чего избави Богъ,—убили въ кровавой сѣчи,—я бы руки на себя съ горя наложила.

Ягайло молчалъ.

— Ты не гнѣвись, князь, на меня за то, что я такъ крѣпко люблю тебя, не въ моей волѣ любить меньше, продолжала Поята.

— Ну вотъ что ты выдумала!... сказалъ Ягайло, цѣлуя ея: будь покойна! Какъ только вернемся изъ похода, то сейчасъ же я тебя христіанской сдѣлаю, а потомъ и женюсь....

— Я буду молиться христіанскому Богу, о скоромъ возвращеніи твоемъ, сказала Поята.

— Ты Поята язычница и не знаешь христіанскаго ученья, а вотъ какъ сдѣлаешься христіанкой, тогда ты узнаешь, что нужно молиться всякій день, всякій часъ и о всемъ,—сказалъ Ягайло.

— А скоро ли пойдете въ походъ?

— Какъ рѣки и болота замерзнутъ,—отвѣчалъ Ягайло.

— Ты не забудь проститься со мною, а то я слыхала, что ты прежде раставался съ своими сердечными не прощаясь.... Смотри со мною такъ не поступи.... На прощанье я дамъ тебѣ волшебную повязку, она спасетъ тебя отъ смерти,—замѣтила Поята.

— Не забуду, какъ можно забыть!... Я бы и въ походъ не

пошелъ, да нельзя, всѣ идутъ... Матушка-княгиня посылаетъ.. Кто же тебѣ говорилъ, что я не прощался съ сердечными?—обратился Ягайло къ Поятѣ.

— Люди мнѣ говорили, отвѣчала Поята, слегка улыбаясь. Ну да я увѣрена, что ты со мною такъ не сдѣлаешь, ты любишь меня, я это вижу и не боюсь за тебя..

Ягайло крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Послѣ этого разговора, спустя дней десять, многочисленная дружина князя Ольгерда выступила изъ Вильны по московской дорогѣ, — предварительно отслуживъ напутственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ иконою корсунской Божіей Матери, которая стояла надъ Мѣдницкими воротами. Это-то самая икона которую в. к. Ольгердъ взялъ въ Корсунѣ и привезъ ее въ подарокъ первой своей супругѣ, княгинѣ Маріи Ярославлевнѣ *). Молебенъ служилъ духовникъ княгини Іуліаніи, архимандритъ Давидъ. Ко кресту подходили всѣ, начиная съ Ольгерда и кончая послѣднимъ ратникомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ литовцевъ и жмудинъ; ихъ, впрочемъ, въ дружинѣ Ольгерда было очень мало, большинство же состояло изъ русскихъ. За то дружина Кейстута, ушедшая нѣсколькими днями раньше, въ качествѣ сторожеваго полка, вся почти была изъ литовцевъ и жмудиновъ, которыми предводительствовалъ Витовтъ. Самъ Кейстутъ находился съ Ольгердомъ и былъ его первымъ совѣтникомъ. Ягайло же съ своимъ дядей княземъ тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, виновникомъ похода, командовалъ витебской дружиной и небольшимъ отрядомъ татаръ.

Ягайло, прощаясь съ матерью своею и выходя изъ Вильны, не выронилъ ни одной слезики, ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ, какъ будто бы онъ отправлялся не въ кровавый бой, а на веселый пиръ; какъ будто бы въ Вильнѣ онъ не оставлялъ послѣ себя ничего близкаго сердцу. Напротивъ того Поята, на прощаньи съ Ягайломъ положительно захлебывалась слезами, какъ ни уговаривалъ ее Ягайло. Въ часъ же выступленія дружины изъ Вильны, она стояла на высокой башнѣ, сверху которой ей было видно, какъ шелковый *стягъ* Ягайлы волнообразно полоскался въ воздухѣ и

---

*) Нынѣ эта икона находиться въ рукахъ р.-католиковъ и называется Острабрамской.

постепенно терялся въ синевѣ дали. Но вотъ наконецъ отрядъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ и только легкій паръ, поднявшійся туманнымъ столбомъ указываетъ то мѣсто, гдѣ находилась дружина, да и паръ скоро разсѣялся. Поята, захлебываясь въ рыданіяхъ, шептала что-то такое, что понятно только тѣмъ, кто первый разъ испытываетъ горечь разлуки съ дорогимъ человѣкомъ.

— О Боже христіанскій! возврати мнѣ его живаго, я люблю... я люблю его... громко сказала Поята, простирая глаза и руки къ небу.

Въ это время на площадку башни вошелъ самъ криве-кривейто; лицо его, носившее на себѣ отпечатокъ природнаго ума, было испещрено морщинами. Изъ подъ высокаго колпака спускались на его сгорбленные плечи длинные сѣдые волосы. Борода и брови тоже блестѣли серебомъ,—на которое такъ щедро неумолимое время; только глаза его еще не утратили своего прежняго блеска.

Послѣднія слова Пояты онъ слышалъ, и лицо его сдѣлалось мрачнѣе тучи.

— Опомнись, безумная! кого ты молишь... О чемъ ты просишь? Ты вдвойнѣ нарушила завѣтъ богини Прауримы... Боги покараютъ тебя, сердито сказалъ криве-кривейто.

Поята оглянулась и, увидѣвъ своего верховнаго жреца надъ жрецами, съ покорностью и молча опустилась передъ нимъ на колѣна, какъ того требовалъ языческій уставъ.

— Ты взываешь къ христіанскому Богу, на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ бесѣдуетъ со мною нашъ справедливый Пражжу, гдѣ онъ передаетъ мнѣ волю свою и откуда я возвѣщаю народу все, что говорятъ мнѣ боги?!,.. Здѣсь не касалась еще ничья нога до пола, кромѣ криве-кривейтовъ, а ты дерзнула осквернить это мѣсто?!... Боги приказываютъ мнѣ придумать для тебя такую казнь, такую мучительную пытку, отъ которой загрохотало бы небо, застонала бы земля. Отвѣчай мнѣ: ты любишь Ягайлу?

— Да люблю, не то съ покорностью, не то съ отчаяніемъ,— отвѣчала она.

— Онъ хочетъ взять тебя въ жены къ себѣ? — Продолжалъ криве-кривейто, и далъ тебѣ въ этомъ клятву?

Поята съ удивленіемъ взглянула на него.

— Ты удивляешься, что я знаю все то, что не знаютъ другіе люди? Не удивляйся великая грѣшница, я криве-кривейто и мнѣ все

открываютъ боги... Я знаю, что ты вѣру христіанскую хочешь принять...

— Да, хочу принять христіанство,—торжественно сказала она, поднимаясь на ноги: никто, ничто не удержитъ меня отъ этого, одна только смерть можетъ помѣшать мнѣ очиститься святымъ крещеніемъ; но и смерть оставитъ одно только мое тѣло въ язычествѣ, за то душа моя уже давнымъ-давно принадлежитъ христіанскому Богу... Я не знаю гдѣ Онъ, кто Онъ, но знаю что Онъ есть, и что Онъ Господь и Творецъ всего, что видимъ мы... Не бездушный Перунусъ гремитъ въ небесахъ, не Прамжинасъ царствуетъ въ голубой лазури, а Богъ, которому поклоняются христіане... Ты первый жрецъ Прамжинаса, и больше всѣхъ долженъ вѣрить въ чудеса и силу своихъ боговъ; но ты первый смѣешься надъ ихъ ничтожностью и безсиліемъ, ты первый заставлялъ меня обманывать Ягайлу разными мнимыми волшебствами, видѣніями богинь, и духомъ Пояты керновской... О если бы богиня Мѣдзіюйма была дѣйствительно богиней, а княгиня Поята воскресла бы, то надъ тобою совершилась бы такая мучительная казнь, отъ которой дѣйствительно загрохотало бы небо...

— Замолчи клятвопреступница!—дрожа всѣмъ тѣломъ отъ злости, началъ криве-кривейто.

— Рѣшенъ твой приговоръ, боги не умолимы... Сегодня ночью тебя постигнетъ лютая смерть... Ступай за мною и узнай, какъ сильна власть криве-кривейты. Сказавъ это, онъ повернулся къ Поятѣ спиною и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Какъ сильна власть криве-кривейты мнѣ извѣстно и безъ доказательствъ твоихъ, но вѣдь въ этой власти нѣтъ ни на одинъ дубовый листокъ воли боговъ, потому что наши боги и сами созданы руками человѣческими, по волѣ перваго криве-кривейты Войдевута и его брата Брутена. Твоя власть сильнѣе власти боговъ: народъ слушается тебя, онъ думаетъ, что устами твоими говорятъ боги, а ты этому и радъ; боги наши, эти глухіе чурбаны, слуги твои, ими ты удерживаешь власть свою надъ глупымъ народомъ... Узнай народъ этотъ обманъ, онъ растерзалъ бы тебя на мелкія части; но народъ слѣпъ... Такъ дай же волю хоть приближеннымъ твоимъ, хоть мнѣ одной, понимать нашихъ боговъ, какъ ты самъ ихъ понимаешь... Угрозъ твоихъ я не боюсь, смерти тоже... Да и самъ ты хоть жрецъ жрецовъ, но тоже человѣкъ, хоть кривичанская

вѣра и проистекаетъ изъ двухъ началъ: добра и зла, но ты самъ учишь народъ дѣлать добро. Ты учишь потому, что въ тебѣ не заглохло еще отъ запаху жаренаго человѣческаго мяса то, что заставляетъ человѣка плакать по ближнимъ и жалѣть его... Если я, вырвавшись изъ тьмы языческой, бросаюсь въ свѣтъ христіанскій, тебѣ удивляться не чему... Не своей волей я сдѣлалась вайделоткой... Вотъ если бы я знала своихъ родителей!...

Въ это время по дорогѣ ведущей съ *Лоточка* въ великокняжескій замокъ показалась большая толпа народа, состоящая преимущественно изъ русскихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Въ срединѣ толпы нѣсколько придворныхъ боярынь несли образъ Богородицы, передъ которой служили молебенъ полки Ольгерда и которая именовалась Корсунской Божіей Матерью. В. К. Іуліанія, на время отсутствія своего супруга Ольгерда, всегда брала эту икону въ свою домашную церковь, гдѣ ежедневно служила по нѣскольку разъ въ день молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о счастливомъ возвращеніи князя.

Впереди толпы причетники несли церновную хоругвь и святую воду въ сосудѣ. За образомъ слѣдовалъ архимандритъ Давидъ и нѣсколько священниковъ. На колокольняхъ виленскихъ церквей, во время этого шествія, звонили во всѣ колокола. Позади духовенства шла княгиня Іуліанія, ее окружали царедворцы, во главѣ которыхъ былъ тіунъ и придворные боярыни. Еще далѣе шелъ князь Андрей Ольгердовичъ съ нѣсколькими своими братьями и съ небольшимъ отрядомъ латниковъ, оставшихся въ гарнизонѣ виленскаго замка.

Вся толпа эта, медленно двигаясь, пѣла духовные пѣсни.

Поята оглянулась и, увидѣвъ христіанскую процессію, начала внимательно слѣдить за ней.

— Долой съ этого священною мѣста, отступница, отъ вѣры своихъ боговъ! Ты сквернишь Ромновэ, для тебя мѣсто въ душномъ подземельи... Пойдемъ туда, закричалъ Криве-Кривейто, котораго видъ христіанской процессіи приводилъ въ ярость; но Поята не слыхала этихъ словъ.

— Идемъ же, повторилъ онъ, взявъ за руку Пояту.

— Куда? Спросила она, не смотря на него.

— На смерть! заключилъ онъ, таща ее за руку. До Поята въ этотъ моментъ внятно и звучно долетѣли слова: «Взбранной

воеводѣ побѣдительная....» и проч. Она и прежде отъ Ягайлы слыхала эту молитву, а тутъ снова заслышавъ ее, да еще въ такую минуту,—невольно и, съ благовѣніемъ спустилась на колѣна по направленію процессіи, предварительно вырвавшись изъ рукъ Криве-Кривейти. Сложивъ крестообразно руки, она начала рыдать; въ этихъ рыданіяхъ была не скорбь, не отчаяніе, а мольба, мольба безъ словъ, мольба душевная, горячая, благоговѣйная... Она не знала Богородицы, но знала, что молится христіанскому Богу, вмѣстѣ съ сонмомъ христіанъ. О, какъ благотворно было это сознаніе; она чувствовала что-то невѣдомое ей дотолѣ.

— Идемъ же, нечестивая, сказалъ Криве-Кривейто, снова хватая ее за руку.

— Теперь веди меня куда знаешь, я не боюсь смерти, не страшусь твоихъ боговъ... идемъ, я не твоя теперь, торжественно сказала Поята, поднимаясь на ноги.

Криве-Кривейто хотѣлъ на это что то сказать, но закусивъ языкъ отъ злости, промолчалъ и показалъ пальцемъ на единственный выходъ. Поята повиновалась, смѣло она пошла впередъ съ башни.

— Иди за мной, сказалъ Криве-Кривейто ей, когда они сошли съ башни.

Поята не возражала.

Пройдя площадку, отдѣляющую башню отъ храма Перкунуса, они вошли въ него; дежурная вайделотка у Знича пала ницъ передъ Криве-Кривейтомъ. Минуя жертвенникъ, они остановились у входа священной пещеры, въ которой хранились разныя змѣи, ящерицы и другіе гады.

— Ступай впередъ, грозно сказалъ Криве - Кривейто Поятѣ, смотря ей въ лице. Но ни одинъ мускулъ ея не дрогнулъ, при видѣ кишащей массы гадовъ. Твердою поступью она начала опускаться въ пещеру, за ней не смѣло и неувѣренно слѣдовалъ Криве-Кривейто.

Священные гады отъ шуму всѣ расползлись по угламъ.

Криве - Кривейто поспѣшно подошелъ къ стѣнѣ и отворилъ потаенную дверь.

— Вотъ гдѣ твое мѣсто, Поята, ступай туда и жди казни

---

*) Луна.

черезъ утопленіе въ рѣкѣ Виліи; а пока проси Атримпоса, чтобы тебѣ въ водѣ лучше было, чѣмъ на землѣ... Ужо-ночью, лишь только Лаума *) засеребритъ воды Виліи, тебя завяжутъ въ мѣшокъ съ каменьями, положатъ туда четыре кошки и одну лютую змѣю: съ этими подругами тебѣ веселѣе будетъ взывать къ христіанскому Богу и легче опускаться на дно рѣчное.... проклятая! прошепталъ разгнѣванный Криве-Кривейто, вталкивая Пояту въ темное отверстіе и захлопывая за ней дверь. Приперевъ желѣзной задвижкой дверь и произнеся какое то ругательство, Криве-Кривейто вышелъ изъ пещеры.

Въ этотъ моментъ онъ окончательно рѣшилъ приговоръ на счетъ судьбы Пояты. Она должна умереть, сказалъ онъ самъ себѣ, потому что не вѣритъ болѣе кривичанскимъ богамъ... Сдѣлавшись христіанкой, она можетъ разсказать тайны наши... смерть, смерть ей, думалъ Криве-Кривейто, идя изъ храма Перкунуса.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ Поята взаперти?

Оставшись въ темномъ, ей незнакомомъ подземельи она ни на волосъ не измѣнила своему благоговѣйно—восторженному настроенію. Ее не пугалъ ни мракъ, ни одиночество въ невѣдомомъ мѣстѣ, ни тѣ гады, которыхъ она видѣла въ пещерѣ, ни близость смерти; умъ и душа ея были заняты христіанской процессіей. Молитва: «Взбранной—воеводѣ и проч.» звучала въ ушахъ ея. Какъ будто бы какой то таинственный голосъ напѣвалъ ей, безусловно она подчинилась этому голосу и невольно присоединилась къ нему. Громко и торжественно она запѣла христіанскую пѣснь, словъ она не произносила, потому что не знала ихъ, но мотивъ былъ тотъ самый, который она недавно слышала. Пѣнію этому звонко вторило подземное эхо, переливаясь разными руладами и замирая гдѣ то далеко, далеко.... Но мало по малу восторженное—благоговѣйное состояніе смѣнилось нормальнымъ; сырость и холодъ заставили Пояту придти въ себя и подумать о своемъ положеніи. Кончивъ пѣніе она начала прислушиваться къ каждому звуку и, долго напрягая свой слухъ, она оставалась неподвижной. Наконецъ она ощупью сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, нога ея наступила на что то скользкое и движущіеся, по ея тѣлу пробѣжала нервическая дрожь, она вскрикнула, отъ звука ея голоса снова раскатилось эхо подъ сводами подземелья, и Поятѣ казалось, что будто вся земля застонала вокругъ нея и подъ ней... Страхъ

овладѣлъ ею, поспѣшно она схватилась за грудь и изъ подъ бѣлой ткани вытащила крестъ — складень, похищенный у Ягайлы на озерѣ Чельтицъ.

— Христіанскій Боже! спаси меня, прошептала Поята, цѣлуя крестъ и творя крестное знаменіе.

Твердая вѣра въ христіанскаго Бога, возвращаетъ ей энергію и она смѣло идетъ впередъ. Въ ушахъ ея опять звучитъ мотивъ христіанской молитвы, снова она впадаетъ въ благоговѣйно—восторженное настроеніе.

Умру за христіанскаго Бога, — думаетъ она: — и буду въ раю, о которомъ она наслышалась такъ много отъ Ягайлы, и который былъ по ея понятіямъ въ небесной лазури..... воображенію ея представляется этотъ рай, съ роскошной растительностью, съ пышно цвѣтущими лугами, которые орошаетъ большая рѣка лазурной водой. Поютъ райскіе птицы, летаютъ цѣлые сонмы существъ неземныхъ, крылатыхъ, которыхъ называлъ Ягайло ангелами и архангелами, наконецъ она уже передъ самимъ христіанскимъ Богомъ... Но тутъ воображеніе ея опускаетъ крылья на земь, она приходитъ въ себя, и изъ небеснаго рая снова переноситя въ холодное, сырое подземелье. Такъ я умру и не увижусь болѣе съ Ягайломъ?!... И о смерти моей онъ не узнаетъ, думаетъ она и ею овладѣваетъ тоска.

Такъ рано умереть,—да еще лютой смертью нехочется!.... Я не знала радости жизни, продолжаетъ думать она и въ умѣ ея рождается мысль о побѣгѣ.

— Христіанскій Боже! помоги мнѣ, лепечетъ она и начинаетъ ощупывать руками холодныя стѣны, съ намѣреніемъ найдти выходъ... Но увы! продолжительные поиски не привели къ желанной цѣли, руки ея были исчарапаны объ острые камни и леденѣли отъ холоду, ноги, обутыя въ легкія сандаліи, тоже начинали зябнуть.

Подземное помѣщеніе это, до сей поры не было извѣстно Поятѣ и поэтому она терялась въ догадкахъ.... Наконецъ у ней блеснула мысль идти по направленію эха. Приводя въ исполненіе эту мысль она долго шла ощупью и эхо казалось все удалялось отъ нее впередъ, какъ будто бы смѣясь надъ заключенной. Поята упала духомъ и начинала слабѣть тѣломъ. Умру ранѣе, чѣмъ хотѣлъ злодѣй Криве-Кривейто, подумала она, опускаясь въ из-

неможеніи на холодную землю. Какъ вдругъ до нее долетѣли звуки плачущаго ребенка. Она встаетъ на ноги и съ быстротою лани бросается по направленію этихъ звукэвъ... Поята слышитъ, что плачь ребенка уже, въ нѣсколькихъ шагахъ; я спасена, тутъ навѣрно есть другой выходъ, думаетъ она, но въ это время ребенокъ неистово вскрикнулъ и замолкъ. Отъ этого крику Пояту передернуло, на минуту она остановилась, но потомъ, угадывая направленіе инстинктивно, снова бросилась впередъ. Падая и натыкаясь нѣсколько разъ на извилистыя стѣны, она наконецъ очутилась въ большомъ кругломъ подземномъ помѣщеніи, сверху котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробивался свѣтъ, изъ большихъ отверстій. Въ каждое изъ этихъ отверстій снизу были поставлены лѣстницы.

Немедля ни минуты, Поята поднялась по одной изъ нихъ и безъ большого труда узнала что находится въ истуканѣ Атримпоса. Черезъ глаза и ротъ идола она увидѣла, что въ храмѣ Перкунуса самъ Криве - Кривейто приносилъ великія кровавыя жертвы, передъ Атримпосомъ... ребенокъ, плачь котораго слышала Поята, уже жарился на кострѣ. Вуршайтосы раздували пламя и подкладывали топлива, войделотки и войделоты пѣли и ублажали Атримпоса, Криве-Кривейто нашептывалъ что то. Въ толпѣ войделотокъ стояла Ригальда, по лицу ея ползало довольство.

Въ открытый сверху храмъ Перкунуса валилъ большими хлопьями снѣгъ; всѣ, впрочемъ, были укутаны въ зимнія одежды, всѣмъ было тепло только одной Поятѣ было холодно сидѣть въ бронзовомъ идолѣ.

Послѣ довольно продолжительныхъ лелованій, Криве-Кривейто обратился къ войделоткамъ съ рѣчью.

— Возлюбленныя дочери солнца,—чистѣйшія рабыни ея сына Знича вѣчнаго; непорочныя дѣвы богини Прауримы! Внимайте велѣнію боговъ, началъ Криве-Кривейто, одна изъ вашихъ сестеръ прогнѣвала боговъ нашихъ и ее сегодня постигнетъ казнь... Она, въ угоду Атримпосу прекрасному, будетъ утоплена ночью въ Виліи. Таково велѣніе Атримпоса, — заключилъ Криве - Кривейто, обращаясь лицемъ къ идолу Атримпосу.

— Твоя воля, нашъ прекрасный Атримпосъ, будетъ исполнена. Въ честь твою пролилась кровь младенца, пусть эта непо-

винная кровь будетъ очистительной жертвой великой грѣшницы, войделотки Пояты, которая скоро явится въ твое водяное царство,—добавилъ онъ.

Поята, несмотря на страшный холодъ и на свое безвыходное положеніе, не выдержала и засмѣялась. Смѣхъ этотъ былъ веселый, чистый и торжественный. Да, она торжествовала сознавая правоту своихъ убѣжденій и видя нахальство Криве-Кривейты, съ какимъ онъ говорилъ о воли бога Атримпоса.... когда грудокъ, на которомъ жарился ребенокъ, совсѣмъ обуглился и отъ младенца остались только небольшія обозженныя кости, то, по приказанію Криве-Кривейты, уголья эти были залиты водою, а прахъ и кости собраны въ урну.

— Этотъ *жальникъ**) ужо положите въ тотъ мѣшокъ, который на вѣки сокроетъ Пояту,—сказалъ Криве-Кривейто, обращаясь къ вуршайтосамъ; а вы, служительницы Праурима, возьмите слезницу и наполните ее слезами своими по своей подругѣ Поятѣ, добавилъ онъ, обращаясь къ вайделоткамъ. Онѣ не замедлили исполнить приказаніе Криве-Кривейты и такъ завыли какую то похоронную пѣсню, что даже сами вайделоты, привычныя къ этимъ звукамъ, и тѣ морщились.

Криве-Кривейто, отдавъ два приказанія, отправился къ себѣ, въ сопровожденіи войделотовъ, и двухъ кривейтовъ, — помощниковъ своихъ.

У дверей банпи, въ которой жилъ Криве-Кривейто, вся его свита раскланялась съ нимъ, и онъ одинъ вошелъ въ свои покои.

— Аллусу! закричалъ онъ своему прислужнику вайделоту, который встрѣтилъ его на порогѣ.

Черезъ минуту большая серебряная кружка, наполненная литовскимъ аллусомъ, стояла на дубовымъ столѣ передъ Криве-Кривейтомъ. Снявъ верхнюю мѣховую одежду, онъ залпомъ опорожнилъ кружку, и потребовалъ еще. За сытнымъ обѣдомъ, кромѣ аллусу, онъ пилъ и раманею, отчего лице его сдѣлалось малиновымъ. Немного спустя послѣ обѣда, когда Криве-Кривейто, зѣвая и потягиваясь, валялся на лежанкѣ, вошелъ къ нему прислужникъ,

— Къ тебѣ, нашъ отецъ, пришла войделотка Ригальда, она желаетъ видѣть твои праведныя очи,—доложилъ вайделотъ.

*) Урна.

— Пусть войдетъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣчалъ Криве-Кривейто.

Войделотъ ушелъ, а на мѣсто его явилась войделотка Ригальда. Войдя, она слегка поклонилась Криве-Кривейту, который на это отвѣчалъ благосклонной улыбкой и, молча, указалъ на дверь; Ригальда обернулась и заперла ее на желѣзный крюкъ.

— Поди сюда,—прошепталъ онъ, смотря на Ригальду и показывая рукою на мѣсто подлѣ себя.

Ригальда, молча, повиновалась.

— Ну что скажешь, моя голубка? Говорилъ Криве-Кривейто, привлекая руками къ себѣ Ригальду.

— Я пришла съ тобой поговорить о Поятѣ,—начала Ригальда, не противясь объятіямъ Криве-Кривейты.

— Говори, говори, что хочешь, голубка моя, будетъ все по твоему, только потѣшь меня старика.... продолжалъ онъ.

— Теперь ты узналъ, что все то, что говорила я тебѣ была правда...

— Узналъ больше, чѣмъ говорила ты...

— А помнишь ли ты свое обѣщаніе?

— Какое?

— Ты обѣщалъ смерть Поятѣ, если все, что я тебѣ говорила, окажется правдой...

— Обѣщалъ и сдержу свое обѣщаніе: сегодня ночью она будетъ рыбу ловить въ Виліи....

— Смотри, не измѣни своему слову, а то больше не увидишь меня въ своихъ объятіяхъ, сказала Ригальда съ особой настойчивостью.

— Ну да полно.... полно.... что ты уговариваешься?... голубка моя, лилія моя бѣлая... говорилъ Криве-Кривейто.

— Я слышала будутъ тебя просить, чтобы ты помиловалъ Пояту?

— Кто будетъ просить?

— Кривейто Гонтвидъ.

— Ни для кого не пощажу, и если бы сами боги наши научились приказывать и говорить, я бы и ихъ не послушалъ... тебя одну я почитаю и слушаю, ты моя богиня повелительница... уговариваться мы будемъ послѣ,—сказалъ Криве-Кривейто, глаза котораго горѣли страстнымъ огнемъ. Ригальда вышла отъ Криве-Кривейты.

И такъ Ригальда обѣщала смерть своей соперницы.

Какъ только ушла Ригальда, Криве-Кривейто всталъ съ лежанки и, пройдясь нѣсколько разъ по своимъ покоямъ, позвалъ своего прислужника.

— Подай мнѣ холоднаго меду,—приказалъ онъ вайделоту—служителю.

— Медъ былъ поданъ и Криве-Кривейто, выпивъ кружку, потребовалъ другую... его мучила жажда. Выпивъ вторую кружку меду, онъ началъ надѣвать медвѣжій кожухъ для того, чтобы выйдти на башню и освѣжиться воздухомъ. Въ это время прислужникъ доложилъ ему, что его хочетъ видѣть кривейто Гонтвидъ.

— Пусть войдетъ, сказалъ Криве-Кривейто.

Черезъ минуту вошелъ Гонтвидъ, онъ былъ довольно средняго росту, съ открытымъ честнымъ лицемъ, окаймленнымъ сѣдинами.

— Бѣлаго свѣта немного на землѣ, и я пришелъ къ тому, кто живетъ въ немъ, началъ обычнымъ литовскимъ привѣтствіемъ Гонтвидъ, дѣлая поклонъ Криве-Кривейту.

— Кто видитъ бѣлый свѣтъ, тотъ и самъ отъ него просвѣщается, отвѣчалъ Криве-кривейто привѣтствіемъ на привѣтствіе, указывая на скамейку возлѣ стола и садясь самъ на ней.

— Я къ тебѣ пришелъ... сказалъ Гонтвидъ, садясь на дубовую скамью.

— Я знаю зачѣмъ, перебилъ его Криве-кривейто: ты хочешь просить о пощадѣ Пояты?!

— Кто сказалъ тебѣ?

— Боги.

Гонтвидъ громко засмѣялся.

— Криве-кривейто! ты самъ желаешь, чтобы я занялъ твое мѣсто послѣ тебя, зачѣмъ же ты издѣваешься надо мной? Къ чему давать душу бездушному... Боги наши такъ же пусты, какъ эта кружка,—онъ показалъ на кружку; вели кстати ее наполнить аллусомъ, я выпью.

Криве-кривейто приказалъ подать двѣ кружки аллуса. Черезъ минуту это было исполнено, Гонтвидъ и Криве-кривейто по нѣскольку глотковъ отведали аллусу.

— Тебѣ сказала о моемъ намѣреніи Ригальда. Такъ неужели она попала въ богини? Съ лукавой улыбкой, спросилъ Гонтвидъ.

— А ты почемъ знаешь? спросилъ Криве-кривейто.

— Мои глаза мнѣ это сказали: я видѣлъ Ригальду, выходившею отъ тебя, лице ея было пылающее, глаза были подернуты какимъ то зловѣщимъ блескомъ, грудь ея неровно колыхалась... все въ ней говорило что ты сдѣлалъ изъ нея свою богиню.... Изъ-за ея прихоти или чего другаго ты губишь Пояту, лучшую вайделотку, красавицу изъ красавицъ и любимицу будущаго короля Литвы Ягайлы. Опомнись, что ты хочешь дѣлать... Ягайло за смерть своей сердечной, сдѣлавшись королемъ Литвы, по вѣтру развѣетъ все наше Ромнове, казнитъ тебя, казнитъ насъ всѣхъ.... ты сердишься на Пояту за то, что она не вѣритъ болѣе бездушнымъ истуканамъ, а признаетъ христіанскаго Бога, такъ я тебя спрошу: вѣришь ли ты-то самъ богамъ нашимъ?... Это не бѣда, если она приметъ христіанство и сдѣлается женой Ягайлы; черезъ нее можно будетъ держать Ягайлу въ своихъ рукахъ, стоитъ только хорошенько поддѣлаться къ ней.... А поддѣлаться къ ней легко, она добра и незлобива.

— Нѣтъ Гонтвидъ, не проси меня, Поята должна умереть...

— Да какая же польза будетъ изъ ея смерти тебѣ и намъ? Вооружишь только Ягайлу противъ себя, а онъ любимецъ своихъ родителей и можетъ намъ напортить сильно....

— Гонтвидъ! хочешь еще аллусу, меду, романеи,—все я велю подать тебѣ, но о Поятѣ больше не проси..

— Ненужно мнѣ ничего, ни романеи, ни меду, я требую только того, чтобы Поята была на свободѣ.... пусть живетъ она....

— Это невозможно....

— Что? Видно далъ слово Ригальдѣ уморить ея соперницу?!..

— Какую соперницу?

— Пояту.... Ригальда сама любитъ Ягайлу и отъ него прижила сына....

— Какъ?!!.. Бывши вайделоткой, она прижила сына?

— Нѣтъ, когда еще была у отца въ Трокахъ.

— Откуда ты все это знаешь? Съ презреніемъ спросилъ Криве-кривейто.

— Ты читаешь по небеснымъ звѣздамъ судьбу человѣка, узнаешь будущность, такъ тебѣ нечего меня спрашивать, откуда я знаю,—смѣясь, отвѣчалъ Гонтвидъ.

— Гдѣ же теперь сынъ Ригальды?

— Теперь не время говорить о немъ, послѣ мы съ тобой о немъ потолкуемъ.... выпусти Пояту и прости ее...

— А что скажутъ другіе, когда я прощу ее? Скажутъ, что я не исполняю воли боговъ.....

— Никто этого не скажетъ, никто уже у насъ не вѣритъ богамъ нашимъ, всѣ знаютъ, что наши боги глухіе чурбаны, а тотъ невидимый Богъ, который гремитъ въ громахъ, сіяетъ въ солнцѣ красномъ, блеститъ въ звѣздахъ, который создалъ весь міръ и котораго мы называемъ Вишайтосъ и Прамжинасъ, — тотъ Богъ не бесѣдуетъ съ нами... этого Бога и я почитаю и боюсь, ему покланяются и христіане и язычники подъ разными только именами.... одни только вуршайтосы, которые отъ потоковъ человѣческой крови потеряли разумъ, слѣпо покланяются бездушнымъ чурбанамъ и увѣрены, что ты говоришь устами боговъ, но всѣ прочіе слуги боговъ пашихъ не вѣрятъ имъ.... одна Ригальда будетъ злиться на тебя за то, что ты помилуешь Пояту, за то всѣ другіе будутъ благословлять тебя.... Неужели ты нашъ верховный жрецъ, судья судей, будешь игрушкою прихоти женщины? Нѣтъ! я увѣренъ что ты выпустишь Пояту...

— Не могу, не могу... казнь ея должна совершиться.

— Подумай, Криве-кривейто, что и теперь мы держимся на волоскѣ, а что будетъ тогда, когда Ягайло начнетъ мстить намъ?.. Ольгердъ не вѣченъ, послѣ него вступитъ Ягайло, что тогда будетъ съ нами?

— Не допущу я Ягайлу быть королемъ Литвы, я подыму весь мой народъ и заставлю выбрать въ короли Витовта....

— Такъ тебя и послушали!... Да ты забылъ, что въ Литовскомъ королевствѣ больше русскихъ, чѣмъ литовцевъ, а они давно уже отпали отъ кривичанской вѣры и признаютъ христіанскаго Бога, по греческому закону, литовцы же изъ верхней Литвы тоже одинъ за другимъ присоединяются къ христіанамъ и только жмудины еще постоятъ за тебя, а ихъ одна горсть противъ тучи русскихъ.... нѣтъ, этимъ ты теперь ничего не сдѣлаешь... выпусти Пояту, лучше будетъ, я тебѣ худаго не пожелаю, она тебѣ пригодится, черезъ нее можно на Ягайлу дѣйствовать какъ хочешь... онъ же малодушенъ и безхарактеренъ, этимъ нужно пользоватся. Если ты самъ не хочешь заняться этимъ, то дозволь мнѣ, я сдѣлаю все; только умоляю тебя выпусти Пояту...

— Да что ты такъ крѣпко просишь за Пояту? Видно она тебѣ по душѣ пришлась? Ядовито спросилъ Криве-кривейто.

Гонтвидъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на своего верховнаго жреца.

— Я не ссылаюсь какъ ты на боговъ своихъ,—началъ онъ,—у меня одинъ богъ-мой разумъ и чистая совѣсть... этому божеству я воздаю почитаніе и его слушаюсь. Это божество меня не допуститъ до насилія, а безъ насилія или купли нельзя дряхлому старику:—гнилымъ развалинамъ владѣть такимъ пышнымъ цвѣткомъ, какова Поята. Любилъ и я на своемъ вѣку,—не скорюсь, но время то прошло, моя сердечная давно спитъ въ сырой землѣ... Ее я одну любилъ и передъ ней предстану въ томъ мірѣ съ чистою совѣстью. Не о любви я думою теперь, а о томъ, какъ бы найдти путь къ свѣту, который бы озарилъ будущую загробную жизнь мою. Если я прошу тебя за Пояту, то прошу потому, что не нахожу за ней никакой вины.

— Богамъ пріятнѣе, если она умретъ безвинной, замѣтилъ криве-кривейто.

— Ты все съ своими богами... А совѣсть то твоя, что тебѣ говоритъ?

— Она шепчетъ мнѣ: смерть Поятѣ!

— Вѣрю...

Въ это время къ бесѣдующимъ долетѣлъ гулъ дребезжавшаго колокола.

— Слышишь, Криве-кривейто, этотъ зловѣщій вой изъ гнѣзда хищныхъ ястребовъ? то звукъ колокола съ христіанской молельни литовскаго боярина Петра Гаштольда, пріютилъ онъ на своей груди змѣю, женился онъ на своей польской плѣнницѣ Аннѣ, по ея прихоти вѣру латинскую принялъ, выписалъ изъ Польши четырнадцать христіанскихъ жрецовъ, которыхъ называютъ монахами францисканами, они разными обольщеніями дѣйствуютъ на народъ и заставляютъ принимать латинство, искушеній много пускаютъ въ ходъ, рѣдкій молодой литвинъ устоитъ противъ такого обольщенія, вотъ туда бы тебѣ слѣдовало обратить свой гнѣвъ, а Поята въ этомъ случаѣ можетъ много намъ пользы принесть, — сказалъ Гонтвидъ.

— Чѣмъ? спросилъ Криве-кривейто.

— Она можетъ поднять весь народъ виленскій и въ одинъ

часъ стереть съ лица земли монаховъ и молельню Гаштольда. Въ одинъ мигъ будетъ уничтожено гнѣздо хищныхъ ястребовъ, а покончивъ съ ними, намъ нечего болѣе бояться.... говорилъ Гонтвидъ.

— Ахъ, Гонтвидъ! гдѣ же молодой дѣвицѣ исполнить такое дѣло! замѣтилъ Криве-кривейто.

— Въ ней найдется много силы, я прибавлю къ этой силѣ еще свою, и она сдѣлаетъ свое дѣло... Кромѣ ея никто не исполнитъ....

— Почему?

— Потому что она больше жизни своей любитъ Ягайлу, а на этой-то любви я и созидаю стѣнобитное орудіе, отъ ударовъ котораго распадется въ прахъ домъ Гаштольда и подъ развалинами своими похоронитъ тѣло жены Гаштольда Анны Лукавой... Теперь ты понимаешь меня?

— Нѣтъ, говори....

— Я скажу Поятѣ, что Ягайло цѣлые дни проводилъ у Анны жены Гаштольдовой, что она завлекла его въ свои хищныя когти, что онъ любитъ ее больше чѣмъ Пояту и что, пока жива Анна, Ягайлѣ не придется, скажу, жениться на тебѣ. Этого будетъ довольно, она сама станетъ во главѣ народа и первая бросится на гнѣздо ястребиное... народъ виленскій золъ на самаго Гаштольда, но болѣе на его жену и монаховъ. Давно онъ ждетъ того часа, въ который можно было бы истребить ихъ всѣхъ: часъ этотъ наступилъ...

— Но знаешь ли ты, Гонтвидъ, что Ольгердъ, по стараніямъ второй жены своей Іуліаніи тверской, давнымъ давно самъ сдѣлался христіаниномъ; — что почти весь дворъ его состоитъ изъ царедворцевъ христіанъ и что Гаштольдъ любимецъ Ольгерда; не даромъ онъ старшимъ воеводой сдѣлалъ его!... Такъ подумай, какъ сильно будетъ мщеніе Гаштольда, если народъ перебьетъ его монаховъ и жену. Вся вина падетъ на насъ и насъ первыхъ съ тобой сотрутъ съ лица земли... сказалъ Криве-кривейто.

— А знаешь ли ты,—перебилъ его Гонтвидъ,—что тѣ христіане, которыми наполненъ дворъ Ольгерда, сами ненавидятъ латинскую вѣру и Гаштольда за принятіе ея... христіане греческаго закона сами пристанутъ къ этому возстанію, оно будетъ общее, а тутъ нельзя будетъ доискаться, кто былъ правъ, кто виноватъ...

намъ нечего бояться, не мы начнемъ, не мы и кончимъ, народъ въ дѣлѣ, народъ и въ отвѣтѣ...

— Но какъ же ты соберешь народъ?..

— Зачѣмъ его собирать нарочно, когда онъ самъ долженъ будетъ собраться въ Ромнове черезъ три дня на праздникъ Вайжганта; пусть Поята, по праву первой красавицы, займетъ первое мѣсто на жертвенникѣ, во время великихъ праздричныхъ лелованій, и молитъ Перкуна о плодородіи льна.... тебѣ или мнѣ слѣдуетъ сказать народу рѣчь отъ лица боговъ и вооружить ею народъ противъ латинскихъ поганцевъ... Потомъ пусть Поята пойдетъ по обычаю на Лысую гору и съ народомъ, послѣ новыхъ молитвъ къ Перкунусу, съ крикомъ: смерть латинцамъ, поведетъ народъ на домъ Гаштольда..., въ толпу же народа можно будетъ пустить переодѣтыхъ вайделотовъ, пусть они возбуждаютъ народъ, и самый сильный врагъ нашъ падетъ во прахѣ, съ жаромъ говорилъ Гонтвидъ.

— А ты забылъ, Гонтвидъ, что здѣсь остался Андрей Ольгердовичъ и съ нимъ его дружина, составленная вся изъ христіанъ; ты забылъ, что половина Вильны заселена христіанами, у которыхъ есть свои церкви, есть свой жрецъ придворный, духовникъ Давидъ, его словъ слушаются христіане, ему повинуются латники, его боятся литовцы кривичанской вѣры, онъ не попустить совершиться тому, что ты думаешь, — по одному его слову дружина Андрея Ольгердовича бросится на толпу народа и защититъ домъ Гаштольда отъ нападеній...

— Ахъ, Криве-кривейто! ты ничего не знаешь въ христіанскихъ дѣлахъ, латинцы вездѣ огнемъ и мечемъ навязываютъ свою вѣру и думаютъ, что только въ ихъ латинской вѣрѣ спастись можно. Русскіе, также какъ и литовцы, ненавидятъ грабителей крестоносцевъ, ливонцевъ и тевтонцевъ, а монахи Гаштольда одной вѣры съ этими рыцарями. Повѣрь, что христіане первые бросятся на домъ Гаштольда.... Андрей Ольгердовичъ тоже не любитъ ихъ... Криве-кривейто, въ раздумьи, нерѣшительно развелъ руками.

— Ты не рѣшаешься,—продолжалъ Гонтвидъ? Такъ вспомни, что сказала Анна, жена Гаштольда о нашемъ Ромнове и о насъ всѣхъ.

— А что она сказала?

— Она поклялась, что не пройдетъ и года, какъ она уничтожитъ наше Ромнове, и на мѣсто его поставитъ латинскую божницу. Такъ неужели ты допустишь исполниться этому зловѣщему карканью?

— Нѣтъ, не допущу, закричалъ въ гнѣвѣ Криве-Кривейто: смерть ей, смерть!!... Дѣлай, Гонтвидъ, какъ мыслишь, я на тебя полагаюсь, только дѣлай такъ, чтобы никто не зналъ, что этимъ возстаніемъ управляла моя рука.

— Даже сама Поята не будетъ знать объ этомъ....

— Поята?... Поята!... прошепталъ Криве-Кривейто, вспомня о своемъ рѣшеніи. Гонтвидъ! ты дѣлай безъ нея...

— Безъ нея невозможно.

— Такъ и ненужно!... Поятѣ простить я не могу, и просить меня болѣе не смѣй....

— Такъ ты хочешь сдѣлаться жертвой хитрой польки и не хочешь воспользоваться спасеніемъ?..

— Черезъ это спасеніе мы скорѣе погибнемъ, Поятѣ извѣстны многія тайны наши, она выдастъ ихъ Ягайлѣ....

— Ну такъ губи же свою родную дочь: старый коршунъ, въ отчаяніи и гнѣвѣ сказалъ Гонтвидъ, вставая съ мѣста и намѣреваясь выйдти изъ покоя криве-кривейты.

— Постой, Гонтвидъ! я твой верховный жрецъ, отвѣчай мнѣ: ты сказалъ: губи же свою родную дочь,—развѣ она дочь моя?

— Да!

— Поята-дочь моя?!

— Да!

— Отъ кого?... Кто сказалъ тебѣ это?...

— Я говорю, что она дочь твоя, а кто сказалъ мнѣ объ этомъ, я до поры—до времени не скажу тебѣ...

— Я тебѣ приказываю именемъ Перкунуса....

— А я не слушаюсь ни тебя, ни твоего чурбана Перкунуса, сказалъ Гонтвидъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ двери.

— Постой, Гонтвидъ!.. Я склоняюсь на твою просьбу, и милую Пояту, только скажи мнѣ почему она дочь моя? Спросилъ Криве-Кривейто.

— Потому, что ты отецъ ея, отвѣчалъ Гонтвидъ. До времени я умолчу о ея матери, а отца ты, знаешь хорошо; взгляни только на ея лицо, и ты сейчасъ замѣтишь сходство ея съ тобой;

ты вѣдь прежде былъ красавецъ.... дозволь, я приведу ее, и тогда ты можешь провѣрить слова мои.... гдѣ она заключена?

— Въ подземномъ ходѣ, подъ жертвенникомъ.... ступай, приведи ее скорѣй.... скажи, что боги велѣли мнѣ простить ее ... ахъ, Гонтвидъ! что ты сдѣлалъ съ моимъ сердцемъ?... Цѣлая буря въ немъ.... Поята дочь моя, о боги!... найденышъ на Лысой горѣ— моя дочь!... и я до сихъ поръ не зналъ этого,—говорилъ отрывисто Криве-кривейто. Ступай, Гонтвидъ, веди ее скорѣй ко мнѣ... Я ей признаюсь, что отецъ ея я... пусть знаетъ, что она дочь Криве-Кривейты....

— Нѣтъ, этого ты пока ей не говори.... А то я отрекусь отъ своихъ словъ.

— Веди ее... веди!.. я не знаю, что со мной дѣлается. Скорѣй, Гонтвидъ, скорѣй...

— Давно бы такъ! Вотъ теперь и богамъ любо и мнѣ весело. Вели пока приготовить кружку сладкой романеи, я выпью, возвратясь сюда съ Поятой, за здоровье твоей дочери, — сказалъ Гонтвидъ, поспѣшно удаляясь изъ комнаты.

С. Калугинъ.

(Продолженіе впредь).

СКИТАЛЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ

(Картины изъ еврейскаго быта.)

РЕБЕ ЦОДИКЪ ПЛУТОВСКІЙ.

Въ городѣ Н., населенномъ по большей части чтителями Моисеева закона, жилъ нѣкогда купецъ-еврей, торговавшій сукномъ. Въ молодости онъ находился на посылкахъ у одного купца, потомъ послѣдній, замѣтивъ въ немъ весьма ловкаго и проворнаго малого, сдѣлалъ повѣреннымъ по торговымъ дѣламъ въ Лейпцигѣ и, наконецъ, когда его принципалъ преставился, Пл. самъ открылъ торговлю сукномъ и, немного спустя, жители г. Н. могли уже убѣдиться, по богатой обстановкѣ и роскошной жизни Пл., что

онъ-одинъ изъ первостатейныхъ еврейскихъ богачей. Въ городѣ носились темные слухи насчетъ внезапнаго обогащенія Пл., поговаривали, что не цѣною труда пріобрѣлъ онъ себѣ такое состояніе, а какимъ то темнымъ путемъ; но онъ весьма ловко обдѣлалъ свое дѣло и такъ хоронилъ концы, что всѣ эти толки и пересуды злыхъ языковъ не имѣли никакихъ послѣдствій. Штука, которую Пл. выкинулъ при этомъ и теперь еще оправдывается еврейскими купцами аферистами и она носитъ даже на ихъ языкѣ почетное названіе «по купечески», выраженіе, равнозначущее «честному, справедливому». Дѣло состоитъ въ томъ, что одинъ позволяетъ себѣ банкрутировать насчетъ другаго, особенно умершаго. Надобно вамъ знать, что Пл., какъ повѣренный купца, прославившагося безукоризненною честностью въ продолженіи весьма долгаго времени, пользовался у лейпцигскихъ фабрикантовъ, безусловнымъ кредитомъ. И вотъ лишь только Пл. узналъ о смерти своего принципала, какъ онъ, долго не думая, взялъ на счетъ покойнаго весьма порядочную партію, которую немедленно и отправилъ по адресу своей жены, распустилъ слухъ, что его хозяинъ оказался несостоятельнымъ и прекратилъ торговыя сношенія съ Лейпцигомъ. Наслѣдники мнимаго банкрута, которые были принуждены прекратить наслѣдованную ими торговлю, не знали, конечно, объ этой продѣлкѣ, долгое время тягались они съ нѣмцами и наконецъ, утомленные долгою тяжбою, обѣ враждовавшія стороны согласились на мировую съ тѣмъ однако, чтобы первые выплатили послѣднимъ двадцать процентовъ.

Какими тамъ средствами Пл. ни успѣлъ составить себѣ капиталъ, довольно, что онъ теперь богатъ. Кто пріобрѣтаетъ однажды богатство, тотъ пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и честность, и знатность, и мудрость—и проч. Непростительнымъ грѣхомъ было бы даже заподозривать такого человѣка въ томъ, что онъ руководствовался когда нибудь въ жизни нечестными правилами, особенно, если онъ ведетъ теперь набожно-религіозную жизнь, если онъ бываетъ прекраснымъ исполнителемъ религіозныхъ обрядовъ («мегадеръ бемицвотъ») подобно нашему П-му. Такъ, напримѣръ, по субботнымъ и праздничнымъ днямъ, когда въ синагогѣ продавались аліи *) съ публичнаго торга, ни одному изъ богачей го-

*) Приглашеніе къ чтенію отдѣла изъ пятикнижія. На эти аліи производятся торги и всѣ покупатели приглашаются по порядку.

рода Н. никогда не удавалось покупать ту алію, которую Пл. хотѣлъ удержать за собою, потому, что выдержать состязаніе съ нимъ никто изъ богачей не былъ въ состояніи. Продаваемая тоже съ торга молитва «ата іерета» *) была всегда его достояніемъ. Ни одно райское яблоко **) въ городѣ Н. не могло сравняться съ яблокомъ Пл. въ величинѣ, красотѣ слѣдовательно, и въ стоимосли, и не одинъ меламедъ тогоже города не имѣлъ такого объемистаго брюха, какъ меламедъ Пл. Его субботы и праздники славились въ цѣломъ городѣ Н: пиры, которые онъ давалъ по случаю совершенія обряда обрѣзанія надъ его новорожденными мужескаго пола, стоили другихъ свадьбъ; а свадебные пиры его дѣтей продолжались до тѣхъ поръ, пока молодыя замужнія не увидѣли себя въ родахъ. Пл. очень везло и въ составленіи выгодныхъ партій для своихъ дѣтей. У него были три сына и одна дочь. Сыновей онъ сочеталъ съ дочерьми весьма знатнаго (раввинскаго) происхожденія; а для дочери нашелъ жениха пресловутаго талмудиста—софиста («илуй»). Въ отношеніи къ своему обществу Пл. тоже не ударилъ лицемъ въ грязь: онъ былъ главнымъ вкладчикомъ, когда составлялись складчины для покрытія издержекъ по общественнымъ нуждамъ.

Синагогальные служки, канторы, море-герое и всѣ другіе, извѣстные у евреевъ подъ позваніемъ «священныхъ утварей» (клекодешъ) живились насчетъ parvenu, какъ никогда не живились въ домахъ старыхъ, столбовыхъ богачей города Н. Но Пл. соединялъ еще съ богатствомъ и власть въ своемъ городѣ. Онъ успѣвалъ всегда въ своихъ предпріятіяхъ. И нечему удивляться; ибо богатство облагораживаетъ самый порокъ: то качество, напр., которое въ бѣдномъ человѣкѣ клеймятъ именемъ дерзости, въ человѣкѣ богатомъ именуютъ мужествомъ, сознаніемъ своего достоинства. Качество, которое чествуютъ въ первомъ названіемъ клеветы, во второмъ называютъ только критикою, знаніемъ людей; наконецъ порокъ, носящій у бѣднаго названіе грабежа, у богатаго—сила, власть.

Не менѣе самаго Пл. и жена его пользовалась въ городѣ доб-

---

*) Доходы выручаемые какъ отъ аліой, такъ и отъ молитвы идутъ въ пользу синагоги.

** Оно употребляется евреями при молитвѣ въ первые семь дней праздника скинопигіи.

рою репутаціею и уваженіемъ. Она отлично вела торговлю своего мужа. Объясняясь отлично на мѣстномъ языкѣ, она состояла въ милости у всѣхъ помѣщиковъ всего околотка; при томъ же она была женщиною весьма красивою. Нравственныя качества тоже украшали ея характеръ: она играла роль набожной еврейки. Такъ напримѣръ, въ ея домѣ, на канунѣ субботы, зажигались свѣчки раньше, а въ исходѣ субботы позже чѣмъ во всѣхъ прочихъ еврейскихъ домахъ города Н. Со всѣхъ еврейскихъ домовъ этого города взятыхъ въ совокупности, море-героямъ не приходилось разрѣшать столько вопросовъ по религіознымъ обрядамъ кошеръ и трефъ въ теченіи цѣлаго года, сколько изъ одного ея дома въ продолженіе одной недѣли. Съ своимъ мужемъ она жила какъ пара голубей. Да и могло-ли быть иначе? Сбытъ товаровъ былъ громадный, кредитъ весьма великъ, словомъ, ихъ счастье достигло своего апогея. Самые знатные мѣстные гранды считали честью носить платья изъ сукна, купленнаго въ лавкѣ Пл., каждый молодой ловеласъ имѣлъ уже чѣмъ похвастаться, если ему удалось маленько побесѣдовать съ прекрасною Рейзе-Лея (такъ звали жену Пл.) часикъ одинъ-другой, или выпить у нея чашку кофе. Словомъ, слава ея гремѣла, какъ между евреями, такъ и между христіанами; она пріобрѣла ее своимъ умомъ, красотою и необыкновенною сметливостью. Даже умные люди болѣе завидовали Пл. за его жену, чѣмъ за его богатство.

Счастіе измѣнило.

Небо не всегда, однако, ясно. Послѣ прекраснаго лѣта не рѣдко наступаетъ самая ненастная осень; за веселою молодостью слѣдуетъ угрюмая старость; блаженныя времена смѣняются временами плохими. Это послѣднее, особенно такъ рѣзко выдается у насъ, у евреевъ, у которыхъ нѣтъ богатства естественнаго въ собственномъ смыслѣ этого слова. Еврей богатъ только, пока онъ лихорадочно дѣятеленъ и постоянно озабоченъ, какъ муравей въ своемъ муравейникѣ. Тогда, правда, въ его сундукахъ переливается золото, какъ молоко въ горшкѣ, отъ слишкомъ сильнаго огня. Но какъ только дѣла его теряютъ свой обычный ходъ и начинаютъ хромать, тогда прощай богатство. И все это отъ того, что еврей ведетъ свою торговлю и свой домъ рисково, безъ всякаго контроля и порядка. Онъ проживаетъ иногда гораздо боль-

ше, чѣмъ позволяютъ доходы. Не удивительно, что и Пл. вышло не лучше, чѣмъ сотнямъ ему подобныхъ. Еще не дожилъ онъ и до пятидесяти лѣтъ, какъ уже прошелъ всѣ четыре классы состоянія, которые обыкновенно замѣчаютъ у евреевъ, и получилъ отъ невѣрнаго счастья чистую отставку. Страшная бѣдность со всѣми ея ужасами постигла его. Этотъ переворотъ совершился, впрочемъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ; а особенно вслѣдствіе того, что въ городѣ открыли торговлю сукномъ и другіе купцы новаго покроя. Эти люди были народъ молодой, образованный, изучившій все нужное для веденія правильной коммерціи, какъ то: языки, письмо, бухгалтерію и проч. Они сами ѣздили въ тѣ мѣста, гдѣ предметы ихъ торговли дешевле и лучше, вели жизнь скромную, не дѣлая излишнихъ расходовъ. При томъ, жена Пл., Рейзе-Лея немного постарѣла и перестала блистать, какъ прежде, своей красотою: она уже не имѣла ни охоты, ни досуга заниматься собой и своимъ туалетомъ, да и самая красота ея начинала исчезать, ибо еврейка вообще отцвѣтаетъ весьма рано, и послѣ сорока лѣтъ считается какъ-бы отпѣтою. Тогда какъ прежде ея прекрасное личико привлекало въ лавку покупателей, теперь, напротивъ, ея поблекшее лицо только вредило ея интересамъ. Обороты торговли не достигли и десятой доли прежняго баланса.

Домашняя обстановка П-скихъ тоже служила одною изъ главныхъ причинъ ихъ разоренія: расходы по семейству возрастали съ каждымъ днемъ. Всѣ три пары, съ своими многочисленными семействами жили на ихъ хлѣбахъ; они то и дѣло плодились и хворали на ихъ счетъ. Скоро семейство Пл. возрасла до пятнадцати членовъ, которые привыкли къ праздной и роскошной жизни. Къ тому еще не бывало почти дня, въ который не являлись къ нимъ за вспомоществованіемъ, сказывавшіеся родными и вносившіе съ собою въ ихъ домъ новую долю бѣдности и нищеты. Эти незванные гости доконали П-скихъ, ибо никогда не упускали случая выжимать, такъ сказать, послѣдній сокъ изъ парализованной уже торговли, т. е. опускать въ свой карманъ каждую копѣйку, которую имъ удавалось стянуть. Несмотря на то, что Пл. смотрѣлъ на все это съ досадой и негодованіемъ, онъ не могъ однако пособить горю. Выжить изъ дома этотъ родственный пролетаріатъ не было никакой возможности; онъ долженъ былъ волей-неволей мол-

чать и смотрѣть сквозь пальцы на все то, что происходило въ кругу семейства, чтобы не подрывать своего кредита и не лишиться славы богача и, что важнѣе всего, чтобы не повредить партіи, которой искалъ для своей единственной дочери. Ибо послѣдняя, проживъ лѣтъ десять за родительскимъ столомъ со своимъ пресловутымъ мужемъ, принуждена была развестись съ нимъ, подаривъ своему отцу трехъ дѣтей въ знакъ вѣчной памяти отъ своей первой супружеской жизни.

Когда Пл. увидѣлъ, что обстоятельства его принимаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угрожающій видъ, и что, сегодня или завтра, заимодавцы его нахлынутъ на него со всѣхъ сторонъ, онъ удалился на нѣсколько недѣль къ своему шурину, жившему въ пятнадцати верстахъ отъ города Н. Между тѣмъ въ отсутствіи его совершилось одно обстоятельство, которое нѣсколько выпутало его изъ затруднительнаго положенія. Въ его домѣ вспыхнулъ пожаръ, который истребилъ всѣ его пустые магазины и пустопорожную лавку. Это обстоятельство зажало ротъ у всѣхъ его недалекихъ кредиторовъ; послѣдніе не только перестали безпокоить несчастнаго погорѣльца, но даже возымѣли къ нему сожалѣніе.

Въ простотѣ сердца, они думали, что все его состояніе, дѣйствительно, сдѣлалось жертвою огня; заподозрить его въ умышленномъ поджогѣ ни у кого не хватало духа, въ виду его прекраснаго прошлаго. Теперь оправдалась надъ нимъ старая поговорка «какъ прижито такъ и прожито». Безчестьемъ онъ пріобрѣлъ свое богатство, безчестьемъ онъ и удержалъ свое честное имя.

Впрочемъ мы, не станемъ доискиваться причинъ пожара Пл. Для насъ рѣшительно все равно, произошелъ-ли онъ случайнымъ образомъ, или вслѣдствіе предвзятыхъ мѣръ, дѣло въ томъ, что Пл—му онъ служилъ какъ нельзя больше. Послѣ этого онъ могъ сказать всему міру, что разорился дотла, оставаясь въ тоже время при своей доброй репутаціи. На самомъ-то дѣлѣ бѣдность посѣтила его уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Настоящая коммерція давно уже уступила мѣсто лихорадочному торгашеству и хотя въ его домѣ, повидимому, все обстояло хорошо, на богатой ногѣ; но это было только для вида, чтобы людямъ пустить пыль въ глаза. Ему самому было его замаскированное положеніе невыносимо и несносно, потому, что онъ долженъ былъ напрягать свои силы до по-

слѣдней степени, какъ человѣкъ, который плаваетъ по мелкю водью. Теперь только, послѣ описаннаго несчастья, онъ могъ свободно вздохнуть, съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе сбрасывалъ съ себя тяжелыя цѣпи. Прежде всего онъ старался уменьшить число своихъ домочадцевъ и вслѣдъ затѣмъ нанялъ весьма малую и тѣсную квартиру, началъ ѣсть что Богъ послалъ и, по истеченіи короткаго времени, нельзя было даже его узнать. Онъ смотрѣлъ какъ настоящій exбогачъ: такъ, напр., онъ ходилъ въ дамасковомъ потертомъ халатѣ и старыхъ изодранныхъ башмакахъ, носилъ драгоцѣнную трость, съ серебряннымъ набалдашникомъ, и нюхалъ изъ табакерки изъ березовой коры. По субботнымъ днямъ носилъ на головѣ шапку со собольимъ околышемъ и бархатнымъ истертымъ верхомъ, тоже остатокъ добраго, стараго времени. Въ своихъ разговорахъ, онъ, то и дѣло, припоминалъ, кстати и не кстати, о своемъ прежнемъ богатствѣ.

Но болѣе всего огорчало Пл. безвыходное положеніе его дѣтей, которыя переполнили чашу его бѣдствій. Онъ воспитывалъ ихъ весьма дурно или лучше не далъ имъ никакого воспитанія. Не учившись въ молодости рѣшительно ничему, они не были въ состояніи заработывать для своихъ семействъ даже насущный кусокъ хлѣба. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и они похватились теперь каждый за то, что кому попало: одинъ сдѣлался шинкаремъ, другой открылъ мелочную лавочку съѣстными припасами, дочь его сдѣлалась факторкою; всѣ же они жили въ крайней нуждѣ.

Что касается стариковъ, то они жили кое-какъ на кое-что оставшееся и залежавшееся отъ добрыхъ старыхъ годовъ: то выручая старый долгъ, то продавая драгоцѣнную вещицу. Къ тому еще они имѣли поддержку со стороны общества города Н., которое, изъ уваженія къ ихъ прежнему состоянію и страданія къ теперешней ихъ участи, позаботилось о томъ, чтобы они имѣли кредитъ на суконныхъ фабрикахъ и возобновляли свою торговлю. Но все напрасно, не везло и только. Счастіе все равно, что дикая птица, влетаетъ оно въ домъ нежданно, негаданно и, погостивъ въ немъ извѣстное время, оставляетъ его своенравно и тогда уже вѣкъ не увидишь его болѣе. Не прошло и года, какъ старики принуждены были закрыть свою лавку и погрязли въ безвыходную бѣдность и нищету. Одинъ изъ знакомыхъ Пл. хотѣлъ было, прав-

да, взять его къ себѣ въ лавку въ служители; но скоро убѣдился, что Пл. не можетъ быть ему полезнымъ, потому, что послѣдній привыкъ только приказывать, а не повиноваться. Словомъ, Пл. пришлось, какъ говорится хоть изъ моста да въ воду. Онъ не видѣлъ предъ собою другаго выхода какъ только пуститься по міру искать приключеній. При томъ же онъ надѣялся встрѣтиться на дорогѣ съ знакомыми фабрикантами, съ знакомыми помѣщиками и получить отъ нихъ подаяніе. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи женѣ, которая одобрила его. Она убѣдилась, что здѣсь-въ городѣ имъ ничего не предстоитъ въ перспективѣ. Сказано, сдѣлано. Но прежде чѣмъ проводимъ г. Пл. изъ города, мы должны еще познакомить читателя съ тогдашнимъ равниномъ города Н.

Рабби Шмелькe *], раввинъ города Н.

Въ то время, когда происходилъ нашъ разсказъ, равниномъ города Н. былъ великій рабби Шмелькe-блаженныя памяти. Этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гаоновъ и набожнѣйшихъ людей тогдашняго времени. Онъ былъ одаренъ весьма здравымъ умомъ, яснымъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, вслѣдствіе чего къ нему обращались всегда за совѣтами не только жители города Н., но и изъ другихъ близкихъ и далекихъ мѣстностей. Рабби Ш. не ограничивался знаніемъ исключительно еврейскаго міра, но интересовался и общечеловѣческими науками и былъ весьма свѣдущъ въ дѣлахъ политическихъ. Слава его гремѣла въ цѣломъ краѣ; жители города Н. боготворили его и рѣшительно ничего не дѣлали безъ его согласія. Само собою разумѣется, что представители города Н. неоднократно заводили рѣчь со своимъ равниномъ объ этомъ ех-богачѣ; но, къ крайнему ихъ удивленію, онъ всякій разъ перебивалъ слова ихъ и отклонялъ разговоръ къ другому предмету. Не трудно было догадаться, что рабби Ш. не расположенъ былъ къ Пл. Случилось однажды, что представители города Н. хотѣли выбрать реббъ Цодека въ повѣренные по общественнымъ суммамъ; но рабби воспротивился этому выбору, сказавъ, что на основаніи государственныхъ законовъ воспрещается ввѣрять общественныя деньги человѣку о-

*) Окончаніе на кое означаетъ имя ласкательное, которое придается евреями личностямъ ими любимымъ и уважаемымъ.

банкрутившемуся. Такъ онъ не допускалъ его и къ другимъ должностямъ, которыя вліятельныя лица города Н. хотѣли поручить Пл.; ибо этотъ гаонъ смотрѣлъ на все происходившее вокругъ него вполнѣ яснымъ взглядомъ и, безъ сомнѣнія, зналъ Пл. какъ своихъ пять пальцевъ. Вообще этотъ рабби не судилъ о характерѣ людей по ихъ поступкамъ, вызываемымъ нерѣдко тайными и побудительными причинами, а по нравственнымъ ихъ качествамъ, и уважалъ въ нихъ болѣе всего доброе и благородное сердце, поэтому весьма рѣдко онъ могъ вполнѣ одобрить поведеніе человѣка; онъ поставилъ себѣ правиломъ никогда не печатать своихъ аппробацій на сочиненіяхъ по части талмуда, поднесенныхъ ему ихъ авторами, которые просили его рекомендовать ихъ умственный трудъ предъ еврейскимъ ученымъ міромъ.

Еще менѣе онъ одобрялъ поступокъ раввиновъ, которые, будучи движимы ложнымъ чувствомъ состраданія, выдаютъ просящимъ милостыню рекомендательныя письма слѣдующаго содержанія: «владѣльцы сего безукоризненные бѣдные, просящіе подаянія на порогахъ благородныхъ суть люди честные, лишившіеся своего состоянія, почему и слѣдуетъ покровительствовать ихъ и щедро надѣлять ихъ милостынею.» Онъ былъ увѣренъ, что такія письма приносятъ народу только вредъ, поощряютъ праздность и нищенство и что люди, добивающіеся такихъ рекомендательныхъ писемъ, большею частью сами виновны въ своемъ несчастіи. Не дорожа своей собственной честью, какъ можно ожидать, чтобъ они дорожили честью того раввина, который свидѣтельствуетъ о ихъ честности? Нѣтъ такого порока, котораго они не отвѣдали во время своихъ странствованій, и добрая слава ихъ протектора отъ того пострадаетъ.

Такое рекомендательное письмо хотѣлось Пл. получить отъ знаменитаго раввина города Н. Но, будучи убѣжденъ, что раввинъ ни за какія блага въ мірѣ не выдастъ ему такого письма, онъ старался дѣйствовать на него посредствомъ представителей города Н. По его просьбѣ, послѣдніе составили убѣдительнѣйшее письмо, въ родѣ воззванія, ко всѣмъ еврейскимъ богачамъ и засвидѣтельствовали въ немъ о томъ, что еще недавно Пл. былъ однимъ изъ первоклассныхъ купцовъ и что вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, онъ раззорился и попался въ бѣдственное положеніе и потому просятъ всѣхъ и каждаго помочь ему чѣмъ возмож-

ю. П-скій надѣялся, что и рабби, изъ уваженія къ личностямъ, которыя покрыли своими подписями это воззваніе, удостоитъ послѣднее своею подписью. На этотъ разъ онъ, однакожъ, обманулся въ своихъ надеждахъ. Не смотря на то, что ему удалось склонить представителей общества въ свою пользу, не такъ легко было справиться съ рабби. «Я до сихъ поръ этого не дѣлалъ, сказалъ онъ,» «и впередь останусь вѣрнымъ моимъ правиламъ».

Всѣ просьбы и старанія были напрасны; не помогли и просьбы жены Пл., которая со слезами просила жену раввина, чтобы она убѣдила своего мужа руку приложить къ этому письму. Рабби оставался при роковомъ «нѣтъ», и только. Но П-скіе не унывали: они настроили всѣхъ вліятельныхъ лицъ города, какъ изъ евреевъ, такъ и изъ христіанъ и не давали рабби покоя. Самъ начальникъ того города пожаловалъ къ рабби для ходатайствованія въ пользу Пл. «Нельзя его сравнивать съ другими обѣднѣвшими», сказалъ онъ раббы, ибо въ продолженіе многихъ годовъ, онъ оказывалъ нашему городу весьма важныя услуги: не онъ-ли дѣлалъ многократно большія пожертвованія въ пользу общества благотворительности? Не онъ-ли безкорыстно интересовался общественными «дѣлами? Слѣдовательно, весьма несправедливо было-бы, отказать «ему въ помощи, когда онъ находится въ такомъ безвыходномъ «положеніи, тѣмъ болѣе, что не Богъ вѣсть, чего Пл. требуетъ «отъ васъ, а такой ничтожной услуги. А между тѣмъ вы осчаст«ливите его на всю жизнь. Я ручаюсь за этого человѣка; вы «не будете краснѣть изъ-за него и можете смѣло довѣрить ему ва«шу подпись, которая сослужитъ ему большую услугу, потому, что «онъ будетъ первымъ, который удостоился вашей рекомендаціи.»

Слова начальника не могли не произвести своего дѣйствія, ибо онъ былъ въ городѣ всѣми уважаемъ и любимъ. Къ тому же въ его рукахъ находились самые важные интересы города. Рабби сталъ мягче, «ради васъ», сказалъ послѣдній, только ради васъ я удовлетворю его просьбѣ. Пусть онъ повидается со мною. Не скрою отъ васъ, что я сперва попробую отсовѣтовать ему эту мѣру къ обогащенію; если же не успѣю въ своемъ желаніи, тогда я не буду ему препятствовать, по данному вамъ слову, хотя, признаться, не хотѣлось бы мнѣ отступить отъ своихъ правилъ. Поблагодаривъ за обѣщаніе, начальникъ простился съ рабби.

На слѣдующій день, послѣ свиданія начальника съ рабби, въ

домѣ послѣдняго уже находился ребъ-Цодекъ Пл Рабби принялъ его весьма ласково и попросилъ къ себѣ въ кабинетъ... Слушайте, ребъ-Цодекъ сказалъ рабби, вы успѣли выхлопотать у меня посредствомъ извѣстнаго вамъ лица, то, что до сихъ поръ никому не удалось. Прошу васъ только вести себя прекрасно въ дорогѣ. Не заставьте меня раскаиваться въ моемъ поступкѣ. Но я вамъ совѣтую какъ другъ, лучше оставайтесь дома; надѣйтесь на Бога, онъ помилуетъ васъ, настанутъ лучшія времена, все перемелется мука будетъ. Ступайте лучше въ маклеры у купцовъ и т. п. Только, ради Бога, избѣгайте выпрошеннаго хлѣба. Я долженъ вамъ сказать, что вы соберете моимъ письмомъ много денегъ, но не ожидайте, чтобъ онѣ пошли вамъ впрокъ: вы останетесь нищимъ на всю жизнь; васъ будетъ тянуть къ нищенской профессіи. Кто однажды отвѣдаетъ дароваго хлѣба, тотъ не чувствуетъ никакого удовольствія отъ трудовой копѣйки; копѣйка доставшаяся даромъ слаще заработаннаго рубля. Вотъ, что пишетъ мудрый Бенъ - Сиро въ своей книгѣ (глава 40): «Старайся, сынъ мой, избѣгать гнуснаго нищенскаго хлѣба; ибо смерть гораздо лучше его; тому жизнь не въ жизнь, кто ѣстъ чужой хлѣбъ.» Далѣе говоритъ: «тотъ унижаетъ себя, кто пользуется даровымъ столомъ, человѣкъ, чувствующій свое достоинство, пренебрегаетъ такимъ хлѣбомъ, онъ можетъ быть вкусенъ только для того, кто не знаетъ стыда». Что вы отвѣтите на эти мудрыя слова? Послушайтесь моего совѣта и оставайтесь дома, васъ и здѣсь не оставятъ, не таскайтесь по міру.

«Драгоцѣннѣйшій рабби», отвѣчалъ ребъ-Цодекъ Пл.», если вы такъ преенбрегаете бѣдными, то вы хотите искоренять изъ нашей среды заповѣдь состраданія къ бѣднымъ.»

«Другъ мой», отвѣчалъ рабби, вы не понимаете меня; вѣдь, согласитесь, что посѣщать больныхъ такая-же обязанность, какъ и подавать милостыню, и не смотря на то мы все таки стараемся по возможности вылѣчивать больныхъ. А если мы всѣ будемъ здоровы, то не будемъ въ состояніи исполнять обязанность о посѣщеніи больныхъ. Но дѣло въ томъ: если нашъ ближній случайно постигнутъ несчастіемъ или одержимъ недугомъ, то мы должны по обязанности поспѣшать къ нему на помощь. Но кто накликаетъ на себя бѣдствіе легкомысленною и безразсудною жизнью, тотъ не имѣетъ такого права на наше состраданіе, какъ первый; всегда

найдутся люди, действительно заслуживающіе участіе въ ихъ горькой судьбѣ.»

«И такъ, рабби,» возразилъ ребъ Пл.», по вашему выходитъ, что моя бѣдность есть слѣдствіе порочной жизни? Весь городъ, и вы сами, кажется, знаете, что я велъ себя не хуже самыхъ лучшихъ людей. Не я ли давалъ милостыню, сужалъ нуждающихся, не я ли щедро платилъ за аліи, не я ли, наконецъ, держалъ въ домѣ знатныхъ меламдовъ? и т. д.»

«Слушайте, любезнѣйшій,» отвѣчалъ рабби, мы здѣсь только вдвоемъ, какъ говорятъ, на четыре глаза, поэтому я могу быть откровененъ: ваше прежнее поведеніе рѣшительно мнѣ не нравится. Я не могу одобрять ни скораго вашего обогащенія, ни внезапнаго обѣднѣнія. Вы объявляете притязаніе на чужую помощь, потому что вы обѣднѣвшій богачъ? Знаете, что вашимъ поступкомъ вы напоминаете того рядоваго, который самъ сдѣлалъ себя генераломъ: одѣлся въ генеральскій мундиръ, обвѣшалъ себя орденами, а когда узнали его обманъ и наказывали по закону, онъ сталъ жаловаться, что съ нимъ поступаютъ хуже, чѣмъ съ простымъ солдатомъ и не имѣютъ уваженія къ бывшему генералу. Вы сами, мой другъ, а не Богъ, какъ мы знаемъ, сдѣлали себя богачемъ, и вы сами причиною вашей бѣдности. Вы вели жизнь безъ всякихъ экономическихъ соображеній и всегда руководствовались только чувствомъ гордости, какъ знаете. Теперь вы чествуете себя обѣднѣвшимъ богачемъ и простираете претензію къ цѣлому міру. Вы хотите собирать пожертвованія и сдѣлать меня пружиною вашего предпріятія. Довольно, я не хочу болѣе вдаваться съ вами въ диспуты, я дамъ вамъ мою подпись; но не изъ сожалѣнія къ вамъ, а изъ уваженія къ особѣ, во власти котораго наши интересы. Во всякомъ случаѣ, употребивъ его орудіемъ своихъ видовъ, вы поступили весьма нечестно. Пусть будетъ такъ.» При этихъ словахъ онъ взялъ и подписалъ письмо.

Странствованіе Пл. по міру.

Немедленно по полученіи рекомендательнаго письма, этого, ни на чье имя не адресованнаго перевода, р. Подекъ пустился въ путь-дорогу. Само собою разумѣется, что онъ переодѣлся въ одежду, которая сообщила ему видъ человѣка набожнаго. Въ своемъ новомъ нарядѣ онъ напомнилъ мѣдный, но посеребряный подсвѣч-

никъ, съ котораго время стерло серебряную оболочку, оставивъ только тамъ и сямъ серебряныя пятна. Такъ, напримѣръ, онъ носилъ дорогую рубашку и коротенькій кафтанъ; съ верху былъ покрытъ истертою шубою изъ драгоцѣнной рухляди и имѣлъ при себѣ серебряную табакерку, на которой было вырѣзано его имя. Послѣднюю онъ вымолилъ со слезами на глазахъ у своего заимодавца, у котораго она находилась подъ залогомъ. Всѣ эти вещи, свидѣтельствовавшія о богатствѣ, которымъ владѣлъ Пл. въ прежніе годы, какъ нельзя лучше шли къ его теперешней роли. Ѣздилъ онъ весьма медленно, ни на минуту не забывая цѣли своего странствованія. Скоро онъ могъ уже убѣдиться, что не даромъ столько хлопоталъ о полученіи рекомендаціи отъ рабби Ш., и что его предпріятіе обдумано имъ весьма практически: вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, благодаря подписи рабби, былъ принимаемъ съ большимъ почетомъ и вниманіемъ. Не съ пятью-шестью рублями, т. е. считавшеюся весьма приличною милостынею для другихъ нищихъ его класса, Пл. оставлялъ мѣста посѣщаемыя; изъ каждаго города, гдѣ ему приводилось нищенствовать, онъ выносилъ по двадцати, тридцати и больше червонцевъ. Эти деньги были выдаваемы ему изъ суммъ общественныхъ, по предварительнымъ совѣщаніямъ еврейскихъ старшинъ тѣхъ городовъ. Но кромѣ того многіе изъ состоятельныхъ лицъ приглашали нашего туриста на обѣды съ цѣлью расспрашивать его объ образѣ жизни и обычаяхъ знаменитаго рабби Ш. Само собою разумѣется, что ребъ Цодекъ не былъ отъ этого въ накладѣ. Подаркамъ и пожертвованіямъ не было счета. Короче сказать Пл. во время своихъ странствованій былъ тоже что цадикъ, объѣзжающій свое хасидическое царство для собиранія дани отъ своихъ поклонниковъ. Въ продолженіи одного года онъ такъ подобрѣлъ, такъ потолстѣлъ, что нельзя было узнать его, онъ дѣлался гора-горой и сколотилъ капиталъ въ тысячу червонцевъ, кромѣ подарковъ.

Продолжая такимъ образомъ болѣе и болѣе удаляться отъ домашняго очага, онъ исходилъ вдоль и поперегъ разстояніе около ста пяти десяти верстъ и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Капиталъ его росъ, какъ грибы послѣ дождя. «Ну», сказалъ Пл., наконецъ, когда мошна его была уже туго набита: «пора вернуться во свояси. Дома опять заложу торговлю и надѣюсь доказать рабби

на дѣлѣ, какъ неосновательно было его мнѣніе «будто тотъ остается нищимъ на всю жизнь, кто разъ попробуетъ даровaго хлѣба». Съ этою мыслью Пл. пустился въ обратный путь, не бросивъ, однакожь, своей нищенской профессіи.

Ораторъ.

Время, въ которое происходилъ нашъ разсказъ, было нѣсколько отлично отъ времени, въ которое живемъ теперь. Земля не была еще покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Почты были мало устроены. Дороги находились въ довольно жалкомъ положеніи. Не удивительно, поэтому, что на того, кто пріѣзжалъ изъ за— какихъ либо пятидесяти верстъ, смотрѣли какъ на прибывшаго изъ за три девяти земель. Такой человѣкъ могъ давать волю своей прихотливой фантазіи сколько ему угодно, — разсказывать чудовищныя сказки и баснословныя легенды. Въ вѣрующихъ не было недостатка: все принималось за чистую монету. Нечего уже и говорить о человѣкѣ, который дѣйствительно прибылъ изъ прекраснаго—далека, или о томъ кто странствовалъ по святымъ мѣстамъ. Этимъ объясняется, почему въ то время, то и дѣло, распространялись въ еврейской средѣ повѣсти о великихъ чудесахъ въ родѣ слѣдующихъ: есть мѣста, гдѣ птицы ростутъ на деревьяхъ, гдѣ люди ростомъ менѣе четверти аршина, тогда какъ въ другихъ мѣстахь люди выше самыхъ гигантскихъ деревьевъ, имѣютъ только одинъ глазъ во лбу. Странники, возвратившіеся изъ земли Ханаанской, разсказывали, что 9-го Аба 1) западная стѣна храма испускаетъ изъ себя кровавыя слезы, и, что если въ Хевронѣ недостаетъ одного до десяти, т. е. до узаконеннаго числа десяти, необходимыхъ для совершенія молитвы, то изъ пещеры Махпела выходитъ одинъ и дополняетъ собою нужное количество; что въ Цефатѣ всѣ черные пѣтухи въ одну ночь превратились въ бѣлыхъ и т. п. миѳическіе разсказы, порожденные дикою фантазіей. Разнощиками этихъ нелѣпыхъ сказокъ были всякаго рода нищіе, число которыхъ было тогда несравненно больше, чѣмъ въ наше время. Эта нищенская ватага распадалась на разные классы. Къ первому принадлежали всякаго рода бродяги, шатавшіеся съ своими семействами, женами и дѣтьми. Оборванные, нагіе,

1) Мѣсяцъ, соотвѣтствующій августу.

босые, въ лохмотьяхъ и рубищахъ Любима Тарцова, въ числѣ сорока, пятидесяти, влачились они изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и наводняли собою всѣ еврейскія гостинницы и корчмы. Чуждые всякихъ нравственныхъ правилъ, не зная ни приличія, ни стыда, эти люди позволяли себѣ все; для нихъ не существовало никакихъ обязанностей и предписаній. Второй классъ составляли обѣднѣвшіе погорѣльцы, агуны 2), разнаго рода калѣки, каженники и бѣсноватые. Къ третьему классу причислялись мелкіе сваты, плохенькіе канторы, люди торговавшіе книженками, прошлогодними календарями, старыми филактеріями, разнаго рода талисманами, заклинатели, знахари и гадатели на воску, свинцѣ и проч. Четвертый классъ образовали такъ называемыя «яловые» проповѣдники, т. е. такіе, которые не произносятъ собственно проповѣдей и поучительныхъ рѣчей, а только умѣютъ расказывать анекдоты изъ жизни гаоновъ и знаменитыхъ рабби, истолковываютъ смыслъ текстовъ св. писанія по числовому значенію ихъ буквъ и указываютъ въ нихъ намеки на пришествіе Мессіи, долженствующее воспослѣдовать въ такомъ-то и такомъ-то году. Свои разговоры и бесѣды они всегда приправляли разными новостями о землѣ израильской. Къ пятому классу, наконецъ, принадлежали уже настоящіе витіи, т. е. краснобаи, которые умѣли произносить умозрительно — ученыя проповѣди и надгробныя слова. Этотъ классъ людей былъ классъ привиллигированный. Они всегда получали даровыя подводы на проѣзды изъ города въ городъ и квартировали въ домахъ общественныхъ представителей. На богатыхъ свадьбахъ и обрядахъ обрѣзанія, отъ нихъ не было прохода, а на похоронахъ богачей, они какъ снѣгъ на голову сыпались сотнями и наводняли собою кладбище, какъ стая вороновъ, слетающихся на падаль. Словомъ, это были люди въ высшей степени ловкіе, они знали всѣхъ и каждаго и ненавидѣли другъ друга какъ пауки. На возвратномъ своемъ пути, герой нашего разсказа встрѣтился въ одной большой корчмѣ съ однимъ изъ такихъ ораторовъ. Въ ожиданіи лучшей погоды, они остались весь день въ гостинницѣ; но какъ бы на зло пого-

2) Агуна, отъ еврейскаго глагола огенъ воздержаться, запираться, значитъ женщина искавшая своего мужа, пропавшаго безъ вѣсти. По еврейскому закону, она никогда не можетъ вступить въ бракъ.

да не поправлялась и они принуждены были заночевать въ этой корчмѣ. Хозяева отвели имъ маленькую комнату, гдѣ скоро наши туристы познакомились и разсказали другъ другу о своихъ приключеніяхъ. Проповѣдникъ хвастался своими проповѣдями, а Пл. своимъ рекомендательнымъ письмомъ.

«Такъ», отозвался ораторъ, «вы имѣете письмо отъ рабби Ш.? Трудно повѣрить; я знаю, что раби Ш. поставилъ себѣ за правило никому не давать подобныхъ писемъ».

«Вы скоро убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ» возразилъ ребъ Ц., вынувъ письмо и показывая его оратору. Вся кровь прилила къ головѣ оратора, при видѣ подписи рабби Ш. Тутъ ораторъ осыпалъ Пл. вопросами и разспросами о томъ, какимъ образомъ удалось ему получить отъ рабби Ш. рекомендательное письмо? Послѣдній не заставилъ себя долго просить и разсказалъ ему вкратцѣ исторію своей жизни.

«Ну и много денегъ собрали посредствомъ этого волшебнаго талисмана»? спросилъ ораторъ.

«Гораздо болѣе чѣмъ вы вашими многоучеными проповѣдями», отвѣчалъ Пл.,—«около двухъ тысячъ червонцевъ, кромѣ подарковъ и путевыхъ издержекъ».

«Вотъ какъ», сказалъ ораторъ, «значитъ ваша торба стала кошелемъ и вы, чай, не будете продолжать сборъ милостыни»?

«Нѣтъ, довольно съ меня; надо еще разъ попробовать счастья. По возвращеніи въ свой родной городъ, я намѣренъ опять заложить торговлю».

«Къ чему же вамъ теперь рекомендація? Спросилъ ораторъ.

«Хорошъ вопросъ», возразилъ Пл. «надобно вамъ знать, что я вернусь домой другимъ путемъ и по дорогѣ намѣренъ еще разъ воспользоваться моимъ сокровищемъ. Это одно; а во вторыхъ я долженъ возвратить письмо рабби Ш., моему благодѣтелю и принести ему мою благодарность за оказанную мнѣ услугу».

«Увы, мой другъ», отвѣчалъ ораторъ, «вы совершенно ошибаетесь въ разсчетѣ: вѣдь другой дорогой вы не можете воротиться домой, какъ только чрезъ землю нѣмцевъ. Но вамъ извѣстно тамошній людъ еврейскій болѣе уменъ, чѣмъ набоженъ. Никто тамъ и копѣйки не дастъ вамъ изъ уваженія къ подписи какого то раби Ш.; что же касается вашего желанія возвратить письмо раби Ш. съ благодарностью, то я долженъ увѣдомить васъ, что

раби Ш. нѣтъ болѣе въ живыхъ. Я самъ произносилъ надъ нимъ три надгробныхъ слова, за которыя выручилъ весьма порядочную сумму».

«Такъ! вскрикнулъ раби Ц. въ испугѣ», раби Ш. умеръ? Да будетъ благословенъ праведный судья! Скажите же, пожалуста, кто у насъ занимаетъ теперь мѣсто раввина»?

«Пока еще никто», отвѣчалъ ораторъ весьма хладнокровно, набивая свою трубку табакомъ и смотря въ окно на злившуюся еще погоду.

«Чортъ возьми», продолжалъ онъ, «дождь все еще льетъ— ливмя. Я сомнѣваюсь буду ли въ состояніи ѣхать завтра. Что вы думаете», прибавилъ онъ обратясь къ ребъ Ц., «сколько бы я заработалъ въ это время, пока сидѣлъ здѣсь. Надгробныя слова теперь просто кладъ. Ни одинъ ораторъ еще не приготовилъ рѣчи на смерть рабби Ш., потому что онъ умеръ скоропостижно и при томъ еще во цвѣтѣ лѣтъ. Но я, *слава тому, имени котораго не могу припомнить не умывши руки,* человѣкъ другой. Повѣрьте, я не люблю отлагать дѣла на послѣднюю минуту: у меня на готовѣ всякаго рода товаръ, я знаю, что смерть у каждаго человѣка за плечами. Какъ видите, мнѣ придется посвятить вѣчной памяти рабби Ш. нѣсколько проповѣдей. Вотъ почему я бы хотѣлъ имѣть отъ него рекомендацію. Если вы согласны уступить мнѣ ваше письмо, то я бы не прочь былъ израсходовать нѣсколько червонцевъ».

«Но какую пользу вы можете изъ него извлечь, когда оно писано на мое имя»?

«Какой вы чудакъ»! возразилъ ораторъ, «неужели на моемъ лбу написано мое имя?

«Конечно отнынѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ мнѣ придется читать проповѣди, буду сказывать, что меня зовутъ ребъ Цод. Пл. Согласитесь, что при удачной рѣчи, владѣя такимъ рекомендательнымъ письмомъ, я разсчитываю на такую богатую жатву, о какой одинъ изъ моихъ собратій по ремеслу и мечтать не можетъ. Вотъ почему мнѣ хотѣлось бы заключить съ вами сдѣлку. Сверхъ условленной платы на мой счетъ будетъ магаричъ».

Слова оратора произвели свое дѣйствіе.

«На что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, теперь это письмо»? Подумалъ Пл., «вѣдь оно не доставитъ мнѣ больше ни денегъ, ни чести»,

и онъ немедленно приступилъ къ торгу. Онъ запросилъ было за свой товаръ двѣсти червонцевъ, но уступилъ его наконецъ за половину. Къ вечеру того же дня, они разстались весьма довольны другъ другомъ.

Нищій.

Надобно вамъ знать, читатели, что ораторъ обманулъ Пл.; раби Ш. тогда находился въ добромъ здоровьи. Не довольный этимъ, ораторъ вслѣдъ за тѣмъ подослалъ къ Пл. шайку бродягъ, принадлежавшихъ къ первой категоріи скитальцевъ. Подосланные слѣдили за Пл. нѣсколько дней сряду, пока улучили удобное время и мѣсто и обворовали Пл. до нитки. Получивъ свою часть безъ всякихъ споровъ со стороны грабителей, ораторъ отправился въ Галицію, былъ въ Венгріи и Молдавіи и собралъ, благодаря письму, огромное количество золота. Но оставимъ его колесить по міру и вернемся къ главному герою нашей повѣсти.

Никакое человѣческое перо не въ состояніи описать несчастное положеніе раби Пл., пробудившагося на слѣдующій день послѣ описаннаго несчастья и увидѣвшаго себя нагимъ, какъ въ день рожденія. Само собою разумѣется, что объ отысканіи покражи не могло быть и рѣчи. Кто могъ заступиться за него на чужбинѣ, гдѣ никто его не знаетъ, при томъ же Пл. не въ чемъ даже было выйдти на улицу. Но израильтяне — милосердыя дѣти милосердыхъ (рахмонимъ беней рахмонимъ): скоро нашлись люди, которые сжалились надъ его несчастнымъ положеніемъ. Собрали въ его пользу червонцевъ десять, одѣли кое-какъ, дали кое-что на дорогу, и онъ поплелся домой пѣшкомъ. На дорогѣ онъ могъ обдумать свой легкомысленный поступокъ и былъ убѣжденъ, что несчастье его не что иное, какъ божеская кара за его попрошайство. Слова рабби Ш.: «тотъ останется нищимъ на всю жизнь, кто разъ отвѣдаетъ прошеннаго хлѣба», невольно пришли ему на умъ и онъ убѣдился теперь въ ихъ справедливости.

Долгое время Пл. не могъ рѣшиться куда ему направить свой путь: вернуться ли домой, отправиться ли къ знакомымъ фабрикантамъ, или же просто пуститься на всѣ четыре стороны,— пока не узналъ, наконецъ, что ораторъ надулъ его и что имя рабби неисключено еще изъ списка живыхъ. Послѣ этого ему ничего не осталось, какъ только снова пуститься по міру, въ роли

обыкновеннаго нищаго. Понятно, что теперь онъ не могъ уже возвратиться во свояси: онъ стыдился показаться на глаза своему покровителю, милость и довѣріе котораго онъ употребилъ во зло. Не менѣе совѣстно было ему явиться предъ семействомъ, безъ гроша въ карманѣ. Онъ скитался нѣсколько лѣтъ сряду и, какъ слѣдовало ожидать, сдѣлался наконецъ обжорою и горькимъ пьяницей. На каждой свадьбѣ или пирушкѣ, праздновавшейся по поводу какого нибудь религіознаго обряда Пл. долженъ былъ непремѣнно быть тутъ какъ тутъ. Онъ уже не заботился болѣе о своей будущности, о судьбѣ своей семьи, а только нищенствовалъ изъ любви къ искуству. Отшагать, напримѣръ, двадцать—тридцать верстъ для того только, чтобы тамъ съѣсть хорошій ужинъ, для него была бездѣлица. Присоединившись къ шайкѣ нищихъ, онъ все болѣе и болѣе приближался къ родному городу, не упуская ни малѣйшаго случая упражняться въ вакхальномъ искуствѣ.

Тотъ же ораторъ.

Далеко счастливѣе ребъ Цодека былъ ораторъ въ своихъ странствованіяхъ. Благодаря своему ораторскому таланту и купленной имъ у перваго рекомендаціи, онъ успѣлъ составить весьма порядочный капиталъ. Будучи отъ природы человѣкъ весьма хитрый, онъ умѣлъ пользоваться легкомысліемъ массы какъ нельзя лучше и пустить въ ходъ всю свою ловкость, чтобы эксплуатировать еврейскіе карманы. Для этой цѣли, онъ прикидывался святымъ, сказывалъ вездѣ, что ему поручена отъ рабби Ш. священная миссія наставлять міранъ на путь истины; удачно разыгрывалъ роль набожнаго: читалъ рѣчи ярымъ фанатикамъ, держалъ посты, соблюдалъ законъ о новомъ хлѣбѣ 1), не смотрѣлъ на женщинъ и выполнялъ еще много другихъ обрядовъ, выдаваемыхъ суевѣріемъ за суть религіи и нетребующихъ почти никакой жертвы со стороны ихъ исполнителей. Но и ему не пошло въ прокъ чужое добро. Ровно чрезъ годъ послѣ того, какъ онъ встрѣ-

---

1) На основаніи Моисеева закона въ древніе времена, въ праздникъ Пасхи первый снопъ жатвы приносился въ жертву Господу. До приношенія же этой жертвы запрещалось употреблять въ пищу новый хлѣбъ. Въ память этого постановленія набожные евреи еще и теперь не ѣдятъ новаго хлѣба до означеннаго праздника.

нился съ ребъ Цодекомъ Ш...., въ одно прекрасное утро, онъ прибылъ въ одинъ городъ совершенно здоровымъ и бодрымъ, произносилъ въ главной синагогѣ проповѣдь, за которую удостоился лестныхъ отзывовъ со стороны слушателей и надѣялся получить хорошій кушъ. Къ вечеру того же дня онъ былъ приглашенъ на ужинъ къ представителю тамошняго еврейскаго общества, гдѣ и остался у него ночевать. Но увы! ему не суждено было болѣе увидѣть дневнаго свѣта. Бродяжничество и веденная имъ въ продолженіи долгаго времени неправильная жизнь, не могли не произвести своего дѣйствія на его здоровье: онъ умеръ въ эту ночь отъ апоплексическаго удара. Жители этого города отдали послѣдній долгъ его бреннымъ останкамъ съ большими почестями; на могилѣ было произнесено прекрасное слово. Съ его благопріобрѣтеннымъ имуществомъ распорядились тоже весьма честно и добросовѣстно.

Не подозрѣвая, чтобы ораторъ принялъ на себя чужое имя, они взяли все найденное послѣ его смерти и отправили въ городъ N, по адресу рабби Ш., препровождая при этомъ за подписями вліятельнѣйшихъ лицъ письмо, въ которомъ увѣдомляютъ о печальной кончинѣ ребе Ц., о днѣ его смерти и т. д. Когда рабби Ш. получилъ означенное письмо, онъ потребовалъ къ себѣ жену и все семейство ребе Цод. и прочитавъ имъ извѣстіе о главѣ ихъ семейства, отдалъ въ ихъ распоряженіе полученное добро. Жена раби Ц, получила 2800 руб., что слѣдовало ей по брачному договору, а остальное было раздѣлено между наслѣдниками по ровну. Послѣдніе, правда, оплакивали смерть своего отца, но замѣтно было, что въ тоже время они щадили свои глаза.

Мѣсяцъ спустя послѣ полученія извѣстія о смерти ребъ Цод., жена объявила себя кандидаткою въ невѣсты. Она была еще не совсѣмъ стара; ей только что пошелъ сорокъ пятый годъ. Она не могла, правда, какъ во время оно, плѣнять своею красотою молодыхъ покупателей за прилавкомъ, за то она могла удовлетворять всѣмъ условіямъ жены хозяйки. Впрочемъ она и не надѣялась сочетаться бракомъ, что называется mariage d inclination· за то она, тѣмъ вѣрнѣе могла разсчитывать на бракъ, что называется mariage de raison. Не надо забывать, что у нея было нѣсколько тысячъ приданаго, — обстоятельство, дающее самыя вѣрные шансы на выгодную партію. Въ самомъ дѣлѣ, скоро

представилась весьма подходящая партія. Нашелся ей ровня, одинъ богатый человѣкъ, недавно овдовѣвшій и женился на ней. Она была весьма счастлива во второмъ замужествѣ, снова зажила веселою жизнью и скоро забыла о первомъ своемъ мужѣ. Обстановка ея теперешней жизни была далеко богаче и пышнѣе прежней.

Пл. между тѣмъ все болѣе и болѣе приближался къ своему родному городу. Но онъ ходилъ весьма медленно, зигзаками; такъ, напримѣръ, оставивъ за собою пространство въ верстъ десять, онъ возвращался назадъ верстъ на семь, чтобы поѣсть тамъ на богатой свадьбѣ или пирушкѣ, по случаю обрѣзанія. Такъ совершаютъ свои странствованія индѣйскіе пиллигримы, отправляющіеся на поклоненіе въ отдаленныя св. мѣста. Въ видахъ умерщвленія и изнуренія своей плоти, эти суевѣрные, отходя, напримѣръ, впередъ шаговъ пять, отступаютъ назадъ шага на три. Конечно, тѣло Пл. нисколько не пострадало отъ такого процесса хожденія; но тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько лѣтъ, пока онъ достигъ роднаго города. По всей вѣроятности онъ и совсѣмъ минулъ бы городъ N, но пронюхавъ на дорогѣ, что какой то богачъ даетъ тамъ пирушку на славу по поводу обрѣзанія его новорожденнаго сына, онъ не устоялъ противу такого искушенія и побрелъ въ городъ въ своемъ нищенскомъ одѣяніи, — въ надеждѣ, что его тамъ никто не узнаетъ. Къ счастью, виновникъ пира жилъ за городомъ, такъ что Пл., миновавъ городъ, пробирался проселечными дорожками, пока не дотащился благополучно до жилища богача, будучи рѣшительно никѣмъ незамѣченнымъ.

Религіозный обрядъ былъ уже совершенъ и гости усѣлись за столами. Но Пл. нисколько не огорчился тѣмъ, что опоздалъ на обрядъ, присутствовать при которомъ, каждый еврей считаетъ богоугоднымъ дѣломъ; не обряда ради онъ явился тутъ, за то, занявъ мѣсто между нищими, находившимися тутъ же въ числѣ пяти десятковъ разнаго званія, Пл. кушалъ за десятерыхъ, запивая каждые три — четыре глотка полнымъ стаканамъ вина и находился въ весьма веселомъ расположеніи духа.

На этомъ пирѣ собрались всѣ вліятельнѣйшія и ученыя личности города N. Самъ гаонъ рабби Шмелке присутствовалъ тутъ же. Виновникъ пира былъ счастливъ; новорожденный былъ первенецъ; яства и напитки давались въ изобиліи, гости наслаждались.

Рабби Ш. занимал всѣх сидящих за столом своими учеными бесѣдами и остроумными анекдотами. По окончаніи обѣда, продолжавшагося до самаго вечера, рабби Ш. сам совершил застольную молитву, ибо он имѣл весьма пріятный голос и восхищал слушателей своим пѣніем. Когда уже вечерѣло, вышла сама родильница с мѣшком полным серебрянных монет, чтобы собственною рукою раздавать милостыню, собравшимся нищим, каждому по достоинству.

Когда очередь дошла до ребъ Цодека, послѣдній нахлобулив шапку, хотѣл удрать из за стола. Предполагая что нищій обидѣлся подданною ему не по достоинству милостынею, родильница тут же желая поправить ошибку, предложила ему большее подаяніе. Но не тут то было. Он встал из за стола и дал тягу. Этим он навлек на себя подозрѣніе мешуреса, ибо в тогдашнее время случалось весьма часто, что эти незванные гости стягивали со стола, серебрянную ложечку и тому подобную вещицу. Мешурес пустился за ним вдогонку и сорвал с его головы шапку. Всмотрѣвшись в него пристальнѣе, родильница узнала в нем перваго своего мужа. Читатель, конечно, догадывается, что эта родильница не кто иная, как его жена. Пл. еще прежде узнал ее и потому хотѣл скрыться. Родильница, предполагая, что первый муж ея пришел с того свѣта, испугалась и упала в обморок. В домѣ поднялась невообразимая суматоха. Мешурес, узнав, что виновником несчастья этот нищій, схватил его за шиворот. Между тѣм послали за доктором. Послѣдній явился и, приведя в чувство родильницу, разспрашивал ее о причинѣ испуга. «Не знаю» отвѣчала она, «живой или мертвый этот нищій, с котораго мешурес сорвал шапку, знаю только, что он первый муж мой Цодек Пл., сказав эти слова, она снова погрузилась в безпамятство. Тут суматоха сдѣлалась всеобщая. Всѣ присутствовавшіе обступили нищаго и дѣйствительно убѣдились, что он как есть ребе Цодек Плу—скій. Никто не мог однако объяснить себѣ, каким образом живет он, когда о смерти его получены были такія достовѣрныя свѣдѣнія? Всѣ толки и догадки по этому поводу рѣшительно ни к чему не повели. Но болѣе всѣх был огорчен сам реббе Ш., что был виновником этого злосчастнаго случая. Привели к нему ребъ Цодека, который разсказал подроб-

но обо всемъ случившемся съ нимъ на дорогѣ, о сдѣлкѣ съ ораторомъ и т. д. и рабби сейчасъ отгадалъ, что въ городѣ С. по поводу смерти ребе Ц. произошло qui pro quo, что приняли оратора за ребъ Ц. Рабби былъ внѣ себя отъ печали и отчаянія; онъ плакалъ какъ дитя и, сжавъ руки, обратился къ почтеннѣйшимъ гостямъ и сказалъ: «вамъ я обязанъ моимъ несчастьемъ, вы заставили меня поступать противъ принятыхъ мною правилъ. О, сколько бѣдствій породило неумѣстное сострадание, которое, благодаря вашему милосердію, я оказалъ Пл—скимъ!. Вслѣдствіе этого на свѣтъ появился незаконнорожденный; дѣтямъ Пл., въ наслѣдство, перешла чужая собственность и жена оратора сдѣлалась агуною на всю жизнь. О, сколько неисправимыхъ грѣховъ, я совершалъ по слабости характера моего»!

«Отъ послѣднихъ двухъ грѣховъ, я искуплю васъ рабби, отозвался одинъ изъ нищихъ, находившихся тутъ же на пирѣ, приблизившись къ рабби Ш., не перестававшему еще рыдать и плакать на-взрыдъ. Изъ сожалѣнія къ вамъ, я припомню сегодня мои стародавніе грѣшки. Можетъ быть, ради вашихъ заслугъ, мнѣ удастся покаяться въ грѣхахъ своихъ. Я принадлежалъ къ шайкѣ воровъ, которые обокрали тогда ребъ-Ц. Ораторъ, откупившій у ребъ Ц. письмо, подослалъ насъ къ нему и подѣлился съ нами по ровну. Это былъ человѣкъ безчестныхъ правилъ. Мы знаемъ этого молодца, и даже помнимъ гдѣ онъ умеръ. Онъ имѣлъ не одну жену, а около пятнадцати. Мы ихъ перечтемъ по имени. Слѣдовательно, деньги его попали теперь во власть ихъ законнаго владѣльца. Что вамъ много толковать рабби, онъ былъ нашъ компаніонъ: указывалъ намъ всегда мѣста, гдѣ можно безнаказанно поживиться чужимъ добромъ. Будучи приглашаемъ на пиры всѣхъ первостепенныхъ богачей, онъ былъ въ состояніи вывѣдать всѣ потаенные входы, чрезъ которые легче вломаться въ домъ, зналъ, гдѣ находятся сундуки и весьма часто стягивалъ ключи отъ сундуковъ или комодовъ.«

«А что ты дѣлаешь здѣсь»? спросилъ его рабби. Конечно, почтеннѣйшій рабби, отнюдь не ради малозначительной милостыни, которую получилъ, пришелъ я сюда; а для того, чтобы присутствовать при религіозномъ обрядѣ и подавно: наши братья куда какіе мастера прикидываться нищими съ цѣлью высматривать расположеніе домовъ богачей. По правдѣ сказать, здѣшняго хозяина спасло

великое чудо. Не будь васъ, мы дня чрезъ три обобрали бы его до нитки. Я съ нѣкоторыми другими, бывшими здѣсь вчера въ сочельникъ и сегодня при совершеніи обряда, успѣли вывѣдать всѣ потаенные входы и всѣ уголки въ этомъ домѣ, къ счастью для хозяйки и можетъ быть и для меня самого, я былъ тронутъ вашею печалью!—

«Я вижу» отозвался рабби, что въ васъ не совсѣмъ еще заглохло чувство религіозности, почему же позволяете себѣ такой противный Богу порокъ, какъ воровство»?

«Дай Богъ вамъ здоровье», отвѣчалъ обманщикъ; воровство— это наше ремесло, а ремесло имѣетъ со всѣмъ другія правила. Вотъ намедни, нѣкій еврей потерялъ кошелекъ съ деньгами. Несчастный плакалъ, рыдалъ, самъ не зналъ, что дѣлать отъ горя. Къ счастью, я нашелъ потерянное; спросивъ не имѣетъ ли онъ примѣты на потерянномъ предметѣ и, убѣдившись, что найденная вещь дѣйствительно принадлежитъ ему, я возвратилъ кошелекъ цѣликомъ, но немедленно послѣ этою, улучивъ минуту, я укралъ у него все, что отдалъ. Такимъ образомъ, я исполнялъ законъ о возвращеніи потерянной вещи, какъ самый набожный еврей, и въ тоже время остался вѣрнымъ своему ремеслу».

Появленіе Пл. имѣло самыя несчастныя послѣдствія на судьбу его жены. Она должна была по еврейскому закону развестись со вторымъ мужемъ. Правда, она получила значительную сумму денегъ по брачному договору, но отъ стыда не смѣла никому показаться на глаза и удалилась со своимъ незаконнорожденнымъ дитятею въ безлюдное захолустье, гдѣ скоро, какъ говорится, была забыта Богомъ и людьми. Самъ Пл. прогнанъ изъ города N и принужденъ былъ скитаться по міру, и бывшій первостатейный богачь, считавшійся красою и вѣнцомъ города N, остался на всю жизнь пьяницею и бродягою, какъ это предсказалъ ему знаменитый рабби того же города N.

И. Бейлинъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О КОНЧИНѢ МИТРОПОЛИТА ІОСИФА.

Угасло великое свѣтило церкви россійской, почилъ о Господѣ великій подвигоположникъ православія—литовскій митрополитъ Іосифъ. Это печальное событіе совершилось въ субботу, 23-го ноября, въ 35 минутъ перваго часа по полудни.

Въ день кончины высокопреосвященнаго епископъ ковенскій и викарій литовской епархіи, Іосифъ, совершалъ, соборне, съ городскимъ духовенствомъ, богослуженіе въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, по случаю храмоваго тамъ праздника св. Александра Невскаго, а вслѣдъ за тѣмъ къ тремъ часамъ по полудни уже началась панихида объ успокоеніи почившаго, совершенная соборне, тѣмъ же духовенствомъ. За панихидой сказалъ краткую, но полную горячаго чувства рѣчь молодой дьяконъ, готовящійся быть законоучителемъ ковенской гимназіи, а затѣмъ произнесъ нѣсколько словъ о значеніи почившаго архипастыря и самъ викарій. Для поклоненія бреннымъ останкамъ святителя стеклось очень много чтителей его памяти не только православныхъ, но и иновѣрцевъ. Въ воскресенье, въ полдень, послѣдовалъ выносъ его тѣла въ домовую церковь митрополичьяго дома, при которомъ присутствовали—прибывшій того же дня утромъ изъ С. Петербурга главный начальникъ края А. Л. Потаповъ, а также всѣ высшіе воинскіе и гражданскіе чины и множество народа. Въ понедѣльникъ, въ десять часовъ, по нижепомѣщенному церемоніалу, тѣло перенесено въ главный виленскій каѳедральный соборъ святителя Николая, гдѣ соборне совершалъ богослуженіе высокопреосвященный Антоній, нарочно прибывшій изъ Пожайскаго монастыря; при этомъ протоіерей Пре-

чистенской митрополичьей церкви о. Антоній Пщолко сказалъ глубоко тронувшее слушателей слово.

Мы не можемъ въ настоящую минуту достойно и вполнѣ обстоятельно оцѣнить дѣятельность и заслуги почившаго архипастыря; его кончина еще такъ свѣжа, его жизнь еще такъ близка намъ, что наскоро набросанныя замѣтки о подвигахъ этого неустрашимаго ратоборца за цѣлость ввѣреннаго ему стада Христова легко могутъ подвергнуться заслуженному укору въ недосмотрѣ или пропускѣ существеннаго. Жизнь почившаго архипастыря всецѣло принадлежитъ исторіи; неизгладимыми чертами вписалъ онъ свое имя въ исторію русской церкви и народа, ей принадлежатъ какъ его приснопамятные подвиги въ дѣлѣ возвращенія уніатовъ на лоно православія, такъ и пастырская ревность его въ здѣшнемъ краѣ въ много-трудной борьбѣ съ враждебными началами... Сперва гонимый, хулимый, и отъ чужихъ и отъ своихъ преслѣдуемый, потомъ отличенный двумя вѣнценосцами и достигшій высшихъ земныхъ почестей, онъ испыталъ такимъ образомъ самъ на себѣ и благосклонность и превратности земнаго счастія и все это претерпѣвый до конца, сподобился наконецъ при жизни узрѣть осуществленіе своихъ чаяній и стремленій. Послѣдній годъ жизни почившаго въ Бозѣ митрополита Іосифа былъ рядомъ торжествъ для благочестивой души его: въ этомъ году освящены всѣ великолѣпнѣйшіе виленскіе храмы, возсозданіе или обновленіе которыхъ начато, по его указанію, покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, именно большой св. Николаевскій соборъ, приходская церковь святителя Николая, церковь св. Параскевы, нареченныя Пятницы, и наконецъ мѣсяца два тому назадъ освящена древнѣйшая изъ виленскихъ церквей Пречистенская, такъ что высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, переживъ освященіе этой церкви, вправѣ былъ сказать: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ, потому

что очи мои узрѣли чаяніе души моей—возстановленіе уже послѣдней и древнѣйшей русской святыни, нѣкогда поруганной врагами православія, увидѣли мои очи торжество моей вѣры, еще недавно называвшейся хлопскою, увидѣли спасеніе единовѣрнаго моего и единокровнаго русскаго народа, еще недавно гонимаго и преслѣдуемаго его угнетателями.

Покойный архипастырь былъ старшимъ сыномъ бѣднаго сельскаго священника (въ послѣдствіи протоіерея) Іосифа Сѣмашко, родомъ изъ Кіевской губерніи. Воспитаніе онъ получилъ въ немировской гимназіи, а окончилъ оное въ главной семинаріи при бывшемъ виленскомъ университетѣ, изъ которой вышли почти всѣ знаменитые въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ іерархи наши. Высокопреосвященный Антоній (Зубко), б. архіепископъ минскій, живущій нынѣ на покоѣ, въ извѣстныхъ запискахъ «о греко-унитской церкви въ западномъ краѣ,» говоритъ, что у Іосифа Сѣмашко, двумя годами ранѣе его поступившаго въ главную семинарію, уже тогда «складъ мыслей и чувствованій былъ крѣпко основанъ на почвѣ народной, малорусской, несовращенной польскимъ гимназическимъ воспитаніемъ,» что онъ, Антоній, много отъ Іосифа Сѣмашко «слышалъ малороссійскихъ пѣсень и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывалась нелюбовь къ ляхамъ и даже къ уніи,» что наконецъ и тогда уже, въ семинаріи, «Іосифъ Сѣмашко былъ вполнѣ самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, направленныхъ къ единенію съ русскимъ народомъ, какъ это можно было замѣтить изъ того, что онъ предпочелъ русскую литературу всѣмъ другимъ предметамъ, предоставлявшимся на выборъ учениковъ съ цѣлію спеціальнаго изученія.» Вотъ гдѣ коренился уже зародышъ той истинно-русской патріотической дѣятельности, которая поставила будущаго святителя на ряду съ знаменитыми представителями русской народной исторіи.

Дальнѣйшая жизнь покойнаго полна такого глубокаго интереса и разнообразія, что мы рѣшаемся лучше посвятить ей нѣсколько отдѣльныхъ болѣе обстоятельныхъ статей, а теперь ограничимся краткимъ воспоминаніемъ самаго торжественнаго и счастливѣйшяго момента въ жизни почившаго, когда исполнилась завѣтная мечта всей его многотрудной жизни.

По смерти греко-унитскаго архипастыря Іосафата (Булгака), на мѣсто его, въ греко-унитской духовной коллегіи, покойный государь Николай Павловичъ назначилъ старшаго изъ уніатскаго духовенства, тогда уже епископа литовскаго—Іосифа. Дѣятельности его открылось тогда широкое поприще и благая мысль преосвященнаго, благодаря его неутомимому усердію, быстро зрѣла и распространялась въ средѣ тогдашняго уніатскаго духовенства, такъ что 12 февраля 1839 года, когда церковь наша праздновала недѣлю православія, то есть въ первое воскресенье великаго поста, собирались въ Полоцкъ всѣ уніатскіе въ Россіи епископы и вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ подписали актъ (всего 1305 подписей священниковъ и монашествующей братіи), въ которомъ, изъяснивъ чистосердечное желаніе свое принадлежать къ прародительской церкви своей, положили просить государя о повелѣніи привести ихъ желаніе въ исполненіе. Актъ этотъ, при всеподданнѣйшемъ прошеніи, они предоставили старшему изъ нихъ, литовскому епископу Іосифу, отвезти въ столицу и повергнуть на высочайшее воззрѣніе чрезъ оберъ-прокурора св. синода, графа Пратасова. Покойный государь Николай Павловичъ повелѣлъ представленный ему актъ съ приложеніями внести въ синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святой церкви постановленіе. Возблагодаривъ Бога за это радостное событіе, синодъ опредѣлилъ: по правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ принять епископовъ, священство и всю паству бывшей доселѣ греко-унит-

ской церкви въ полное и совершенное общеніе святой православно-каѳолической восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской и таковое синодальное дѣяніе поднести государю при всеподданнѣйшемъ докладѣ.

25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія и на канунѣ свѣтлаго Христова воскресенія, государь утвердилъ докладъ синода собственноручною резолюціею: «благодарю Бога и принимаю»—и тихо раздалось благовѣстіе, что многочисленное въ западныхъ губерніяхъ нашихъ духовенство и народъ уніатскаго обряда воскресли къ новой жизни, въ тѣснѣйшемъ духовномъ соединеніи съ древнею вселенскою церковію Христовою и съ древнимъ своимъ русскимъ отечествомъ.

30 марта, когда въ полномъ собраніи синода сдѣлано постановленіе о приведеніи монаршей воли въ исполненіе, оберъ-прокуровъ ввелъ въ засѣданіе преосвященнаго литовскаго Іосифа. Первенствующій членъ синода, тогдашній митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Серафимъ, отъ имени всероссійской церкви привѣтствовалъ представителя возсоединеннаго духовенства съ вожделѣннымъ событіемъ и вручилъ ему синодальную грамоту къ возсоединеннымъ епископамъ и духовенсву, а митрополитъ московскій и коломенскій Филаретъ прочелъ высочайше утвержденныя положенія синода о переименованіи греко-унитской духовной коллегіи въ бѣлорусско-литовскую и о бытіи ему, Іосифу, предсѣдателемъ оной, съ возведеніемъ его въ санъ архіепискона. Преосвященный Іосифъ съ своей стороны принесъ святѣйшему синоду благодареніе отъ лица возсоединенныхъ и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, въ которомъ участвовали архипастыри Новгорода, Кіева, Москвы, Казани, Пскова, Литвы... Подобныя же торжественныя богослуженія повторились и

среди возсоединенныхъ епархій, съ тою разницею, что въ нихъ принимали участіе громадныя массы возсоединеннаго изъ уніи народа; такъ въ величественномъ сослуженіи обоего духовенства, собиравшагося въ числѣ 50, 80 и даже 150 однихъ священниковъ, совершены молебствія въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Велижѣ, Суражѣ, Оршѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Жировицахъ и другихъ мѣстностяхъ. Вездѣ возсоединенная паства тѣснилась принимать благословеніе отъ сослужащихъ архипастырей, которые должны были, выходя изъ церквей, иногда по цѣлому часу идти пѣшкомъ, чтобы удовлетворять ея умилительному усердію.

Такимъ-то успѣхомъ увѣнчалось Богомъ благословенное дѣло высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, котораго кончину мы нынѣ оплакиваемъ...

СЛОВО НОВОПОСВЯЩЕННАГО СВЯЩЕННИКА ЯРОСЛАВА БРЕНА НАДЪ ГРОБОМЪ ПОЧИВШАГО АРХИПАСТЫРЯ.

Простите мнѣ, преосвященнѣйшій Владыко, и вы служители алтаря Божія, что въ вашемъ присутствіи я дерзаю держать рѣчь при семъ гробѣ; вѣдь этотъ гробъ также близокъ и дорогъ моему сердцу, какъ близокъ онъ каждому изъ васъ; вѣдь въ этомъ гробѣ— наша честь, наша слава, наша гордость, наше—все. Осиротѣлая паства, въ состояніи ли ты оцѣнить ту утрату, которую сейчасъ понесла! Кто замѣнитъ тебѣ сего добраго пастыря, всегда стоявшаго на стражѣ своей и охранявшаго тебя отъ волковъ?...

Помолитесь же теперь, братіе и сослужители, да духъ почившаго архипастыря нину пребудетъ съ нами!...

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОСИФА, ЕПИСКОПА КОВЕНСКАГО, ВИКАРІЯ ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Закатилось свѣтило, такъ долго сіявшее на горизонтѣ церкви; не стало крѣпкаго столпа православія,— почилъ о Господѣ великій святитель Божій, вписавшій имя свое не только въ исторію отечественной церкви, но въ скрижаляхъ гражданданской исторіи—и не только нашей отечественной исторіи, но и въ исторіи всего міра. Его дѣятельность воззвала здѣшнюю паству къ бытію; его истинно - апостольскіе труды и заботы неизгладимыми чертами напечатлѣлись повсюду въ здѣшнемъ краѣ. Да почіетъ же новопреставленный владыка въ селеніяхъ праведныхъ, отнюду же отбѣже всяка болѣзнь и воздыханіе...

РѢЧЬ ПРОТОІЕРЕЯ АНТОНІЯ ПЩОЛКИ.

Владыко нашъ! съ какою же это *славой* и торжественностію, съ какимъ пѣснопѣніемъ мы ввели тебя нынѣ въ этотъ престольный храмъ твой? Святителю нашъ, толико лѣтъ священнодѣйствовавшій съ нами! какое же это нынѣ видимое священнодѣйствіе ты предлагаешь намъ во взысканной и созданной тобою каѳедрѣ литовской церкви? Господине нашъ! но что реку? не господине, а много о Бозѣ возлюбившій насъ, отче нашъ! что же ты не предстоишь служенію нашему, какъ предстоялъ обыкновенно? Что не слышится голосъ твой посреди сего храма, какъ бывало доселѣ? Ахъ, Боже нашъ! помышлялиль мы, что такимъ небывалымъ чиномъ будемъ вводитъ и встрѣчать тебя въ этомъ храмѣ, въ этомъ тобою пріобрѣтенномъ для насъ памятникѣ торжества православія? Ожидалиль мы, что ты, ярко горѣвшій свѣтильникъ нашъ, можешь быть сдвинутъ со свѣщника литовской церкви? Не смотря на недугъ, удручавшій,

гебя, отецъ нашъ, мы надѣялись во свѣтѣ ума твоего поучаться свѣту истины еще многіе годы: самая продолжительность времени сіянія твоего заставляли забыть насъ, что ты можешь когда-либо погаснуть. Но вотъ, сильный духомъ, по мановенію Божію уступилъ силѣ смерти и мы — осиротѣли. Господь взялъ отъ насъ избраннаго Своего, и мы сѣтуемъ, какъ вдовица, у которой спалъ вѣнецъ съ главы ея.

Братіе, христіане! простите намъ нашу скорбь и наше сѣтованіе! блаженно-почившій архипастырь сей есть отецъ нашъ, поистинѣ отецъ; не пѣстунъ, но отецъ. Онъ любовію, заботами, трудами и благовѣствованіемъ родилъ и взлелѣялъ насъ. Многіе изъ васъ, безъ сомнѣнія, слышали и знаютъ, что древняя, искони православная литовско-русская церковь была уничтожена, поругана и вытѣснена изъ городовъ въ бѣдныя деревни. Она было измѣнилась въ пастыряхъ и овцахъ, измѣнилась вѣрою, церковными правилами и богослуженіемъ. Она почти забыла свое происхожденіе и отступилась было отъ своей матери, восточной православно-каѳолической церкви. Но приспѣло время искупленія, и премудрый Зиждитель вложилъ великому монарху мысль избранія, для обновленія церкви литовской, сильнаго духомъ мужа сего, въ Бозѣ почившаго нынѣ архипастыря нашего. Подъ его мудрымъ управленіемъ преобразовались мы вѣрою, возвратясь къ чистымъ догматамъ древней православной церкви,—преобразились духомъ, возвратясь къ постановленіямъ и сообществу съ родною нашею матерью всероссійскою церковію,—преобразились сердцемъ, обновя чувства родственной любви къ великому общему нашему русскому племени и русскому отечеству. Мы помнимъ, какъ отцы наши и нынѣ живущіе еще старцы, съ радостнымъ умиленіемъ приняли отъ благопромышленія сего почившаго возвращеніе ихъ къ прежнему церковному порядку, которому нѣ-

которые изъ нихъ слѣдовали въ начаткахъ своей жизни. Мы были свидѣтелями, какъ зрѣлые мужи, по его благовѣствованію, извѣшивали прошедшее съ настоящимъ, хитросплетенія лжи со свѣтомъ здраваго смысла, и преклоняли умы и сердца свои предъ непреложною истиною. Наконецъ, мы сами лично, то есть, я и сверстники мои, подъ благопопечительностію его, получили образованіе въ истинномъ духѣ христіанской православной церкви и научились любить, какъ сію церковь, такъ и земное свое отечество—Русь православную. Всѣ мы, какъ отцы и старцы наши, такъ и мы сами, апостольскими подвигами сего усопшаго, утвердились въ воспринятой вновь прародительской вѣрѣ и въ неизмѣнномъ единеніи съ Русью святою. Исповѣдуемъ предъ вами, братіе-христіане, исповѣдуемъ и предъ всею Россіею и предъ всѣмъ міромъ, что безъ сего избранника Божія, мужа желаній Господнихъ, безъ его постояннаго горѣнія любовью къ Россіи, безъ его самоотверженія и мощнаго духа, мы до сихъ поръ, быть можетъ, коснѣли бы еще въ прежнемъ горестномъ положеніи, до сихъ поръ несли бы тягостное иго прежняго чуждаго преобладанія. Онъ одинъ руководилъ насъ спасительными наставленіями; онъ одинъ заботился обезпечить участь нашу; онъ одинъ радѣлъ и объ удобствахъ жизни нашей; въ его великой нравственной силѣ мы слышали и ощущали свою собственную силу. И послѣ всего этого онъ не—отецъ ли намъ? О, по истинѣ отецъ, не пѣстунъ, но отецъ!

Богомудрый архипастырю, святый владыко нашъ! память твоихъ благодѣяній останется на вѣки въ скрижаляхъ церкви литовской и всероссійской, и благодарность наша никогда не истребится изъ сердецъ нашихъ и потомковъ нашихъ; мы никогда не откажемъ тебѣ въ сладостномъ имени отца, скажу болѣе, никогда не посрамимъ этого имени твоего по-

ступками противными твоей волѣ, никогда не престанемъ взывать: архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ. Помяни и ты насъ тамъ, отче нашъ!

Вслѣдствіе извѣщенія объ утратѣ, постигшей Литовскую паству смертію ея архипастыря, изъ разныхъ мѣстъ получаются сочувственныя телеграммы. Вотъ, между прочимъ, телеграмма изъ Москвы отъ преосвященнаго Леонида, на имя викарнаго епископа Іосифа:

«Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ (московскій) глубоко сожалѣетъ о великой потерѣ церкви литовской и виленской, равно и паства московская, живо помнящая почившаго. *Въ Москвѣ совершаются поминовенія.*

Церемоніалъ перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, изъ домовой церкви въ Николаевскій соборъ.

I. Перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго архипастыря назначено въ понедѣльникъ 25 сего ноября, въ 10 часовъ утра, по совершеніи литургіи въ домовой церкви.

II. Къ выносу приглашено все мѣстное духовенство, какъ то: архимандриты монастырей, протоіереи и священники съ діаконами, въ черныхъ облаченіяхъ.

III. Шествіе изъ домовой церкви направлено, по выходѣ изъ архіерейскаго дома, черезъ большую улицу къ ратушному дому, и оттуда къ Николаевскому собору.

IV. Порядокъ шествія слѣдующій:

1. Хоругви, которыя принесены ко времени выноса, къ архіерейскому дому.

2. Образа, несенные родственниками покойнаго и священниками.

3. Гробовая крыша, несенная четырьмя діаконами.

4. Семинарскіе пѣвчіе.

5. Выборные отъ всѣхъ городскихъ сословій.

6. Виленская городская дума.

7. Городской голова и старшины городскихъ сословій.

8. Чиновники консисторіи въ мундирахъ, наставники семинаріи и училищъ, по два въ рядъ.

9. Діаконы, священники, протоіереи и настоятели монастырей, по два въ рядъ.

10. Знаки отличій на подушкахъ, несенные священниками: 1) орденъ Св. Анны 1 степени, 2) Св. Александра Невскаго, 3) Св. Владиміра 1-й степени, 4) Св. Андрея Первозванняго, 5) панагіи и кресты.

11. Архіерейскіе пѣвчіе.

12. Евангеліе, запрестольный крестъ и икона Божіей Матери, несенные священниками.

13. Преосвященные архіереи.

14. Крестъ, лампада и посохъ, употреблявшіеся при богослуженіи его высокопреосвященства, несенные іеродіаконами.

15. Бѣлый клобукъ съ малымъ омофоромъ на блюдѣ, несенный іеромонахомъ.

16. Митра и большой омофоръ на блюдѣ, несенный іеромонахомъ.

17. Два діакона съ трикиріями и два діакона съ рипидами по сторонамъ гроба и діаконы съ кадилами и со свѣтильниками.

18. Гробъ покойнаго, несенный архимандритами, протоіереями и священниками; при гробѣ четыре хоругви по угламъ, несенныя причетниками; къ нимъ четыре ассистента.

V. Мѣста на пути шествія для перемѣны лицъ раздѣлялись на слѣдующіе чреды:

1) Изъ домовой церкви, 2) отъ выхода изъ архіерейскаго дома до ратушнаго, 3) отъ ратушнаго дома до Николаевскаго собора, 4) входъ въ соборъ.

VI. Во время шествія производился по всей Вильнѣ соотвѣтствующій сему случаю перезвонъ, а по внесеніи тѣла въ Николаевскій соборъ обыкновенный звонъ во всей Вильнѣ, знакомъ къ коему послужилъ звонъ на соборной колокольнѣ.

VII. По постановленіи гроба на уготованное мѣсто, отправлена литургія, по окончаніи коей послѣдовала панихида.

Извлекаемъ изъ доставленнаго источника еще слѣдующія свѣдѣнія о почившемъ архипастырѣ:

Высокопреосвященный митрополитъ Іосифъ родился Кіевской губерніи Липовецкаго уѣзда, въ селѣ Павловкѣ, отъ священника Іосифа, изъ дворянъ, и назывался въ мірѣ, также какъ и въ монашествѣ, Іосифомъ, по фамиліи Сѣмашко. Дворянинъ, родитель его, хотѣлъ дать сыну своему дворянское образованіе въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи и помѣстилъ его въ немировскую гимназію, гдѣ учили языкамъ: латинскому, французскому, русскому, польскому, также физикѣ, математикѣ, гражданскому праву, всеобщей исторіи и географіи. Но Іосифъ Сѣмашко (сынъ) съ ранней молодости обнаруживалъ расположеніе къ изученію предметовъ церковно-религіозной и богословской науки, и гимназическое воспитаніе, въ программѣ котораго совсѣмъ не упоминается о подобныхъ предметахъ, не могло удовлетворить его духа; поэтому Іосифъ Сѣмашко, по окончаніи курса наукъ въ немировской гимназіи, въ 1816 году, поступилъ въ главную семинарію, учрежденную при виленскомъ университетѣ. Курсъ ученія въ главной семинаріи продолжался 4 года; тамъ въ эти 4 года обучали:

толкованію священнаго писанія, богословію догматическому, нравственному и пастырскому, церковной исторіи, каноническому праву, логикѣ, краснорѣчію и поэзіи, словесности латинской, русской и польской, языкамъ греческому, еврейскому и французскому, наконецъ ботаникѣ и зоологіи. При отличныхъ способностяхъ и примѣрномъ усердіи къ учебнымъ занятіямъ, Іосифъ Сѣмашко вышелъ изъ главной семинаріи однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получилъ степень магистра богословія. Главная семинарія въ Вильнѣ учреждена была преимущественно для римско-католическаго духовенства; привлеченіе туда уніатскаго духовенства сдѣлано было въ видахъ образованія уніатовъ въ духѣ р.-католическомъ, съ проведеніемъ въ нихъ идей польской національности. Іосифъ Сѣмашко съ молодыхъ лѣтъ заявлялъ свою нерасположенность къ такому направленію и дѣлился съ своими товарищами мѣткими остротами противъ ляховъ, и это у него выходило съ такимъ тактомъ, что пропитанные польскимъ духомъ товарищи, не смотря на колкія остроты на ихъ счетъ, не переставали относиться къ нему съ уваженіемъ. По окончаніи курса наукъ въ главной семинаріи и по возвращеніи въ свою епархіею, онъ опредѣленъ къ должности каѳедральнаго проповѣдника и ассесора луцкой греко-уніатской консисторіи и профессоромъ богословія въ епархіальную семинарію. Въ 1820 году, 26 декабря, въ мѣстечкѣ Жидичинѣ, Волынской губ., тогдашнемъ мѣстопребываніи луцкаго уніатскаго епархіальнаго начальства, профессоръ Сѣмашко луцкимъ епископомъ Іаковомъ Мартусевичемъ рукоположенъ во діакона; черезъ годъ послѣ того (28 декабря 1821 года) рукоположенъ въ санъ священника, скоро потомъ опредѣленъ луцкимъ протопресвитеромъ, а 1822 г. 20 іюня избранъ въ ассесоры духовной коллегіи. Присутствуя въ качествѣ члена отъ уніат-

скаго духовенства въ коллегіи, молодой протопресвитеръ (протоіерей) открылъ спокойную, но неотразимую борьбу противъ римско-католическихъ членовъ коллегіи, посягавшихъ на греко-уніатскія церкви и духовенство. По проискамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ римско-католиковъ, имѣвшихъ доступъ въ высшія наши правительственныя сферы, духовная коллегія такъ устроилась, что уніаты отданы были въ полное распоряженіе римскихъ-католиковъ. Хотя католики и принимали уніатовъ ассесорами въ коллегію, но имѣя всегда перевѣсъ въ большинствѣ голосовъ надъ уніатами, имѣя большую опору въ своихъ связяхъ и вліяніяхъ, они съ презрѣніемъ относились къ заявленіямъ уніатскихъ ассессоровъ, не согласнымъ съ ихъ видами, и въ древнѣйшихъ православныхъ церквахъ, обращенныхъ въ унію, хозяйничали какъ хотѣли, сносили долой иконостасы, отбирали колокола, перемѣняли храмовые праздники, вводили праздники изъ своихъ святцевъ. Противъ этихъ злоупотребленій возсталъ протоіерей Сѣмашко и высказалъ несокрушимую твердость своего характера, замѣчательный тактъ и силу убѣжденія. По его старанію, по его ясному изложенію дѣла, уніаты освобождены изъ подъ власти римскихъ-католиковъ, для нихъ отдѣлена особая греко-уніатская духовная коллегія, въ которой и былъ членомъ виновникъ ея учрежденія. Во время своего присутствованія въ коллегіи онъ такъ зарекомендовалъ себя, что тамъ же въ Петербургѣ въ 1829 году, 4 августа, хиротонисанъ во епископа мстиславскаго. Въ монашество постриженъ тоже въ С.-Петербургѣ, за нѣсколько дней до хиротоніи во епископа. 1833 года, апрѣля 2 дня, Высочайшимъ указомъ повелѣно ему быть епископомъ литовской греко-унитской епархіи. Въ это время онъ особенно началъ дѣйствовать по возстановленію древнихъ обрядовъ, свойственныхъ греко-унитской церкви, и потомъ и по

возсоединенію уніятовъ съ православною каѳолическою церковію. Въ 1839 году совершилось это священное возвращеніе на лоно истинной церкви нѣсколькихъ милліоновъ душъ, отторгнутыхъ насиліемъ, послѣ чего высокопреосвященный Іосифъ, 25 марта 1839 года, былъ возведенъ въ санъ-архіепископа. Въ 1840 г., 6-го апрѣля, онъ наименованъ архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ. 30 марта 1852 года за пламенную ревность къ православію, приверженность къ престолу, благоуспѣшныя дѣйствія при возстановленіи православной ерархіи и неутомимыя заботы объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ праотеческой вѣры возведенъ въ санъ митрополита литовскаго и виленскаго, при чемъ всемилостивѣйше пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія о почившемъ архипастырѣ, которыми мы долгомъ считаемъ подѣлиться пока съ читателями.

Дополнимъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми положительно намъ извѣстными дѣлами благотворительности, которая, въ числѣ другихъ добродѣтелей, украшала неизмѣнно высоконравственную личность почившаго. Мы укажемъ только на самые крупные факты этого рода. Въ 1844 году высокопреосвященнѣйшій Іосифъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія литовской епархіи 1500 р. Въ 1848 г. въ пользу св. Духовскаго монастыря завѣщалъ 3000 руб. Въ 1851 году пожертвовалъ для библіотеки литовской семинаріи собственныхъ денегъ свыше 1500 руб. Когда загорѣлась севастопольская война, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ получаемое по уставу архіерейское жалованье свое, въ количествѣ 4000 руб., раздѣлилъ пополамъ, одну половину отдавая на военныя потребности для русской арміи до тѣхъ поръ, пока кончилась военная кампанія. Въ 1861 году въ пользу

виленскаго училища для дѣвицъ духовняго званія пожертвовалъ 5000 руб. на приданое, по окончаніи курса, для болѣе успѣшныхъ въ наукахъ ученицъ.

За два или за три дня до кончины высокопреосвященнѣйшій, удручаемый уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ болѣзнями, чувствовалъ себя какъ обыкновенно, но въ четвергъ, 21 ноября, ему стало дурно, произошолъ какой то рѣзкій переворотъ въ его организмѣ и въ субботу въ полдень его не стало!... Съ четверга онъ не принималъ пищи и не спалъ, однако былъ еще въ полной памяти; въ пятницу онъ исповѣдался и причащался св. таинъ. Когда прибыли къ нему доктора, то онъ спокойно спросилъ ихъ: «скажите мнѣ правду, не стѣсняйтесь обыкновенною скрытностію передъ умирающимъ, мнѣ такъ плохо, что кажется жизнь моя на землѣ кончается». Медики не имѣли основаній разувѣрять больного въ его мысляхъ. Ночью съ пятницы на субботу ему было очень тяжко, онъ чувствовалъ сильную жажду; то ему представлялось, что комнаты его наполнены народомъ и онъ спрашивалъ: откуда такъ много народу, то просилъ, чтобы его переодѣвали. Къ утру ему однако стало лучше, и онъ по желанію своему еще разъ сподобился св. пріобщенія тѣла и крови Христова; послѣ того онъ былъ въ спокойномъ состояніи, но чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе. Въ 12-мъ часу дня онъ приказалъ просить къ себѣ преосвященнаго викарія Іосифа, который совершалъ литургію въ домашней церкви при домѣ, гдѣ живетъ г. главный начальникъ края. Пока успѣли доложить преосвящ. викарію, пока онъ, окончивъ литургію, успѣлъ пріѣхать въ митрополичьи покои, засталъ уже бездыханное тѣло архипастыря. До самой кончины онъ былъ совершенно спокоенъ; въ послѣднія минуты жизни вздохнулъ три раза, и отдалъ Богу душу. Извѣстіе о смерти его быстро распространилось; не прошло г

часу послѣ его кончины народъ во множествѣ стекался къ митрополичьимъ палатамъ, на лицахъ замѣтно было глубокое сожалѣніе о потерѣ незабвеннаго архипастыря. Послѣ облаченія тѣла, въ 3 часу по полудни, совершена была панихида. Вечеромъ въ субботу, по обычному порядку, въ домашней митрополичьей церкви совершено было всенощное богослуженіе, послѣ котораго въ 7½ часовъ началась предъ покойникомъ панихида, на которой присутствовало очень много народу. Не малое число предстоящихъ, особенно изъ дамъ, не могли удержаться отъ слезъ. При окончаніи панихиды, совершавшій оную преосвященный викарій Іосифъ сказалъ краткую рѣчь, въ которой упомянулъ о томъ, что новопреставившемуся въ сей день предуготованъ путь къ престолу Царя славы двумя великими тружениками земли русской и святыми мужами: великимъ княземъ Александромъ Невскимъ и святителемъ Митрофаномъ Воронежскимъ, которые оба отошли къ Господу въ этотъ же день, т. е. 23-го ноября. Затѣмъ панихиды назначены три раза въ сутки: утромъ въ 8 часовъ, въ полдень въ 12 час. и вечеромъ въ 7½ часовъ. Въ воскресенье, 24 числа, утреннюю панихиду пѣли ученицы виленскаго духовнаго училища, объ устройствѣ котораго такъ ревностно хлопоталъ почившій владыка и которому, какъ уже замѣчено, пожертвовалъ значительную сумму денегъ. Затѣмъ въ обычное время совершена была преосвященнымъ викаріемъ Іосифомъ въ домашней митрополичьей крестовой церкви литургія, послѣ которой, по литіи, тѣло покойнаго благочестно положено было во гробъ и перенесено въ туже домашнюю его церковь, гдѣ совершена была панихида. При этомъ служеніи, равно какъ и при выносѣ тѣла, присутствовали г. главный начальникъ края, прочія начальственныя лица и весьма много частной публики. Вечернюю панихиду совершалъ прибывшій изъ

ложайскаго монастыря, пребывающій тамъ на покоѣ высокопреосвящ. архіепископъ, б. минскій Антоній 25-го ноября совершенъ торжественный выносъ тѣла изъ Крестовой церкви въ каѳедральный Николаевскій соборъ; шествіе происходило по особому церемоніалу, съ хоругвями, въ сопровожденіи двухъ архіереевъ и всего духовенства города, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго; стеченіе народа было весьма многочисленное, не смотря на дождь и слякоть. По внесеніи тѣла въ соборъ, краснорѣчивый нашъ проповѣдникъ протоіерей древняго митрополичьяго собора Пречистыя, о. Антоній Пщолко, сказалъ рѣчь съ такимъ чувствомъ и одушевленіемъ, что почти всѣ слушатели тронуты были до слезъ. Литургію совершалъ высокопреосвященный Антоній, а панихиду опять оба преосвященные. Во время выноса и торжественнаго шествія, при литургіи и панихидѣ присутствовали г. главный начальникъ края и всѣ прочіе начальствующіе и служащіе въ полной парадной формѣ, а также воспитанники и воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній въ Вильнѣ. По окончаніи панихиды, во 2-мъ часу по полудни, тѣло оставлено въ соборѣ, а при немъ безпрерывно продолжалось обычное чтеніе Евангелія священниками, поочередно.

Мѣсто для вѣчнаго упокоенія тѣла митрополита Іосифа избрано имъ самимъ въ пещерѣ Свято-Духовской церкви, въ каменномъ гробѣ, устроенномъ по его желанію, еще при жизни его, подъ ракою трехъ виленскихъ мучениковъ.

Сотрудники его въ дѣлѣ спасительнаго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, его сослуживцы и помощники въ дѣлѣ управленія западно-русскою паствою стеклись отдать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему архипастырю. Кромѣ викарія литовской епархіи, Іосифа, епископа ковенскаго, прибыли въ Вильну: высокопреосвященный Антоній, быв

шій минскій архіепископъ; преосвященный Игнатій, другой викарій покойнаго митрополита, епископъ брестскій; высокопреосвященный Михаилъ, бывшій минскій архіепископъ; преосвященный Александръ, епископъ минскій, недавній викарій покойнаго митрополита. Прибылъ также высокопреосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, и г. оберъ прокуроръ святѣйшаго сѵнода. Преосвященный Игнатій въ понедѣльникъ вечеромъ, 25 числа, и во вторникъ утромъ совершалъ панихиды и въ тотъ же день литургію; вечернюю панихиду во вторникъ совершалъ высокопреосвященный Михаилъ, онъ же совершалъ въ среду, 27-го числа, литургію. Утреннюю панихиду въ этотъ день совершалъ преосвященный Александръ, а вечернюю — преосвященный викарій Іосифъ. Какъ литургію, такъ и панахиды совершались соборне, въ сослуженіи мѣстнаго городскаго духовенства и прибывшихъ изъ епархіальныхъ монастырей архимандритовъ, при многочисленномъ всегда стеченіи народа. Въ среду, по совершеніи богослуженія высокопреосвященнымъ Михаиломъ, отправлена была предъ гробомъ панихида духовенствомъ виленскаго женскаго монастыря въ присутствіи игуменіи и всѣхъ сестеръ этой общежительной обители при умилительномъ пѣніи женскаго монастырскаго хора, равно какъ и въ воскресенье, 25 числа, въ 4 часа по полудни.

СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 26 НОЯБРЯ 1868 Г. ВО ВРЕМЯ ЛИТУРГІИ СВЯЩЕННИКОМЪ ІОАННОМЪ КОТОВИЧЕМЪ.

Въ Бозѣ почившій архипастырю!

Позволь мнѣ, младшему въ сонмѣ здѣшнихъ священнослужителей, повторить нынѣ окружающей твой гробъ осиротѣлой твоей паствѣ тѣ слова, которыя ровно 10 лѣтъ тому назадъ ты сказалъ ей съ свойственнымъ тебѣ величественнымъ спокойствіемъ, въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней твоей

жизни, при освященіи благолѣпно устроеннаго твоими трудами храма въ томъ самомъ зданіи, въ которомъ ты, по собственному сознанію, провелъ лучшее время жизни, готовясь къ великому служенію церкви и отечеству. *«Вотъ мнѣ уже 60 лѣтъ,* говорилъ ты тогда. *Если это послѣдній годъ моей жизни, послѣдній годъ моего служенія, послѣднія мои къ вамъ слова; то не забудьте о вашемъ пастырѣ: не судите о немъ по тому, чего не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ; но по тому, что совершилъ дѣйствительно съ Божіею помощію, ко благу своея паствы, своея церкви, своего отечества, и съ чѣмъ уповаетъ онъ предстать на судъ праведный Господа.»* (Слова и рѣчи его, 120 стр. изд. 3-е).

Къ нашему счастію, этотъ годъ не былъ послѣднимъ годомъ твоей жизни и твоего служенія; но тогдашнія твои слова были послѣдними словами *непосредственно* изъ устъ твоихъ обращенными къ любящей тебя паствѣ. Она уже была лишена въ послѣдующее время твоего всенароднаго слова, такъ всегда знаменательнаго и въ высшей степени назидательнаго. Но если твое молчаніе смущало насъ; за то мы много лѣтъ утѣшались, видя и чувствуя, что дѣло, начатое и съ Божіею помощію совершенное тобой, неослабно двигалось впередъ, не умаляясь ни въ степени своей силы, ни въ обиліи добрыхъ послѣдствій.

Даже, если бы ты успѣлъ совершить только то, что совершилъ въ послѣднія десять лѣтъ, то и это дѣло заслужило бы вѣчной нашей благодарности. Но предъ нами не 10 лѣтъ; предъ нашими глазами предносится 40-ка-лѣтняя твоя пастырская дѣятельность, такъ знаменитая, такъ обширная и благотворная, что оцѣнить ее вполнѣ мы теперь не въ силахъ, но потерю которой мы сильно чувствуемъ и долго будемъ чувствовать.

Мы, братія-христіане, съ сердечною скорбію окружаемъ этотъ гробъ, въ которомъ почиваетъ нашъ добрый архипастырь, маститый патріархъ осиротѣлой паствы. Мы ждемъ его благословенія, его привѣтливо-внушительнаго взгляда, его назиданія; но—десница его не подвижна; очи закрылись отъ насъ на вѣки, слово замерло на устахъ его. За то онъ самъ, его свѣтлая личность, совершенное имъ дѣло пусть

послужатъ для насъ самымъ лучшимъ наставленіемъ и утѣшеніемъ въ эти горестныя для насъ минуты.

Такія личности, какъ въ Бозѣ почившій архипастырь, являются рѣдко, являются только въ критическія минуты жизни церкви и гражданскихъ обществъ. Господь избралъ его и поставилъ на свѣщникѣ служенія церкви въ то именно время, когда бывшая здѣсь унитская церковь и остатки русской народности были безщадно гонимы, когда представители оныхъ подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ и униженію. Ихъ стоны и мольбы о спасеніи замирали безъ всякаго отголоска. Оставалось или преклониться предъ враждебною силою, или разорвать всякій союзъ съ нею и обречь себя на всевозможныя жертвы и гоненія, чтобъ идти путемъ правды и истины. Тогда-то является на горизонтѣ нашей западно-русской церкви, какъ благодатное свѣтило, великая личность почившаго архипастыря. Обладая обширнымъ и быстрымъ умомъ, многостороннею начитанностію, рано развившею въ немъ критическій взглядъ, безъ труда и рѣзко отдѣлявшій хитросплетенную ложь отъ истины; пріобрѣвши, вслѣдствіе этого, самостоятельность въ своихъ убѣжденіяхъ; питая при этомъ неподдѣльную любовь къ русской природной ему народности и преданіямъ русской завѣтной старины, сердечно имъ любимой,—онъ выступилъ на защиту угнетѣнной церкви и народности, велъ и окончилъ это дѣло съ величайшимъ и почти безпримѣрнымъ въ исторіи успѣхомъ. Подумайте сами, христіане! До 300 лѣтъ съ неимовѣрнымъ единодушіемъ и коварствомъ работала въ сей странѣ враждебная сила, чтобы покорить латинству исконн бывшее здѣсь православіе и уничтожить самое имя русскаго народа. Больше 2-хъ милліоновъ народа должны были уступить этому насилію. Но къ чему привели всѣ эти усилія враговъ? Къ тому, чтобы мы въ наше время были очевидцами, какъ непрочно и шатко неправое дѣло, какъ оно быстро разрушается, если въ основаніи его не лежитъ истина и любовь. Въ нѣсколько лѣтъ—замѣтьте: въ нѣсколько—пали всѣ усилія непріязненныхъ намъ братій, благодаря уму, твердой волѣ и непоколебимой любви къ православію почивающаго предъ нами святителя.

Началомъ этого великаго подвига съ его стороны была

историческая записка, въ которой онъ поразительно вѣрно обрисовалъ бѣдственное положеніе уніатской церкви и ея необразованныхъ пастырей, тотъ гнетъ, который несла она отъ беззаконнаго іезуитско-базиліанскаго ордена, и указалъ тѣ средства, какія могутъ спасти эту церковь. Записка эта въ 1827 г. была представлена на усмотрѣніе императору Николаю Павловичу, который сразу оцѣнилъ глубокій умъ покойнаго архипастыря и до конца своей жизни питалъ къ нему полное довѣріе и уваженіе. Послѣдовавшій за тѣмъ рядъ правительственныхъ мѣръ былъ отвѣтомъ на этотъ могучій и потрясающій голосъ. Уніатская церковь поставлена была въ независимость отъ враждебныхъ вліяній.

Затѣмъ на образованіе уніатскаго духовенства покойный владыка обратилъ все свое вниманіе. Онъ по опыту узналъ, что только основательное умственное и нравственное образованіе и развитіе можетъ освободить это духовенство изъ подъ вліянія латинства и образовать изъ него достойныхъ представителей церкви. Плодомъ его желаній и неусыпныхъ трудовъ является основанная въ м. Жировицахъ духовная семинарія, этотъ первенецъ его любви и заботъ. Здѣсь то въ безмятежной тиши, подъ покровомъ небесной Царицы, внѣ вліянія латинства, мудростію почившаго совершилось полное возрожденіе западно-русскаго края въ духѣ православія. Здѣсь, скажемъ болѣе, совершилось спасеніе западнаго края для всей Россіи. Православіе связало первый съ послѣднею самыми тѣсными и неразрывными узами—узами духовными, сердечными, предъ которыми по неволѣ преклоняются политическія системы. Знамя православія такъ высоко поднято здѣсь рукою почившаго святителя, что уже нѣчто не поколеблетъ его. Напротивъ, мы, сыны православной церкви, постоянно утѣшаемся умилительнымъ зрѣлищемъ: подъ это знамя безпрерывно собираются отпавшіе отъ прародительской вѣры наши братья, находя подъ этимъ знаменемъ истину, спокойствіе совѣсти и тихое пристанище послѣ вѣковыхъ треволненій. Покойный архипастырь все это предвидѣлъ, и понятна его сердечная радость, когда настало время исполненія этого предвидѣнія. Всемогущій податель жизни, наконецъ, сподобилъ его праздновать память 25-лѣтія послѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью

и насладиться плодами своихъ неусыпныхъ и часто не безпечальныхъ трудовъ.

Гдѣ же тайна этого быстраго успѣха? Что это за могучая сила, которая невольно располагала къ нему сердца пасомыхъ и даже снискала расположеніе и уваженіе къ нему въ людяхъ противныхъ ему убѣжденій? *Не намъ, не намъ, а имени Твоему, Всемогущій, подобаетъ подвигъ сего великаго дѣла* (27 стр. ibid.), отвѣчаетъ намъ святитель. Но если смиреніе его и побуждало его уменьшать достоинство собственныхъ заслугъ, искало причинъ этого успѣха только въ помощи свыше, то да будетъ позволено намъ сказать, что причина этого успѣха не мало зависѣла и отъ личнаго его характера и его непреклонныхъ убѣжденій. 23 года тому назадъ почившій архипастырь, стоя на этомъ мѣстѣ, произнесъ исполненныя величественнаго спокойствія слѣдующія слова: *Ты*, обращается онъ къ Богу, *знаешь, что исполненіе лежащаго на мнѣ долга никогда несопровождалось во мнѣ непріязненными чувствами къ отдѣленнымъ отъ насъ по вѣрѣ братіямъ; что всѣ мои съ ними сношенія растворялись внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣніемъ, часто, можетъ быть, даже излишнимъ; что это чувство любви къ нимъ есть обѣтомъ всея моея жизни, и ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мнѣ пришлось запечатлѣть кровію это душевное расположеніе*» (39 стр. ibid.)— Знаменательныя и поучительныя для насъ, современниковъ, слова! Дѣйствительно, высокое чувство гуманности отличало его во всю жизнь, и здѣсь-то нужно искать разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ.

И вотъ, братія, намъ пришлось быть свидѣтелями и участниками скорбнаго для сердца событія—отдать послѣдній сыновній долгъ своему архипастырю. Утрата горестная и едва ли вознаградимая! Паства лишается въ его лицѣ пастыря мудраго, сильнаго словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и людьми, отца благопопечительнаго и любвеобильнаго. Долговременная жизнь, проведенная въ испытаніяхъ и борьбѣ, выработала въ немъ житейскую мудрость и опытность. Онъ понималъ смыслъ жизни и предугадывалъ ея теченіе, а потому у него не рѣдко искали мудрыхъ совѣтовъ даже высо-

сопоставленныя въ управленіи лица. Но особенно чувствительна эта утрата для насъ, меньшихъ сослужителей его по благодати священства, и для васъ, духовные питомцы, будущіе продолжатели его дѣла. Я самъ извѣдалъ и видѣлъ вниманіе и благорасположеніе почившаго владыки къ учащемуся юношеству и потому могу понимать постигшую васъ печаль. На васъ, по преимуществу, на васъ онъ сосредоточивалъ свои заботы, васъ лелѣялъ, какъ родныхъ дѣтей; ваши успѣхи—умственные и нравственные—высоко его радовали; всѣ вы находили въ немъ поощреніе, ободреніе, а въ иныхъ случаяхъ благодушное терпѣніе и милостивое снисхожденіе. Правда и милость чуднымъ образомъ сочетавались въ его лицѣ и сдѣлали его еще болѣе дорогимъ и близкимъ нашему и вашему сердцу.

И теперь уже нѣтъ между нами нашего отца и благодѣтеля! И какъ пророкъ Елисей, видя отходящаго на небо пророка Илію, взывалъ къ нему: «Отче! Отче! охрана и защита Израиля!»—такъ и мы, видя тебя на вѣки разлучающагося съ нами, невольно повторяемъ тоже: Отецъ нашъ, отецъ нашъ! наша защита, наша охрана! Куда ты идешь? И что намъ оставляешь? Илія оставилъ Елисею милоть, имѣвшую чудодѣйственныя свойства; *ты же*, доблестный Божій, оставляешь намъ въ завѣщаніе величественное дѣло, тобою совершенное, дабы мы сохраняли и продолжали оное на славу Божію и спасеніе людей! Оставляешь намъ духъ глубокаго правовѣрія и сознанія своего долга, духъ евангельской любви, бывшіе правиломъ твоей жизни. Оставляешь намъ высокій примѣръ самоотверженія, терпѣнія, необыкновеннаго трудолюбія, вниманія къ нуждамъ пасомыхъ, замѣчательной въ наше время простоты жизни и др. качествъ, достойныхъ нашего подражанія.

Готовясь не-задолго на вѣки проститься съ тобой, спѣшимъ возблагодарить тебя, добрый отецъ нашъ, за все, сдѣланное тобою для нашего блага. Благодаритъ тебя литовская паства, узнавшая чрезъ тебя свѣтъ истины и осчастливленная твоимъ мудрымъ попеченіемъ. Благодаритъ и вѣчно будетъ благодарить тебя преданное и любящее тебя духовенство, видѣвшее въ тебѣ образъ добраго и внимательнаго пастыря и пользующееся отъ тебя и чрезъ тебя столь кими благодѣяніями, направленными къ устройству его луч

шей участи и приличному воспитанію его дѣтей. Благодаритъ тебя каждый русскій, любящій свое отечество, его честь, славу и цѣлость; онъ не можетъ не отдать тебѣ дани благодарности за твои великіе государственные подвиги. Благодаритъ тебя и вся вообще всероссійская церковь, которой ты былъ лучшимъ украшеніемъ въ теченіи столькихъ лѣтъ. Она никогда не забудетъ твоего великаго подвига, которымъ ты пріобрѣлъ ей болѣе 2-хъ милліоновъ новыхъ чадъ. Ты грозно, честно и высоко держалъ въ своихъ рукахъ знамя православія въ странѣ сей, соприкасающейся съ западнымъ міромъ, такъ озлобленнымъ противъ истинъ православія.

Отнынѣ имя твое принадлежитъ исторіи!

Иди же съ миромъ въ вѣчный покой, святый владыко напутствуемый нашею искреннею благодарностію, нашими благожеланіями и усердными молитвами!

Ты, во-истину, съ апостоломъ Павломъ можешь сказать о себѣ: *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ,* съ чѣмъ, *ты и уповаешь предстать на судъ праведный Господа.* Аминь!

(Вил. Вѣст.)

ПОГРЕБЕНІЕ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

29-го ноября, по удару колокола къ обѣднѣ въ каѳедральномъ свято-Николаевскомъ соборѣ, гдѣ стояло тѣло усопшаго іерарха, православное виленское общество, безъ различія званія и состоянія, спѣшило ко храму Господню отдать послѣдній долгъ почившему о Господѣ архипастырю. Стеченіе народа было громадно: обширный каѳедральный соборъ быстро переполнился народомъ, такъ что множество желающихъ проникнуть въ него, за тѣснотою, должно было остаться на паперти и около собора. Это по истинѣ необычайное стеченіе молящихся наглядно свидѣтельствовало о томъ, съ какимъ сочувствіемъ отнеслось все

здѣшнее общество къ великимъ заслугамъ покойнаго архипастыря. Литургію совершали три іерарха—высокопреосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, преосвященный Александръ, епископъ минскій, и преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, въ присутствіи г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, г. главнаго начальника края и прочихъ начальствующихъ и служащихъ, равно и воспитанниковъ всѣхъ христіанскихъ учебныхъ заведеній г. Вильны и множества предстоящихъ всѣхъ званій и состояній. Высокопреосвященный Макарій сказалъ при этомъ высоко-назидательное поученіе, въ которомъ въ общепонятныхъ и проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ выраженіяхъ изобразилъ пастырское служеніе высокопреосвященнаго митрополита Іосифа, его заслуги предъ Богомъ, церковію и отечествомъ въ дѣлѣ возвращенія своей паствы къ праотеческой вѣрѣ, къ духовному общенію съ единою, соборною и апостольскою церковью, напомнивъ о томъ, что преемники его служенія и вся православная паства должны принять отъ него завѣтъ, выраженный въ словахъ апостола: «бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, укрѣпляйтеся духомъ» и хранить этотъ завѣтъ неизмѣнно...

Непосредственно послѣ литургіи началось погребальное отпѣваніе, которое совершали шесть архіереевъ, четыре архимандрита и многочисленный соборъ прочаго духовенства, какъ городскаго, такъ и нарочно прибывшаго изъ епархіи. Едва ли видѣла Вильна когда либо столько купно предстоящихъ престолу и молящихся іерарховъ, едва ли было въ ней когда либо такое собраніе пастырей церкви, ревнителей православной вѣры. Во время совершенія погребальнаго отпѣванія снова было произнесено поучительное слово о. инспекторомъ литовской семинаріи, архимандритомъ Мелетіемъ.

По окончаніи положеннаго по чину отпѣванія благовѣйный сонмъ молящихся еще разъ спѣшилъ проститься съ приснопамятнымъ святителемъ. Не безъ удивленія замѣчено всѣми, что не смотря на шестидневное пребываніе останковъ покойнаго подъ вліяніемъ разнообразныхъ температуръ—въ теплыхъ комнатахъ его покоевъ, въ болѣе прохладной домовой его церкви и наконецъ въ соборѣ,—тѣло его нисколько не подверглось вліянію разлагающей стихіи: спокойный ликъ великаго архипастыря изображалъ его, какъ бы уснувшимъ. Въ массахъ людей, приходившихъ въ послѣдніе дни поклониться усопшему, невольно вырывались восклицанія о нетлѣнности... При выносѣ тѣла изъ собора, погребальное шествіе съ величайшею торжественностію, по особому церемоніалу, направилось къ свято-Духовскому монастырю. Вся обширная соборная площадь, начиная отъ ратуши до свято-Троицкаго монастыря, была тѣсно занята народомъ.

Тутъ стояли въ благоговѣйномъ ожиданіи христіане и іудеи. Войска въ парадѣ, высокоподнимающіяся городскія знамена, священныя хоругви и иконы, гробъ, несомый архимандритами и іереями, съ возвышающимся надъ нимъ балдахиномъ, многочисленный соборъ духовенства, пѣніе пѣвчихъ, гулъ колоколовъ цѣлой Вильны и густая движущаяся масса народа—все это представляло зрѣлище глубоко трогательное и торжественное. Не смотря на необычайное стеченіе разновѣрной и разноплеменной публики, процессія совершалась въ величайшемъ порядкѣ и съ полною благоговѣйностію.

По внесеніи гроба въ церковь свято-Духовскаго монастыря и по отправленіи литіи, онъ благочестно опущенъ былъ въ каменный небольшой склепъ, въ пещерѣ, гдѣ почиваютъ мощи трехъ виленскихъ мучениковъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ гробъ, по-

ложена чугунная доска, съ надписью: «помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего святителя Іосифа. Святые виленскіе мученники Антоніе, Іоанне и Евстафіе, молите Бога о мнѣ. 1850 года». Годъ этотъ обозначенъ потому, что доска приготовлена по распоряженію покойнаго митрополита еще въ 1850 году. Такъ заранѣе приготовлялся нашъ святитель къ отшествію изъ міра сего. Мысль эта не оставляла его и въ послѣдствіи: въ 1862 году онъ писалъ: «Неизвѣстенъ часъ и минута, когда Всевышній призоветъ меня отъ сей временной къ вѣчной жизни. А пора, давно бы пора! Я совершилъ призваніе, къ нему же призва меня Господь-Богъ, и вполнѣ убѣжденъ, что исполнилъ святую волю Его. Благодарю Царя небеснаго, благодарю и царя земного! Прошелъ я донынѣ жизнь, хотя и не безъ тяжкихъ испытаній, не безъ тягостной борьбы, но и не безъ сладостной сердцу отрады—все мое служеніе, всѣ мои начинанія вѣнчались благимъ успѣхомъ» (изъ неизданныхъ документовъ архипастыря). И вотъ когда исполнилось время кончины и погребенія нашего святителя! Миръ праху твоему, доблестный мужъ и архипастырь!—Память о тебѣ, какъ о великомъ поборникѣ православія и историческомъ народномъ дѣятелѣ, пребудетъ вѣчною въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ ПОГРЕБЕНІЯ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО, ВЪ ПЯТНИЦУ, 29-ГО СЕГО НОЯБРЯ.

I. Погребеніе въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, назначено въ пятницу, 29 ноября, по совершеніи въ каѳедральномъ соборѣ Божественной литургіи и отпѣванія.

II. Во всѣхъ церквахъ города Вильны, монастырскихъ и приходскихъ, Божественная литургія въ сей

день совершилась къ 9-ти часамъ утра; въ каѳедральномъ же соборѣ послѣдовалъ благовѣстъ къ литургіи въ 9½ часовъ началась литургія и, по совершеніи оной, отпѣваніе въ Бозѣ почившаго архипастыря.

III. Къ отпѣванію приглашено все мѣстное духовенство, какъ то: архимандриты, протоіереи, священники съ діаконами, іеромонахи и іеродіаконы свято-Духова и свято-Троицкаго монастырей, въ черныхъ облаченіяхъ, равно какъ архимандриты, протоіереи, священники и діаконы, прибывшіе къ сему случаю въ городъ Вильну изъ епархіи.

IV. Послѣ отпѣванія послѣдовалъ выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго архипастыря изъ каѳедральнаго собора въ свято-Духовъ монастырь. Шествіе направилось по большой улицѣ.

V. Порядокъ шествія былъ слѣдующій:

1) Хоругви, которыя были принесены ко времени выноса къ каѳедральному собору: двѣ—пречистенскаго собора и между ними братская хоругвь; двѣ—Никольской церкви; двѣ—свято Духовской церкви; двѣ—церкви свято-Троицкаго монастыря и двѣ—каѳедральнаго собора; хоругви сіи несли въ черныхъ стихаряхъ причетники и послушники, по назначенію правящихъ монастырями и настоятелей церквей.

2) Гробовая крыша, которую несли 4 діакона.

3) Ученики обѣихъ виленскихъ гимназій, по 6 въ рядъ.

4) Семинарскіе пѣвчіе, а предъ ними воспитанники семинаріи и духовнаго училища, по 6 въ рядъ.

5) Выборные отъ всѣхъ городскихъ сословій.

6) Виленская городская дума.

7) Виленскій городской голова.

8) Чиновники консисторіи, наставники семинаріи и училища, въ мундирахъ, по 2 въ рядъ.

9) Знаки отличій и ордена, несенные священниками:

а) Золотая медаль въ память возсоединенія уніи. медали и наперсный крестъ въ память войны 1853—1856 годовъ;

б) Орденъ св. Анны 1-й степени.

в) Орденъ св. Владиміра 1-й степени.

г) Алмазные знаки ордена св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

д) Алмазные знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

е) Бриллiантовый крестъ и панагія.

ж) Посохъ, украшенный алмазами, пожалованный почившему архипастырю Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ.

10) Діаконы, священники, протоіереи и настоятели монастырей по два въ рядъ.

11) Архіерейскіе пѣвчіе.

12) Евангеліе, иконы Спасителя, Богородицы, святителя Николая и Іосифа Обручника, несенныя священниками.

13) Преосвященные архіереи.

14) Лампада (свѣтильникъ) и посохъ, употреблявшіеся почившимъ архипастыремъ въ богослуженіи, несенные іеродіаконами.

15) Бѣлый клобукъ съ малымъ омофоромъ на блюдѣ, несенный іеромонахомъ.

16) Митра съ большимъ омофоромъ на блюдѣ, несенная іеромонахомъ.

17) Два діакона съ дикиріемъ и трикиріемъ, два діакона или причетника съ рипидами и два діакона съ кадильницами по сторонамъ гроба.

18) Гробъ почившаго архипастыря, несенный архимандритами, протоіереями и священиками; надъ гробомъ шесть діаконовъ, или причетниковъ несли балдахинъ; при гробѣ по угламъ 4 хоругви несли воинскіе или гражданскіе чины.

VI. Мѣста на пути шествія раздѣлялись на слѣ

[ств]ующія чреды, гдѣ преосвященными совершались литии:

1) У домовой церкви его высокопреосвященства, почившаго архипастыря.

2) Противъ воротъ свято-Троицкаго монастыря, и отсюда

3) Во вратахъ свято-Духова монестыря.

VII. По вшествіи въ монастырь, гробъ обносился вокругъ монастырской церкви, съ отправленіемъ литій предъ южными дверями, за алтаремъ и предъ сѣверными дверями храма, и за тѣмъ внесенъ въ церковь.

VIII. По постановленіи гроба на уготованное мѣсто въ большой монастырской церкви, совершилась литія, а послѣ оной гробъ отнесенъ въ устроенную, еще при жизни архипастыря, въ пещерной церкви могилу.

IX. Во время перенесенія тѣла усопшаго высокопреосвященнаго митрополита къ мѣсту погребенія во всѣхъ церквахъ г. Вильны производился соотвѣтствующій сему случаю перезвонъ.

Слово произнесенное протоіереемъ Левицкимъ, на паннихидѣ 28-го ноября.

Только нѣсколькими днями болѣе года миновало, какъ православная церковь наша лишилась великаго своего святителя въ лицѣ высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, этого твердаго столпа вѣры православной. Мы знаемъ, мы помнимъ и всегда будемъ помнить эту великую потерю нашу. Но не менѣе важную потерю понесли мы и въ тебѣ, почившій великій святитель и архипастырь нашъ! Говоря *мы*, я разумѣю всю западно-русскую церковь и всѣхъ ея православныхъ чадъ, нѣкогда отторгнутыхъ отъ православія *насиліемъ*, а тобою и крѣпкою твоею и твоихъ сподвижниковъ *любовію* возсоединенныхъ опять съ православнымъ востокомъ. По истинѣ, ты нашъ великій архипастырь и отецъ тоже для насъ въ частности, что приснопамятный святитель московскій Филаретъ въ частности для православ-

ной Руси восточной. Не станемъ проводить въ паралел деятельность обоихъ святителей. Скажемъ только вообще: это два столпа и светильника православія почти одновременно воздвигнуты промысломъ Божіимъ, одинъ—поставленный на востоке православной Руси, чтобы утверждать по преимуществу тамъ веру Христову и проливать светъ Христовъ, и другой—на западе ея, чтобы здесь возжечь угасающій светильникъ среди омраченнаго запада и утвердить здесь туже веру Христову. Но вотъ, оба эти столпа пали, оба эти светильника угасли тоже почти единовременно. Да пали, угасли! Но не будемъ пререкать премудрому Промыслу Божію. Оба они пали, угасли почти единовременно, но не можемъ сказать безвременно. Оба эти святителя, которыхъ справедливо можемъ называть столпами нашего православія и светильниками нашей веры, прошли уже предопределенное имъ поприще великаго служенія Царю небесному и царямъ земнымъ и, предъуготовявъ духовную ниву для дальнейшаго возделыванія и сеянія и самихъ на ней деятелей, сошли съ этого поприща, чтобы почить отъ трудовъ своихъ и увенчаться за оные венцами небесными.

Да сошелъ и ты великій святитель нашъ, совершивъ великій свой подвигъ.

Благодарю Бога и принимаю, такъ изрекъ царь земный, когда ты, на веки незабвенный нашъ архипастырь, совершилъ свое дело и предъуготовивъ более двухъ милліоновъ заблудшихъ отъ истины словесныхъ овецъ къ принятію истины, повергъ къ его царскимъ стопамъ единомысленныя верноподданическія ихъ чувства. Эти царскія слова сделались девизомъ всей твоей деятельности. Они съ самыхъ юношескихъ нашихъ дней отзываются въ нашихъ ушахъ и сердцахъ особеннымъ благозвучіемъ и всегда исторгаютъ у насъ слезы умиленія. Великій совершенный тобою подвигъ есть самый драгоценный алмазъ въ твоей всякими добродетелями украшенной жизни, алмазъ несравненно дороже техъ, которые украшали главу и перси твои, и сей драгоценнейшій твой жезлъ пастырскій.—Такъ благодарны тебе были за твое великое служеніе цари земные; не остались, не останутся неблагодарными тебе и народы, приведенные тобою къ правде и чрезъ тебя познавшіе светъ истины Христовой

Ибо что это значитъ, что цѣлый сонмъ священнослужителей, тебѣ на твои воззванія всегда послушный, но нынѣ тобою и никѣмъ не званный, при одной печальной вѣсти о твоей кончинѣ, собрался не только изъ близкихъ, но и дальнихъ мѣстъ и постоянно, день и ночь, молитвенно окружаетъ бренныя твои останки? Что это значитъ, что и знаемые и незнаемые тобою, даже и тѣ, въ которыхъ выражалось противленіе твоему слову, денно-нощно спѣшатъ, чтобы припасть къ твоему гробу, поклониться останкамъ твоимъ? Не есть ли это выраженіе заслуженной тобою общей благодарности нашей къ тебѣ, не есть ли это обнаруженіе общей народной любви къ тебѣ, невольнаго благоговѣнія къ твоимъ трудамъ и подвигамъ и къ твоей ничѣмъ незапятанной, во истину благочестной жизни. Съ умиленіемъ взирали мы на тебя священнодѣйствующаго въ храмахъ нашихъ, привѣтствовали всѣ входы и исходы твои, всѣ начинанія и совершенія трудовъ твоихъ; съ благодареніемъ же провожаемъ тебя и при твоемъ исходѣ изъ міра сего, и никогда не престанемъ возносить горячія молитвы и творить поминовенія о тебѣ. Уповаемъ, что благодарность воздастся тебѣ за твои подвиги и тамъ, въ обителяхъ небесныхъ; что и самъ Царь небесный воздастъ тебѣ благодарностію и приметъ тебя въ Свой чертогъ и послѣ трудовъ твоихъ упокоитъ тебя тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но блаженная жизнь безконечная. Аминь.

НА МОГИЛУ ВЕЛИКАГО АРХИПАСТЫРЯ.

*(Посвящается памяти митрополита Іосифа и графа Д. Н. Блудова *).*

Почти цѣлая недѣля посвящена была въ Вильнѣ памяти нашего почившаго архипастыря. Въ соборѣ три раза въ-

---

*) Въ спасительномъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковію съ именемъ митрополита Іосифа неразрывно соединено имя другаго государственнаго человѣка— графа Дмитрія Николаевича Блудова. Оцѣнка ихъ дѣятельности принадлежитъ исторіи. Благоговѣя предъ совершеннымъ ими подвигомъ, принимаемъ смѣлость посвятить памяти ихъ обоихъ эти немногія строки, какъ выраженіе признательной дани сердца.

[д]ень совершались панихиды, затѣмъ въ остальные часы, [д]немъ и ночью производилось чтеніе евангелія, и церковь [в]сегда была полна народу; православные посѣщали церковь и ночью. Въ эти дни какая то сила тянула въ соборъ. Было что то величественное въ этомъ всеобщемъ поклоненіи [о]тшедшему въ вѣчность великому мужу; не съ слезами и [п]лачемъ, но съ сосредоточенною серьезностію на лицахъ, съ [к]акимъ-то необъяснимымъ душевнымъ трепетомъ подходили [к]ъ гробу... Было что-то глубокое, торжественное во всемъ, [ч]то совершалось въ эти дни въ храмѣ, какъ бы чувствовалось вѣяніе великаго духа.... наконецъ отдана послѣдняя [з]емная почесть усопшему. Не буду говорить о томъ, съ [к]акою умилительною торжественностію проводила святая церковь своего маститаго сподвижника въ жизнь вѣчную и какъ [п]ростилась съ нимъ осиротѣлая паства. Но вотъ что я видѣлъ и чего въ жизнь свою не забуду: предо мною соборная площадь и за нею улица, ведущая къ монастырю св. [Д]уха; все это пространство залито народомъ. Небо мрачно. [Б]уря. Холодный вѣтеръ мечетъ пескомъ и снѣгомъ, тамъ, [в]дали, сонмъ духовенства со святыми иконами близится къ [м]онастырю; за духовенствомъ, окруженный хоругвями, подъ [к]раснымъ балдахиномъ, медленно слѣдуетъ гробъ святителя, [з]а нимъ масса народа съ обнаженными головами. По Вильнѣ со всѣхъ церквей разносится звонъ колоколовъ. Хоругви наклоняются отъ вѣтра, вьются и трепещутъ; но сквозь [э]ту бурю, среди безчисленнаго народа, дорогой для Россіи [г]робъ идетъ твердо, вѣрно, шагъ за шагомъ, идетъ туда, [к]ъ тому мѣсту, заранѣе самимъ святителемъ уготованному, гдѣ почіютъ великіе мученики Литвы, слишкомъ пятьсотъ [л]ѣтъ тому назадъ пострадавшіе здѣсь за вѣру православ[н]ую. И чѣмъ ближе, великій усопшій къ мѣсту послѣдняго своего убѣжища, тѣмъ буря сильнѣе и яростнѣе. Но онъ пришелъ туда, гдѣ быть ему предназначалось, и подъ нетлѣнными мощами святыхъ мучениковъ Литвы принялъ вѣчное успокоеніе.

Не есть-ли это послѣднее шествіе архипастыря подобіе его жизни, его великаго подвига? Мысль перенеслась къ минувшему, и въ этомъ шествіи, во очію, изобразился тотъ подвигъ, коему всецѣло была посвящена жизнь почившаго

святителя. Вотъ онъ съ своимъ духовенствомъ идетъ сквозь бурю страстей и козней, идетъ медленно, но съ могучею волею, твердо, увѣренно, и ведетъ за собою два милліона народа. «Не краткій этотъ путь, повѣствуетъ онъ самъ, прошелъ я не безтягостно, не безпечально, среди борьбы и противленія»; но передъ силою духа сокрушились всѣ преграды, онъ привелъ свой народъ и тихо, мирно, съ любовію передалъ древней матери отторгнутыхъ отъ нея дѣтей. Въ современной исторіи, въ дѣяніяхъ не государей, но подданныхъ, я не вижу, не знаю подвига выше, краше, благоплоднѣе, чѣмъ тотъ, какой совершилъ отшедшій нынѣ духовный народный вождь. И не во внѣшней силѣ, не въ силѣ власти, но въ крѣпости своего духа, въ глубинѣ своей любви нашелъ онъ средства къ совершенію своего подвига. Душа его была многообильна любовію ко всѣмъ, и къ другамъ и къ недругамъ. «Чѣмъ мы обязаны иновѣрнымъ нашимъ братіямъ?, поучалъ онъ свою паству, — любовію, любовію, любовію! повторяю и всегда повторять буду съ возлюбленнымъ ученикомъ Іисуса Христа. Одна только любовь можетъ усладить все, что есть тягостнаго, въ непреклонности нашего долга, любовь извинитъ заблужденіе, любовь отклонитъ прекословіе, любовь умиритъ страсти кротостію ангельскаго смиренія, любовь перенесетъ скорби и и напасти, ради спасенія заблудшихъ собратій, любовь побѣдитъ ненависть, творя добро и ненавидящимъ насъ.» Какъ училъ онъ другихъ, такъ жилъ и дѣйствовалъ самъ, слова злобы, упрековъ, ненависти не исходили изъ его устъ! Сила этой любви, витала надъ нами и по смерти архипастыря; даже въ паствѣ, намъ чуждой, слышались выраженія преданныхъ ему сердецъ. Не усомнюсь передать то, что слышали мои уши: двѣ католички изъ простаго класса въ соборѣ прикладывались къ рукѣ святителя и, выходя изъ церкви, говорили: «онъ святой»! Этотъ говоръ слышится въ народѣ....

Да, жизнь нашего вѣчнопамятнаго архипастыря была торжествомъ православія въ здѣшней странѣ, такимъ же торжествомъ была и его смерть. Многому учились мы отъ него при его жизни, многому научимся отъ него же и по его

смерти, а слѣдующія поколѣнія воздадутъ ему еще большую, заслуженную имъ честь и поклоненіе...

Всегда, вездѣ и всѣхъ, пастырей и пасомыхъ, юношей и дѣвицъ, съ мудрою кротостію и любовію училъ онъ высокому служенію нравственному долгу, указывая на важное значеніе здѣсь православія и русской народности. «Стремиться къ совершенству есть предназначеніе всего человѣчества», говоритъ онъ своей паствѣ 1). «Намъ особенно, чада литовской церкви, сверхъ стремленія къ совершенству человѣческому и христіанскому, предстоитъ еще выполнить многое для окончательнаго скрѣпленія нашего видимыми узами съ общею православною церковью, которой мы нынѣ уже сыны вѣрнѣйшіе и усерднѣйшіе. Эта мысль да не оставляетъ насъ денно и нощно; приложимъ всѣ силы для укрѣпленія, что въ насъ немощно,—для возбужденія, что дремлетъ,—для довершенія, что начато,—для поддержанія, что уже крѣпко: и да будемъ мы нѣкогда украшеніемъ православныя церкви, принявшей и лелѣющей насъ съ толикою любовію.» Въ 1840 году, при освященіи Пожайскаго монастыря 2), такъ указывалъ онъ прибывшимъ изъ среды Россіи инокамъ на важность ихъ призванія: «Чувствуете ли важность своего призванія, о иноки православные. Вы здѣсь между населеніемъ иновѣрнымъ, которое, быть можетъ, смотритъ на васъ глазами непріязненными; которое будетъ слѣдить за всѣми вашими поступками, будетъ осуждать оные со всею строгостію: и ваши слабости, ваши недостатки припишутся всей православной церкви, которой вы здѣсь представители,—и на васъ падетъ отвѣтственность передъ Богомъ и людьми, если вы, вмѣсто украшенія нашея церкви, сдѣлаетесь для нея предметомъ стыда и поношенія. Усугубьте же усилія, чтобы сдѣлаться достойными вашего призванія»! А вотъ какъ относился онъ къ тѣмъ русскимъ, которые, по малоразумію своему, порицали въ мѣстной обрядности то, чего не видѣли они у себя, въ глубинѣ Россіи: «Но вотъ еще легкая скорбь коснулась моего сердца: 3)—

1) Изъ слова, произнесеннаго въ каѳедральномъ Николаевскомъ соборѣ, 8-го мая 1845 года.
2) Въ 9-ти верстахъ отъ Ковны.
3) Изъ слова въ недѣлю православія, произнесеннаго въ 1848 г.

юзвольте, православные, раскрыть ее передъ вами. Не тай ю, и къ сожалѣнію, слишкомъ не тайно нѣкоторое преду-бѣжденіе въ здѣшней паствѣ—между древнеправославными и возсоединенными. Одинъ не находитъ въ здѣшнихъ мѣ-стахъ, что видѣлъ въ Костромѣ; другой—что видѣлъ въ Орлѣ; а иной знаетъ только Литву; и изъ пустыхъ недо-разумѣній осуждаютъ единовѣрныхъ своихъ собратій. По-вольте замѣтить вамъ, благочестивые, что церковь право-славная не знаетъ ни костромскаго, ни орловскаго, ни ли-товскаго православія; а знаетъ только вселенское правосла-віе и его желаетъ. Потому она требуетъ общаго единенія въ вѣрѣ, надеждѣ и любви и не обращаетъ вниманія на обыкновенія и разности, порожденныя мѣстными потребно-стями или вѣковыми привычками, но не противныя сущно-сти православія.

Подражайте же, молю васъ, православные, этому при-мѣру, или, лучше сказать, повинуйтесь этой волѣ церкви. Не терзайте священнаго тѣла Христова, не раздирайте не-швенной ризы его. Помните, что первый законъ вѣры есть законъ любви. Она истребитъ между нами поводы преко-словія, сольетъ насъ воедино и утвердитъ это единеніе луч-ше всѣхъ нашихъ близорукихъ соображеній и попрековъ.»

И иновѣрцы никогда не слышали отъ него словъ упрека. 8-го сентября 1840 года, при торжественномъ освященіи ка-ѳедральнаго собора въ Вильнѣ, обращаясь къ бывшимъ тутъ римскимъ католикамъ, потомкамъ православныхъ предковъ, архипастырь нашъ говорилъ: «Не скорбите о торжествѣ на-шемъ, ревнители западныя церкви. Взгляните безпристраст-но на здѣшній край — это достояніе православной церкви. Много ли здѣсь кореннаго народа римской вѣры? Онъ огра-ничивается предѣлами сѣверной части виленской губерніи, остальной совращенъ изъ православія. Много ли здѣсь дво-рянскихъ родовъ, не бывшихъ прежде православными?—Это одни только почти переселенцы въ Литву изъ Польши. Князья Сангушки, Масальскіе, Вишневецкіе, Острожскіе, Рожинскіе, Четвертинскіе, Любецкіе, Пузины и многіе дру-гіе; знаменитые роды Огинскихъ, Поцѣевъ, Сапѣговъ, Ход-кевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Тышкевичей, Кор-саковъ и прочихъ безъ числа — все это были дѣти русскія

православныя церкви. Взгляните на самую Вильну:—двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь еще было тридцать шесть православныхъ церквей. За чтожъ порицать церковь православную, если она простираетъ матерніи свои объятія къ дѣтямъ своимъ, хотя и забывшимъ ее, но все для нея не чуждымъ?... Берегите же сердца и помышленія ваши отъ навѣтовъ злобы.»

Но мы не кончили бы выписокъ. Не много почившій владыка оставилъ намъ словъ и рѣчей. Вся жизнь его была одно великое краснорѣчивое *дѣло*, выше всякихъ *словъ*. Но что онъ намъ оставилъ, то мы должны воспринять сердцемъ и помнить крѣпко.

«Не забудьте о вашемъ пастырѣ, говорилъ онъ десять лѣтъ тому назадъ; не судите о немъ по тому, чего не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ; но по тому, что совершилъ дѣйствительно съ Божіею помощію, ко благу своея паствы, своея церкви, своего отечества, и съ чѣмъ уповаетъ онъ предстать на судъ праведный Господа.»

«Аминь», скажемъ мы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ.

Русскій.

Рѣчь предъ отпѣваніемъ въ Бозѣ почившаго преосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, сказанная преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 29-го ноября 1868 года.

Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся. 1 Кор. 16, 13.

Если бы на этомъ гробѣ, который теперь предъ нами, братія, понадобилось начертать надпись, то едва ли нашлась бы приличнѣе той, какую представляютъ приведенныя нами слова св. апостола.

Кто не знаетъ, что почившій въ Бозѣ архипастырь былъ великій ревнитель истинной вѣры Христовой, великій борецъ за православіе? Кто не знаетъ, что имя его неразрывно связано съ именемъ одного изъ знаменательнѣйшихъ событій нашего вѣка, совершившихся въ Россіи и русской церкви? Не богатые и разнообразные таланты, какими надѣлилъ его Господь, не обширныя и всестороннія познанія, которыми

онъ самъ украсилъ себя; не высокое служеніе и положеніе въ церкви и среди согражданъ, которое онъ занималъ столько лѣтъ и съ такою честію; не чрезвычайныя Высочайшія милости, какими взыскивали его преемственно два благочестивѣйшіе Монарха Россіи,—нѣтъ, не эти рѣдкія и блестящія преимущества припоминаются намъ при имени *Іосифа, митрополита литовскаго....* А припоминаются прежде всего, неизбѣжно припоминаются его неусыпные труды, его пламенная ревность, его важнѣйшее участіе въ святомъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковію. Безспорно, тутъ дѣйствовалъ самъ Богъ, самъ глава церкви—Господь Іисусъ, возвратившій ей древнихъ ея чадъ, о которыхъ она непрестанно молилась и которыхъ, наконецъ, имѣла радость снова принять въ свои матернія нѣдра. Но также неоспоримо, что скончавшійся теперь архипастырь былъ однимъ изъ орудій промысла Божія въ этомъ великомъ дѣлѣ, и притомъ орудіемъ главнѣйшимъ, достойнѣйшимъ. Этому дѣлу онъ посвятилъ всего себя, отъ ранней юности до послѣднихъ дней жизни. На это дѣло онъ употреблялъ, ему принесъ въ жертву и свои таланты, и свои познанія, и свое положеніе въ церкви и обществѣ, и самыя Высочайшія къ нему благоволенія и милости. Изъ за этого святаго дѣла онъ неустрашился понести всякого рода хулы, клеветы, лишенія и скорби, памятуя слова нашего Спасителя; *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще мене роди* (Матѳ. 5,11). Возвратить истинной церкви Христовой нѣкогда отторгнутыхъ отъ нея, утвердить ихъ незыблемо въ православіи, охранять ихъ постоянно отъ всякихъ увлеченій въ иновѣріе и инославіе, а чрезъ единство въ вѣрѣ православной сблизить ихъ, скрѣпить, какъ бы слить во едино со всѣмъ великимъ православнымъ народомъ русскимъ,—въ этомъ состояла цѣль, къ которой почившій неуклонно стремился; въ этомъ главнѣйшій подвигъ его жизни; въ этомъ его заслуга предъ Богомъ, церковію, отечествомъ и, въ особенности, предъ здѣшнимъ краемъ.

Скажите жъ сами, осиротѣлыя чада церкви литовской и виленской, какой урокъ завѣщалъ вамъ всею своею жизнію вашъ почившій отецъ, вашъ доблестный первосвятитель? Какой, если не тотъ, который преподалъ нѣкогда своимъ коринѳскимъ чадамъ св. апостолъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся?* Примитежъ этотъ урокъ отъ вашего отца съ сыновнею любовію; напечатлѣйте

этотъ завѣтъ его въ сердцахъ вашихъ неизгладимыми буквами; храните его, какъ величайшую святыню; оставайтесь вѣрными, непоколебимо вѣрными тѣмъ жизненнымъ началамъ вселенскаго православія, которыя съ такою заботливостію старался утвердить между вами онъ—вашъ духовный вождь, приведшій васъ къ свѣту православія. И да даруетъ вамъ Господь Богъ, вамъ и всѣмъ чадамъ и потомкамъ вашимъ, въ роды родовъ, пребывать до конца истинными чадами единой, святой, соборной и апостольской церкви, Аминь.

(Вил. Вѣст.)

ПРАВА ПРАВОСЛАВНЫХЪ НА СВЯТЫЯ МѢСТА.

Еще со времени построенія императоромъ Адріаномъ, на мѣстѣ прежняго Іерусалима, новаго города, названнаго имъ Еліа, епископы елійскіе были выбиряемы изъ грековъ, такъ какъ тогда большая часть поломниковъ были греки.

Въ IV вѣкѣ св. Елена, мать царя Константина, предприняла путешествіе къ святымъ мѣстамъ, и она первая положила основаніе храма на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось великое искупленіе.

На 2-омъ никейскомъ соборѣ епископы елійскіе были возведены въ санъ патріарховъ іерусалимскихъ; изъ священной исторіи видно, что, начиная съ первыхъ патріарховъ іерусалимскихъ, всѣ послѣдующіе были греки (Кириллъ 380, и проч.). Они были выбираемы своимъ собственнымъ синодомъ, и этотъ выборъ утвержали письменно прочіе патріархи; между ними былъ также папа римскій, вліяніе котораго на іерусалимъ тѣмъ и огрнаничивалось.

Въ VII вѣкѣ Омаръ завладѣлъ Сиріею и Палестиною. По греческимъ и арабскимъ источникамъ, патріархомъ іерусалимскимъ былъ въ это время Софроній (грекъ); онъ уговорилъ римскаго военачальника не продолжать зашиты Іерусалима; и когда вслѣдствіе этого арабы заняли городъ, то Омаръ обѣщалъ именно патріарху дозволить жителямъ свободно исповѣдывать христіанскую

религію и для этого выдалъ грамоту, по которой онъ предоставлялъ всѣ находящіяся тогда въ Іерусалимѣ святыя мѣста, а именно: церковь Воскресенія Господня, церковь Вифлеемскую, гдѣ родился Іисусъ Христосъ (большую церковь и пещеры), въ полное владѣніе патріархамъ греческимъ, при чемъ онъ ручался за неприкосновенность христіанъ, жившихъ тогда и въ Іерусалимѣ (грековъ, абиссинцевъ и грузинъ), и тѣхъ которые приходятъ только на поклоненіе св. мѣстамъ и подчиняются власти патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ всѣмъ поломникамъ выдавать патріарху по 1 съ ¹/₃ драхмы для содержанія, какъ его собственнаго, такъ и церкви Гроба Господня.

Католики увѣряютъ, что грамота, выданная Омаромъ, подложная и поддѣланая греками; но это совершенно несправедливо, такъ какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и наконецъ въ 1808 г. она была разсматриваема собраніями восточныхъ ученыхъ, которые единогласно рѣшили вѣрность этого документа, такъ что даже султанъ Махмудъ оторвалъ отъ него одинъ изъ угловъ, и сохранилъ его, какъ святость.

Въ XI вѣкѣ калифъ Хакемъ-Біемриллакъ, уважая грамоту Омара, позволилъ константинопольскому императору Михаилу перестроить и поправить церкви въ Іерусалимѣ, что стоило грекамъ огромныхъ издержекъ. Въ концѣ XI-го столѣтія крестоносцы взяли Іерусалимъ приступомъ, и первымъ дѣломъ ихъ было выгнать греческихъ патріарховъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ утвердилъ въ своей власти Омаръ и которые въ продолженіи 4-хъ вѣковъ платили подать за право владѣть церквами и монастырями, и, наконецъ, на деньги которыхъ они были перестроены.

Въ 1186-мъ году Іерусалимъ былъ снова взять арабами, и калифъ Селагединъ запретилъ франкамъ, какъ жить въ Іерусалимѣ, такъ и посѣщать св. мѣста; онъ хотѣлъ даже разрушить всѣ храмы и монастыри христіанъ, но былъ удержанъ отъ этого грамотой Омара, которую ему представили греки; на основапіи ея патріархъ греческій снова получилъ право храненія святыхъ мѣстъ, и съ этихъ поръ до завоеванія Палестяны турками они были единственными обладателями Гроба Господня.

Во все это время латинцы владѣли только Сіонскимъ монастыремъ (находящимся за городомъ), который имъ уступили греческіе патріархи; въ XIII вѣкѣ имъ даже было запрещено ходить въ Іерусалимъ, но потомъ дозволено было тѣмъ же патріархомъ сначала приходить слушать обѣдню, а потомъ и служить ее послѣ грековъ. Армянамъ греческій патріархъ также уступилъ расположенный за городомъ монастырь Св. Іакова, и они были на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ латинцы.

Со времени взятія Іерусалима турками, латинцы начинаютъ своими происками пріобрѣтать нѣкоторыя права въ ущербъ грекамъ, такъ что въ XVII вѣкѣ султанъ Мурадъ II., котораго латинцы увѣрили въ подложности документовъ грековъ, отдалъ имъ всѣ святыя мѣста, впрочемъ весьма не надолго, черезъ два года онъ сознался въ своей ошибкѣ, и греки снова получили отнятыя у нихъ права храненія Гроба Господня.

Въ 1808-омъ году послѣ пожара купола всѣ христіанскія общества, по повелѣнію султана, представили дивану документы, по которымъ они владѣютъ святыми мѣстами; документы эти разсмотрѣны были турецкими учеными, которые нашли, что греческіе акты одни имѣютъ силу; и вслѣдствіе этого рѣшено было поручить исключительно іерусалимскому патріарху перестройку купола.

Съ этихъ поръ до 1852-го года православные продолжали первенствовать въ Іерусалимѣ, и латинцы не смѣли болѣе оспаривать у нихъ правъ, подтвержденныхъ еще разъ султаномъ Махмудомъ.

Но въ 1852-мъ году султанъ Абдулъ Меджидъ, вслѣдствіе требованій императора французовъ Людовика Наполеона, подписалъ фирманъ, по которому перестройку купола главнаго храма предоставлялъ французамъ; кромѣ того онъ повелѣлъ выдать имъ ключи отъ Вифлеемской церкви, въ гротѣ которой дозволилъ имѣть звѣзду съ латинскою надписью, привратникъ этой церкви греческій священникъ смѣненъ былъ туркомъ и наконецъ онъ дозволялъ католикамъ служить въ Гевсиманской церкви гроба Божіей Матери, Россія не могла оставаться спокойною зрительницею тѣхъ преимуществъ, которыя султанъ выдавалъ католикамъ въ

ущербъ православнымъ, владѣвшимъ святыми мѣстами болѣе 15-ти столѣтій. Она энергически протествовала, и только вслѣдствіе ея заступничества султанъ согласился отмѣнить свой незаконный фирманъ, издавъ новый, по которому онъ предоставлялъ себѣ перестройку купола (нынѣ куполъ уже перестроенъ, но не султаномъ, а Россіей и Франціей); что же касается до Вифлеемской церкви, то католикамъ оставлялся одинъ изъ ключей этой церкви, не для служенія, а только для прохода черезъ оную въ пещеру. Привратникомъ этой церкви оставленъ прежній греческій священникъ. Наконецъ, хотя и дозволялось католикамъ служить обѣдню въ Гевсиманской церкви, но только послѣ всѣхъ, такъ что сначала служатъ греки, потомъ армяне, а уже за ними католики. Съ этихъ поръ православные снова первенствуютъ въ Іерусалимѣ, и нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, такъ какъ въ 1857-мъ году построена въ немъ русская церковь, и такъ какъ съ тѣхъ поръ православные находятъ себѣ защитниковъ въ императорскомъ консульствѣ и духовной россійской миссіи, имѣющей постоянное пребываніе въ Іерусалимѣ.

(*Вит. Губ. Вѣд.*)

ОБРАЗЧИКЪ ПОЛЬСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ДИДАКТИКИ.

Въ сентябрской книжкѣ «Рус. Вѣстника», въ статьѣ »Польская пропаганда въ школахъ югозападнаго края» приведенъ любопытный образецъ преподаванія географіи въ школахъ, заведенныхъ въ 1860—62 годахъ тайнымъ »Обществомъ учебнаго пособія польскому народу Волыни, Подоліи и Украйны«. Вотъ этотъ образецъ. взятый изъ учебника »Wiadomosci o ziemie polskiej«:

«*Территорія*: Прежняя Польша, простиравшаяся на сѣверо-востокъ далеко въ Двину и Днѣпръ, на юго-западъ за Одеръ и Карпатскія горы, и дѣлившаяся на три большія области: Великую Польшу, Малую Польшу и великое княжество Литовское, раздѣлена въ 1795 году между тремя государствами: Россіей, Австріей и Пруссіей.

«Часть Польши, принадлежащая теперь къ Россіи, состоитъ изъ

слѣдующихъ губерній: курляндской, витебской, ковенской, могилевской, виленской, гроднедской, минской, черниговской, полтавской, кіевской, подольской, волынской и, кромѣ того изъ части подъ наименованіемъ Царства польскаго, раздѣленнаго тоже на губерніи: варшавскую, люблинскую, радомскую, плоцкую и августовскую.

«Часть Польши, забранной Австріей... Пруссіей, носитъ слѣдующія наименованія... (затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе рѣкъ, каналовъ, озеръ и т. д.).

«*Произведенія*. Всемогущій Богъ, въ неисчерпаемой своей благости, надѣлилъ прекрасную и чудную Польшу, дражайшее отчество наше, различными произведеніями, какъ животными, такъ равно растительными и ископаемыми.. Словомъ, Польша такъ славится своими лѣсами, хлѣбомъ, льномъ и иными произвеоеніями, что къ ней идутъ всѣ европойцы, какъ пчелы къ меду, дабы удовлетворить своимъ нуждамъ. Поэтому мы должны помнить, что намъ слѣдуетъ любить и воздѣлывать эту землю польскую и благодарить Создателя за столь великіе дары.

»Не отказалъ Господь и въ ископаемыхъ: есть въ нашей землѣ золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, драгоцѣнные камни, всего же болѣе соли, которой добывается такое множество въ краковскомъ округѣ, въ Бохнѣ и Величкѣ, что вся Европа питается ею, и нигдѣ нѣтъ такой хорошей соли и въ такомъ количествѣ, какъ у насъ въ Польшѣ.

»Нужно ли намъ еще что нибудь сверхъ тѣхъ даровъ, которыми предвѣчный Зиждитель столь щедро падѣлилъ насъ? Все ли мы уже имѣемъ? Нѣтъ мы не имѣемъ свободнаго права пользованія этими Божіими дарами, не имѣемъ свободы, которою Самъ Богъ одарилъ насъ, какъ и всякаго человѣка при сотвореніи его, и которую отняли у насъ чуждыя правительства изъ жадности, чрезъ захватъ нашей собственности. Будемъ однако надѣяться на Бога, полагаться на Его благость и справедливость и вѣрить, что розга, которою Онъ караетъ насъ за грѣхи предковъ нашихъ, вскорѣ перестанетъ казнить насъ. Будемте любить эту прекресную землю нашу душою и сердцемъ и питать къ ней привязанность, какъ

къ родной матери, съ готовностію жертвовать жизнію для ея защиты, когда будетъ въ томъ надобность. Возлюбимъ нашъ собственностный языкъ и все то что наше, недавая себя этимъ самымъ обмосковить, или онѣмечить. Да укрѣпятъ насъ вѣра, надежда и любовь въ братскомъ согласіи, отъ бѣднаго мужичка до богатаго барина, и ченстоховская Божія Матерь, Царица и Покровительница польской короны, возставитъ насъ и нынѣ, какъ это сдѣлала она, тому лѣтъ двести, въ 1600 году, и мы снова узримъ лучшія времена и собственное народрое правленіе (!).

»*Жители*. Народнаселеніе Польши составляется изъ поляковъ, которыхъ 10,183,000, литвиновъ 1,442,000 и русиновъ (малорусиновъ, бѣлоруссовъ, черноруссовъ) 16,000,000, всего болѣе 27½ миліоновъ однихъ славянъ.... Поляки и литвины исповѣдуютъ католическую вѣру, русины большею частію православные.... Быть полякомъ не значитъ исповѣдывать непремѣнно, хотя это естественнѣе, католическій обрядъ. Полякомъ есть и долженъ быть всякій человѣкъ, живущій на нашей землѣ, въ какой бы ни было мѣстности, на пространствѣ между Балтійскимъ моремъ, рѣками Двиной, Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, рѣками Днѣстромъ, Прутомъ, Карпатскими горами и рѣкой Одеромъ, все равно будетъ ли то русинъ, нѣмецъ, еврей, татаринъ, словомъ человѣкъ даже иноплеменный и не католическаго исповѣданія, если только онъ истинно любитъ страну нашу, польскій языкъ, народные обычаи; если онъ готовъ всегда приносить въ жертву для защиты свего отечества имущество и даже жизнь, онъ есть истинный и достойный полякъ, любимый и уважаемый чековѣкъ. Такой полякъ, съ величайшимъ убѣжденіемъ въ необходимости жертвы и самоотверженія, первый будетъ служить имуществомъ, трудомъ, даже кровь свою прольетъ, чтобъ уплатить хотя частицу долга для пріобрѣтенія свободы, которой не имѣемъ, безъ которой никогда намъ не будетъ хорошо, безъ которой мы всегда будемъ рабами чуждыхъ намъ правительствъ: московскаго, австрійскаго и прусскаго, подъ коими чѣмъ дальше, тѣмъ хуже намъ.

»*Города*. Важнѣйшіе города въ Царствѣ польскомъ....

Напротивъ Варшавы на другомъ берегу Вислы, лежитъ пред-

мѣстѣе *Прага*, съ 7,500 жителей; памятна коровавою рѣзней, произведенною въ 1794 году москацемъ Суворовымъ.

Воля, гдѣ происходило избраніе королей.

Бельведеръ, памятный возстаніемъ въ 1830 году.

«*Піотрковъ*, извѣстный сеймами.

Люблинъ, извѣстный вѣчнымъ соединеніемъ Великаго Княжества Литовскаго и всей Руси съ польскою Рѣчью посполитою въ 1669 году.

Сѣдльцѣ, съ епископскою каѳедрой и гимназіей. Не далеко отъ этого города лежитъ селеніе *Мацѣевицы*, памятное сраженіемъ поляковъ, подъ предводительствомъ Ѳаддея Костюшки, съ москалами и взятіемъ Костюшки въ плѣнъ въ 1794 году.

«*Остроленка*; здѣсь происходило кровавое сраженіе поляковъ, подъ командой Скрижинецкаго, съ москалями въ 1831.

«*Ошмяны*, памятный рѣзней, произведенною москалями въ 1831 году.

Гродно, надъ рѣкой Нѣманомъ, съ большими ярмарками, костелами, изъ коихъ многіе упразднены москалями.

«*Полоцкъ*, надъ Двиною, памятный побѣдной Стефана Чарнецкаго надъ москалями.

«*Орша*,—побѣдою поляковъ, подъ предводителъствомъ князя Константина Острожскаго надъ москалями въ 1514 году.

«*Смоленскъ*—осадой Сигизмунда III, осадой и взятіемъ въ 1812 году польскими легіонами, подъ командой князя Понятовскаго.

«*Конотопъ*, надъ Припетью, пораженіемъ москалей при Іоаннѣ Казимірѣ.

»*Луцкъ*, надъ Стырью, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, съ нѣсколькими упраздненными костелами.

Баръ, извѣстный конфедаренціей въ 1768 году.

»*Переяславль* — побѣдой Стефана Чарнецкаго надъ москалями.

«Близъ Кракова насыпаны три огромныя могилы.... третья изъ нихъ въ память Ѳаддея Костюшки и въ знакъ признательности къ военачальнику польскаго народа, хотѣвшаго, подъ его предводительствомъ, выбраться изъ-подъ насилія и ига москалей, австрія-

ковъ и пруссаковъ. Возстаніе подъ начальствомъ Костюшки происходило въ 1794 году.

»Блистательная и нѣкогда могущественная Польская Рѣчь посполитая, имѣвшая политическое существованіе съ IV (550 г.) до XVIII столѣтія (1794 г.), отъ Леха до Станислава Августа Понятовскаго, въ продолженіе 1145 лѣтъ, теперь разбита, растерзана. раздѣлена на части подъ разными наименованіями, съ цѣлью изгладить имя ея изъ памяти народовъ, составлявшихъ Польшу, и тѣмъ удобнѣе лишить жителей народности, москалить ихъ, либо онѣмечить, дабы захваченная добыча приносила тѣмъ больше выгодъ чѣмъ болѣе глубокое настанетъ забвеніе и убѣжденіе въ полномъ уничтоженіи Польши, и слѣдственно убѣжденіе въ необходимости покориться волѣ притѣснителей, жестоко поражающихъ всякія проявленія жизни какъ въ народѣ, такъ и въ языкѣ, оскверняя даже прекраснѣйшую сторону поляка—его нравственность и святую католическую вѣру. Эти проявленія жизни польскаго общества обнаруживаются не только возстаніями массой, какъ то было въ 1794 году, подъ предводительствомъ Ѳаддея Костюшки; въ 1830 г., подъ командой Хлопицкаго, Скржинецкаго, Дембинскаго и, измѣнниковъ Гелгуда и Круковецкаго, и въ 1863 г., подъ командой Мѣрославскаго, но и отдѣльными самопожертвованіями мужей, отдающихъ жизнь свою за дѣло родной страны, за дѣло отчизны Польши. Такими мужами были: Завиша, Воловичъ, Заливскій, Конарскій и много иныхъ, которые, претѣрпѣвъ страшнѣйшія мученія въ московскихъ или нѣмецкихъ тюрьмахъ, были казнимы, вѣшаемы, разстрѣливаемы или ссылаемы въ Сибирь, и за что же? за то, что они держались неотступно вѣры своей, какъ Богъ велѣлъ, за то, что они думали, говорили и одѣвались по-польски, не желая учиться и подражать московщинѣ, либо нѣмечинѣ; что желая счастія для края, блага для цѣлыхъ милліоновъ людей, находящихся въ такомъ бѣдствіи и угнетеніи! И кто же изъ поляковъ не дастъ пролить свою кровь, видя край въ такой моральной и матеріальной нищетѣ! Кто изъ поляковъ, одушевляемый небеснымъ огнемъ любви къ матери-отчизнѣ, не отдастъ жизни своей для возвращенія свободы, для возстановленія столь процвѣ-

авшей нѣкогда торговли и промышленности края, богатаго неисчерпаемыми матеріальными запасами, для просвѣщенія и нравственнаго возвышенія этихъ жалкихъ слоевъ нашего общества—мужичковъ, для возбужденія въ нихъ понятія о лучшемъ, болѣе свободномъ существованіи, при союзѣ съ Польшей (?!) Вмѣстѣ съ растерзаніемъ Польши, прекратилась торговля, исковеркано просвѣщеніе, упала промышленность богатыхъ и благоустроенныхъ городовъ въ этомъ краѣ, упразднены костелы, монастыри *); наконецъ въ послѣднее время, въ 1861 году, стали убивать тѣхъ, которые собираются въ костелъ для моленія Богу, стрѣлять въ молящихся, какъ въ преступниковъ, исторгать у идущихъ за крестнымъ ходомъ кресты и хоругви, какъ то было въ Варшавѣ! Однако Всемогущій Богъ помнитъ о своемъ избранномъ народѣ, не даетъ ему приходить въ отчаяніе и падать подъ тяжкимъ бременемъ толикихъ бѣдъ и злосчастій, но укрѣпляетъ духъ его въ твердости, мужествѣ и надеждѣ, что раньше или позже онъ позволитъ отомстить за столько обидъ и поношеній народу и святой вѣрѣ его. Онъ пробудитъ всѣхъ даже по имени поляковъ, дастъ имъ оружіе въ руки, дабы двинулись на освобожденіе отечества и святой церкви католической изъ оковъ московскихъ, австрійскихъ и прусскихъ.

„Боже Всемогущій, неистощимый въ милосердый! Помяни Мечислава, сокрушившаго идолы и пріявшаго Твои священные законы, умилосердись надъ матерью Польшей и ея дѣтьми поляками! Дозволь, Отецъ небесный, чтобы народъ сельскій все болѣе приставалъ къ священнымъ истинамъ нравственности, свободы, вольности, науки и разумѣнія, что только Польша можетъ дать ему! Не забуди, Господи, пролитой за вѣру и вольность крови мучениковъ—польскихъ солдатъ въ Пруссіи и Королевствѣ! Награди заслуги, самоотверженіе и мученичество Завиши, Заливскаго, Воловича, Конарскаго и стольких братьевъ варшавянъ; возврати отечество и свободу осиротѣвшимъ полякамъ!

„Мати чудотворная, ченстоховская, Покровительница и Царица короны польской, отнеси къ престолу Сына Твоего моленія наши о вторичномъ воскресеніи нашемъ ради большей славы Твоей.

*) Точь-въ-точь, любая передовая статья „Новаго Времени.“

„Св. Войцѣхъ, св. Станиславъ, св. Яцекъ, св. Чеславъ, св. Казиміръ царевичъ, св. Станиславъ Костка, св. Соломея, св. Кунегунда царица, св. Ядвига и всѣ святые патроны и патронки Польши! Молитеся о насъ полякахъ. Аминь.“

Остальные учебники, и въ особенности учебникъ исторіи, въ такой же мѣрѣ стремились фанатизировать молодые умы. Въ учебникѣ исторіи почти исключительно группировались факты революціоннаго содержанія, говорившіе о постоянной борьбѣ Польши съ Россіей. Еще болѣе возбуждались дѣти чтеніемъ изъ Мицкевича, ибо при этомъ всегда выбирались мѣста, обоготворявшія Польшу. Всѣ прокламаціи революціоннаго комитета также прочитывались въ школѣ.

Послѣ этого оставалось только ариѳметику отождествить съ религіею и политикою,—воодушевить фанатизмомъ сложеніе и вычитаніе!

(*Мин. Губ. Вѣд.*)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ СУЖДЕНІЙ О ПОЛЯКАХЪ И ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ.

1.

Въ мірѣ едва ли, кромѣ поляковъ, есть еще другой народъ, который бы такъ способенъ былъ обманывать самъ себя и быть обманываемымъ другими народами. Послѣ своей тысячелѣтней исторіи, богатой и славными подвигами, и самыми позорными ошибками и преступленіями, приведшими за собою потерю независимости, послѣ больше чѣмъ полувѣковыхъ скитаній по Европѣ, поляки остаются доселѣ *политическими дѣтьми:* самыя невозможныя грезы они считаютъ дѣйствительностію, самыя неудобоисполнимыя прихоти кажутся имъ законными и легкоудовлетворимыми, самыя смѣлыя обѣщанія, нѣсколько разъ дѣланныя имъ и столько же разъ неисполненныя, способны вновь привести ихъ въ ребяческій восторгъ и въ революціонное изступленіе. Но что впрочемъ достойно удивленія — это ихъ постоянство и упорство, съ какими они преслѣдуютъ свои задушевныя мечты, и ко-

торыя послужили бы къ ихъ благу, если бы были упражняемы на вещахъ, менѣе фантастическихъ и химерическихъ. Они пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы напомнить Европѣ о своемъ существованіи, о своей скорби, о своихъ надеждахъ и вызвать съ ея стороны хотя бы только слово симпатіи. Нынѣшній годъ также не прошелъ безъ манифестаціи съ ихъ стороны, которая, впрочемъ, прошла почти незамѣченною въ Европѣ и могла бы научить всякій другой народъ, только не поляковъ, отказаться отъ надеждъ на дѣятельную помощь со стороны другихъ государствъ противъ Россіи. Мы разумѣемъ рапперсвильское собраніе поляковъ.

Оно было объявлено, чтобы почтить столѣтнюю годовщину барской конфедераціи; но присутствовавшихъ въ собраніи было очень немного. Было нѣсколько нѣмцевъ, сочувствующихъ полякамъ, конечно, больше на словахъ; французы—тѣ отнеслись къ польскому митингу чрезвычайно холодно, потому, вѣроятно, что они считаютъ, что на словахъ все сдѣлано со стороны Франціи для поляковъ, потому что симпатіи ея къ дѣлу поляковъ нѣсколько разъ уже публично заявлялись, хотя и не оказывалось имъ никакой дѣятельной поддержки. За то на митингѣ присутствовалъ и говорилъ рѣчь американскій консулъ въ Швейцаріи. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе иностранной публицистики, которая не особенно хладнокровно смотритъ на существующія дружественныя отношенія между Россіею и Соединенными Штатами, и которая потому не преминула вложить въ уста американскаго гражданина слова, какихъ онъ не говорилъ,—что вызвало съ его стороны печатный протестъ.. Одна англійская газета, останавливаясь на ложно приписанномъ американскому консулу увѣреніи, какое онъ будто бы сдѣлалъ на митингѣ, что на американскій народъ клевещутъ, будто онъ питаетъ особенную расположенность къ Россіи сравнительно съ другими народами Европы (консулъ, какъ видно изъ его протеста, прямо засвидѣтельствовалъ именно объ этой особенной расположенности!), замѣчаетъ по этому случаю: «Увѣреніе это не всецѣло неосновательно, потому что громогласныя заявленія дружбы къ Россіи, постянноо

будто бы повторяющіяся въ конгрессѣ и въ другихъ мѣстахъ, не больше, какъ выдумки, фабрикуемыя въ Англіи,» хотя въ то же время эта газета прибавляетъ, что «нынѣшній представитель соединенныхъ штатовъ въ Петербургѣ еще недавно публично распространялся объ естественномъ союзѣ между двумя великими державами» (т. е. между Россіею и Америкою). Англія, которая, подобно Франціи, не прочь отъ заявленій скорби касательно уничтоженія польской независимости, не имѣла ни одного представителя на польскомъ митингѣ. «Послѣ столь многихъ неудачныхъ возстаній, справедливо разсуждаетъ таже англійская газета, трудно питать въ полякахъ надежды на возстановленіе Польши, и произносить рѣчи, которыя могутъ подстрекать къ безнадежнымъ попыткамъ бунта, было бы и неразумно и неблагородно.»

Настоящій митингъ до наглядности ясно показываетъ, что симпатіи Европы къ полякамъ утратили прежнюю живость, и что въ средѣ самыхъ поляковъ не было единодушнаго одобренія готовившемуся собранію. Оно первоначально было проектировано аристократическою польскою партіею. Традиціонная слава Польши связана вся съ подвигами ея аристократовъ, но бѣдность и изгнанническая жизнь образовали въ полякахъ и другое направленіе мысли—демократическое. И такъ называемые польскіе патріоты, разсѣянные по всей Европѣ, доселѣ находили исходъ своей энергіи въ томъ, что принимали прямое участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ XIX вѣка; они вступали въ союзъ съ учениками Ледрю Роллена, Мадзини, Кошута и усвоили нѣкоторыя крайнія воззрѣнія своихъ союзниковъ, которыя такъ много замедляли доселѣ прогрессъ свободы въ христіанскомъ мірѣ. Но когда представляется случай, республиканцы-поляки и поляки-аристократы охотнѣе соединяются другъ съ другомъ для бунта, чѣмъ для произнесенія рѣчей на одной и той же платформѣ. Польскій митингъ въ Рапперсвиллѣ имѣлъ чисто демократическій составъ и былъ какъ бы предварительнымъ отдѣленіемъ большаго будущаго митинга «друзей мира и свободы.»

Разсужденія на митингѣ не отличались никакою особенною новостію: поляки повторяли то что, они всегда говорятъ о сво-

ихъ несбыточныхъ надеждахъ и эфемерныхъ планахъ. Но за то весьма пріятную новость представляютъ сужденія иностранныхъ газетъ о польскихъ замыслахъ. Западные публицисты уже трезвѣе начали смотрѣть на вещи и, вмѣсто прежнихъ подстреканій къ новымъ возстаніямъ, совѣтуютъ полякамъ не начинать безполезныхъ и безцѣльныхъ кровопролитій. Они вычисляютъ полякамъ всѣ трудности, которыя должно встрѣтить возстановленіе цѣлости «старой, славной республики.» Прежде всего они указываютъ на неизбѣжность при этомъ войны съ Пруссіею за обладаніе Познанью, которая географически неотдѣлима отъ прусской монархіи. Затѣмъ они говорятъ, что даже Австрія, которая теперь, послѣ многихъ колебаній, нѣсколько благорасположеннѣе прежняго смотритъ на дѣло польской независимости, не можетъ по доброй волѣ уступить плодоносную Галицію, и что вообще во всѣхъ западныхъ польскихъ провинціяхъ есть огромная примѣсь германскихъ поселенцевъ, которые являются здѣсь представителями цивилизаціи и прогресса. Весьма поучительна для насъ русскихъ рѣчь одного нѣмца, сказанная на митингѣ, которая можетъ служить образцомъ нѣмецкой дружбы къ Россіи и мѣркою ихъ безкорыстной расположенности къ нашему отечеству. Нѣмецкій ораторъ даетъ въ ней полякамъ мудрый совѣтъ добровольно отступиться отъ *онѣмѣченныхъ* областей прежней Польши и направить всѣ свои помыслы и энергію въ тѣ обширныя страны, которыя въ продолженіе столѣтій поглотила въ себя Русская Имперія, — въ другихъ словахъ, онъ совѣтуетъ перенести полякамъ слѣдующее свое возстаніе съ береговъ Вислы на берега Днѣпра, подальше отъ подозрительнаго германскаго населенія, которое можетъ воспротивиться борьбѣ между двумя славянскими племенами, если она будетъ происходить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Если бы польскіе предводители, внушалъ ораторъ-нѣмецъ, пользующіеся довѣріемъ разныхъ классовъ и партій согласились отказаться отъ всякихъ притязаній на Познань, тогда одинъ страшный врагъ польской независимости былъ бы умиротворенъ и нейтрализованъ; невозможно не ожидать, чтобы прусское правительство когда нибудь вошло даже въ разсмотрѣніе возможности уступ-

въ Познанской провинціи, которая лежитъ между Бранденбургомъ и старымъ герцогствомъ Прусскимъ. «Познанскіе поляки, у-ризненно говорилъ расположенный къ польскому дѣлу нѣмецъ, сихъ поръ сохраняютъ живыми свои національныя симпатіи, обыкновенно принимая къ сердцу и въ палатѣ депутатовъ, и вездѣ свои отдѣльные національные вопросы и оказывая полное равнодушіе къ прусскимъ и германскимъ интересамъ. Они служили бы національному дѣлу лучше, если бы искренно признали неразрывную связь Познани съ Пруссіею, связь, которой они никогда не въ состояніи расторгнуть. Дѣйствительное или напускное недовольство познанскихъ поляковъ заставляетъ теперь Пруссію всякій разъ оказывать Россіи поддержку, какъ только начинается въ варшавскомъ герцогствѣ возстаніе.» Не споримъ, съ нѣмецкой точки зрѣнія совѣтъ нѣмца-оратора отличается мудростію, напоминающею сообразительность, честность и доброту *того* хозяина, который совѣтовалъ вору въ его амбаръ не ходить красть, а рекомендовалъ ему амбаръ добраго своего сосѣда для этихъ операцій, обѣщаясь и видя не видѣть его воровства. Но каково придется довѣрчивымъ полякамъ, если они вздумаютъ слѣдующее свое возстаніе перенести на берега Днѣпра, слѣдуя совѣту злокозненнаго нѣмца? А послушаться они могутъ тѣмъ болѣе, что одинаково легко и возможно мечтать о завоеваніи Смоленска и Вильно, какъ и объ отнятіи Варшавы, и что кровные поляки убѣждены, что ни давность и ни что подобное никогда не лишатъ ихъ правъ на разныя русскія области, которыми хотя короткое время владѣли ихъ предки. Что тогда ожидаетъ бѣдныхъ поляковъ? Англійская газета по этому поводу справедливо замѣчаетъ слѣдующее: «Въ странахъ по Днѣпру большинство населенія составляютъ русскіе по вѣрѣ и языку, и потому покушеніе поляковъ отвоевать ихъ отъ Россіи и несправедливо нравственно, и чрезвычайно затруднительно въ исполненіи.»

Та же газета выражаетъ сожалѣніе о рапперсвильскихъ ораторахъ, о ихъ неразсчетливости и тупоуміи, потому что они для распространенія и заявленія своихъ намѣреній противъ Россіи выбрали время самое неудобное, время общаго мира, и затѣмъ у-

служливо указываетъ полякамъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ они могутъ возстать снова хотя съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Англійскій публицистъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Настоящая политика Австріи состоитъ въ томъ, чтобы сколько возможно дольше избѣгать столкновенія съ Россіею, хотя она въ тоже время, въ предчувствіи возможныхъ случайностей, сочла благоразумнымъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію галицкой, точнѣе польской, національности. Если тлѣющій теперь подъ пепломъ восточный вопросъ когда нибудь разгорится въ войну, въ которую ввяжется и Австрія, въ качествѣ охранителя Дуная, тогда польское возстаніе, которое, будучи вспомоществуемо австрійскою арміею, не было бы безнадежнымъ, можетъ произвести важную диверсію. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы Польша такъ или иначе предотвратила враждебность къ ней Пруссіи. Это одинъ удобный случай для возстанія, которое, впрочемъ, будетъ имѣть только значеніе диверсіи, полезной для защитниковъ Турціи, и нисколько не ведущей къ возстановленію независимости Польши! Вотъ и другой случай, указываемый услужливымъ англійскимъ публицистомъ. Въ войнѣ между Франціею и Германіею Франція,—признанная покровительница польской независимости, — конечно, окажется до расточительности щедрою на выраженія сочувствія къ полякамъ и на возбужденія ихъ; но каковъ бы ни былъ результатъ войны между ними, во всякомъ случаѣ то невозможно, что Франція протянетъ черезъ всю Германію руку помощи Польшѣ. Для германцевъ существованіе французскаго союзника въ тылу у себя было бы вещію невыносимою, и они всегда могутъ обезопасить себя противъ подобной опасности чрезъ установленіе тѣснаго согласія съ Россіею. Нежеланіе Англіи и Франціи, въ 1855 году, т. е. въ крымскую войну, возбудить польское возстаніе, которое тогда окончательно могло спутать Россію, происходило отъ желанія ограничить театръ войны въ надеждѣ сократить и ея продолжительность; но робкая политика тогдашнихъ союзниковъ объясняется и извиняется главнымъ образомъ опасеніемъ утратить сочувствіе къ себѣ Австріи и вызвать Пруссію изъ непріязненнаго нейтралитета къ открытой враж-

дѣ. И такъ, и война между Франціею и Германіею не представляетъ, по мнѣнію англійскаго публициста, удобнаго случая къ возстанію поляковъ и къ возвращенію ими независимости. Онъ въ утѣшеніе имъ указываетъ еще одинъ случай, могущій имѣть мѣсто, какъ онъ самъ говоритъ, конечно въ отдаленномъ будущемъ. «Когда нибудь въ будущемъ Германія, можетъ быть, возвратится къ мнѣнію, которое было въ пей широко распространено полстолѣтія назадъ, что давленіе русской державы на центральную Европу лучше всего можетъ быть парализовано установленіемъ въ лицѣ Польши независимой и независоевательной державы. Страна, простирающаяся вдоль боковъ Австріи и восточной Пруссіи, представляетъ для Россіи грозное военное положеніе, между тѣмъ какъ независимая Польша никогда не могла бы быть опасною для Германіи, развѣ только въ качествѣ послушнаго союзника Франціи.» Мы и сами съ своей стороны можемъ посовѣтовать подождать этой перемѣны въ воззрѣніяхъ Германіи на Польшу и раньше не начинать этихъ безполезныхъ возстаній и вполнѣ согласны съ англійскою газетою, которая слѣдующими словами заключаетъ свое перечисленіе случаевъ, удобныхъ для возстановленія Польши: «Гораздо легче показать выгоды возстановленія Польши, чѣмъ вѣроятныя средства достигнуть независимости. Ни одинъ другъ польскаго дѣла не пожелаетъ, чтобы поляки снова подняли знамя бунта съ неизбѣжными его результатами, съ новыми конфискаціями имуществъ и съ новыми приговорами на смерть или въ ссылку. Интересы Польши лучше были бы охранены, если бы недовольные поляки сами съ доброй воли захотѣли воспользоваться ослабленіемъ русскихъ строгостей. Нетерпѣніе, съ какимъ смотрѣли поляки, какъ на измѣну, на службу польскихъ чиновниковъ русскому правительству, повело, какъ къ необходимому слѣдствію, къ тому, что въ Польшѣ образована теперь администрація изъ русскихъ. Это еще не особенно большое зло, что имя Польши на офиціальномъ языкѣ больше не употребляется.»

Для Польши, дѣйствительно, въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ даже никакого зла, но и для Россіи и ея интересовъ здѣсь нѣтъ еще особеннаго блага. Англійскій публицистъ удивляется особен-

ной живучести поляковъ послѣ столькихъ неудачъ и разгромовъ, и въ доказательство приводитъ слѣдующія обстоятельства: «Въ западныхъ провинціяхъ Русской имперіи польское вліяніе тотчасъ же оживаетъ, какъ скоро русскіе перестаютъ дѣйствовать здѣсь крайними мѣрами строгости; повторявшіяся не разъ попытки ограничить употребленіе польскаго языка каждый разъ не удаются; крестьяне въ нѣкоторыхъ уѣздахъ по обольщенію (?!) или по принужденію (?!) принимаютъ православіе, но кровный полякъ считаетъ дѣломъ своей чести оставаться римскимъ католикомъ. Панславистская агитація, которая иногда нарушаетъ спокойствіе Богеміи и австрійской Сербіи, имѣетъ основою своею ученіе о неизбѣжномъ объединеніи всѣхъ націй, родственныхъ Россіи. Польское племя, которое цѣлые вѣка было передовымъ между славянскими племенами, не только стоитъ отдѣльно отъ панславистской пропаганды, но смѣло противится всѣмъ захватамъ Россіи. И поляковъ ни одинъ самый враждебный имъ критикъ не можетъ обвинить въ томъ, что они только на словахъ противятся русскому владычеству, не оказывая дѣятельнаго сопротивленія. Безъ надежды на успѣхъ, они время отъ времени возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ, и въ послѣднее возстаніе дворяне польскіе присоединялись къ движенію только по крайней щепетильности чувства чести и противъ своего здраваго убѣжденія.» Къ приведеннымъ англійскою газетою доказательствамъ упрямства поляковъ мы можемъ прибавить свои, заимствуемыя изъ русскихъ газетъ и относящіяся притомъ уже къ 1868 году. «По варшавскимъ улицамъ,» пишетъ корреспондентъ одной петербургской газеты, «чаще и чаще стали появляться траурныя дамы, иногда съ крупными черными цѣпями на шеѣ; съ балконовъ домовъ полетѣли въ проходящихъ плевки, большею частію падающіе въ военныхъ, хотя обыкновенно и объясняемые шалостію дѣтей, когда родителей позовутъ къ отвѣту; поляки при встрѣчахъ рѣдко узнаютъ своихъ знакомыхъ изъ русскихъ; на людей съ какими либо національно-русскими отличками въ костюмѣ набѣгаютъ уже застрѣльщики въ лицѣ гимназистовъ и уличныхъ мальчишекъ; чаще прежняго стали попадаться подъ руку полиціи карточки раз-

ныхъ *довудцовъ*, запрещенныя сочиненія, зажигательныя рукописи.» Мы могли бы еще упомянуть о глупыхъ фарсахъ въ Варшавѣ съ русскою дамою и съ нянею русскихъ дѣтей, о выходкахъ торговокъ-полекъ, о революціонномъ обществѣ въ Варшавѣ, открытомъ въ этомъ году.

Такъ какъ мы привели нѣсколько новыхъ доказательствъ къ тѣмъ, на которыя указалъ англійскій публицистъ, то сообразно съ ними имѣемъ право вывести и нѣсколько другое заключеніе. И мы сами удивляемся полякамъ, но не ихъ живучести, а ихъ ребяческому упрямству, когда они безцѣльно, безполезно, послѣ стольких вразумленій и не имѣя возможности ожидать откуда бы то ни было поддержки себѣ, снова составляютъ митинги, говорятъ рѣчи, дозволяютъ себѣ нелѣпые и отвратительные фарсы. Удивляемся не меньше того и ихъ неразумію, съ какимъ они намѣренно выдѣляютъ себя изъ общеславянскаго движенія, которое одно могло бы обновить ихъ обветшавшія силы, и настойчиво держатъ себя особняками среди великой славянской семьи, отказываясь отъ участія въ будущемъ славномъ братскомъ пирѣ славянскихъ племенъ. Наконецъ, удивляемся безграничному благодушію отеческаго надзора со стороны нашего правительства, которое только тогда бываетъ строго, когда капризный ребенокъ Польша какъ нибудь уже особенно сильно закуралеситъ, и потомъ снова милостиво и любвеобильно обходится съ нимъ. Опредѣленная, обдуманная система и постоянство въ характерѣ дѣйствій— великая вещь при воспитаніи и при перевоспитаніи и исправленіи и отдѣльныхъ дѣтей, и «дѣтей-народовъ!» Въ послѣднее время стали даже распространяться слухи, очевидно преждевременные, будто русское правительство, наскучившись понапрасну возиться съ этимъ упрямымъ и капризнымъ ребенкомъ и не ожидая отъ него проку, если оставить его подъ своимъ педагогическимъ руководствомъ, намѣрено часть поляковъ—именно завислянскихъ, отдать на выучку и для исправленія въ «прусско-нѣмецкій пансіонъ.» Слухи странные, но осуществленіе ихъ существенно гибельно было бы именно для поляковъ...

(*Вечерн. Газ.*)

2.

Изъ современныхъ задачъ государственной жизни Россіи польскій вопросъ безспорно есть самая сложная и трудная. Но трудности, присущія государственной задачѣ, никогда не уничтожаются, даже не ослабляются легкомысленнымъ отрицаніемъ ихъ, будь это отрицаніе слѣдствіе недостаточно серьознаго взгляда на вещи, или даже увѣренности въ своей силѣ. Если эта увѣренность и не преувеличена, если она вполнѣ соразмѣрна съ дѣйствительною силой, то ею одною никакія трудности не преодолѣваются. Для того, чтобъ въ каждомъ данномъ случаѣ преодолѣть трудности, нужно, чтобъ соотвѣтственное имъ количество силы было вѣрно направлено къ ихъ устраненію. Судить о томъ, какое количество силы въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ встрѣчаемымъ трудностямъ и какое направленіе дать этой силѣ, можно единственно при сознаніи самыхъ трудностей; а для того, чтобъ сознать ихъ, необходимо подвергнуть данныя обстоятельства тщательному, спокойному и разумному анализу.

Мы назвали польскій вопросъ самою сложною задачей государственной жизни Россіи, и не безъ основанія. Сколько бы мы ни настаивали на исключительно внутреннемъ характерѣ этого вопроса, было бы безполезно отрицать, что онъ имѣетъ также внѣшне-политическую сторону, хотя бы это внѣшнее значеніе его заключалось единственно въ томъ, что по временамъ другія державы, пользуясь польскимъ вопросомъ, какъ средствомъ создать Россіи затрудненія, пытаются придать ему международный характеръ. Относительно своего окончательнаго разрѣшенія, польскій вопросъ, какъ онъ намъ представляется, есть почти исключительно внутренній вопросъ Россіи; когда онъ будетъ разрѣшенъ, тогда международная сторона его исчезнетъ сама собою. Но пока онъ не разрѣшенъ еще фактически, на практикѣ, онъ сохраняетъ для насъ фактически же, кромѣ государственно-политической, также и международно-политическую сторону, которую отрицать конечно можно, но простымъ отрицаніемъ устранить нельзя. Самый способъ рѣшенія, какое дастъ Россія своему внутреннему польскому вопросу, не лишенъ важнаго международнаго значенія. Когда, по поводу того же вопроса, нашъ поэтъ говорилъ Европѣ: „оставьте, это споръ славянъ между собою, вопросъ, котораго не разрѣшите вы,“—вѣроятно, никто въ то время не оцѣнилъ пророческаго

смысла этихъ словъ: ходъ польскаго дѣла въ Россіи. способъ разрѣшенія нами польскаго вопроса непремѣнно долженъ имѣть большое вліяніе на наши будущія отношенія къ одноплеменнымъ намъ славянскимъ народомъ.

При всемъ многостороннемъ значеніи польскаго вопроса, лѣтъ шесть-семь тому назадъ никто, можно сказать, у насъ имъ не занимался. Вниманіе общества поглощали непосредственныя послѣдствія освобожденія крестьянъ, послѣдствія, неизбѣжно отозвавшіяся для многихъ довольно чувствительными затрудненіями. Заботы нашего общества были преимущественно хозяйственнаго свойства; но какъ въ организмѣ государства такая важная мѣра, какою было упраздненіе крѣпостнаго состоянія, не могла не воздѣйствовать на всѣ части его, то, рядомъ съ хозяйственными вопросами въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, сами собою возникли болѣе обширные политико-экономическіе и, наконецъ, чисто-политическіе вопросы. При этомъ въ обществѣ впервые стали обнаруживаться различныя направленія, такъ-называемыя партіи, которыя не замедлили вступить въ борьбу между собою.

Въ виду новости этихъ обстоятельствъ, ихъ было слишкомъ достаточно для того, чтобъ всецѣло поглотить дѣятельность нашего общества. О застарѣломъ вередѣ русскаго государственнаго тѣла, польскомъ вопросѣ, оно не думало и не могло думать. Еще такъ недавно въ Россіи „государствомъ“ было одно правительство, а съ того времени, когда само общество начало жить государственною жизнію, оно еще не успѣло ощутить перемежающійся зудъ этого вреда. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, не только у массы нашего общества, но и у большинства публицистовъ, которымъ теперь случается трактовать о нашихъ польскихъ дѣлахъ, запасъ свѣдѣній о Польшѣ и отношеніяхъ ея къ государственному организму и политическимъ задачамъ Россіи, былъ весьма ограниченный, можно сказать ничтожный. Онъ и теперь еще далеко не полонъ, даже не очень обиделъ, и въ сущности результатомъ его является только то, что и публицистика, и общество постоянно находятся на сторожѣ внѣшнихъ проявленій зла. И кто же станетъ утверждать, что въ нашемъ общественномъ сознаніи уже вполнѣ уяснились какъ причины и свойства зла, такъ и средства къ радикальному его излеченію?

Въ февралѣ 1861 года произошло первое кровавое столкнове-

ніе между войсками и варшавскимъ населеніемъ; затѣмъ, одно за другимъ, съ береговъ Вислы приходили тревожныя извѣстія; но если мы присмотримся къ настроенію, господствовавшему въ то время какъ въ нашемъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ, то найдемъ его весьма похожимъ на ту досаду, на то негодованіе, которыя овладѣваютъ человѣкомъ, когда онъ занятъ важнымъ и своимъ дѣломъ, а ему докучаютъ посторонними дѣлами. Внутренній смыслъ явленій въ Царствѣ не былъ понятъ никѣмъ. Всѣ думали купить спокойствіе цѣною уступокъ. Отсюда тотъ рядъ ошибочныхъ мѣръ, про который теперь по истинѣ можно сказать: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ; мѣръ, которыя при данныхъ обстоятельствахъ, не могли быть удачнѣе придуманы, еслибъ мы хотѣли не предупредить возстаніе, а вызвать его.

Когда вспыхнулъ мятежъ, правительству предстояло, во-первыхъ, усмирить его и возстановить матеріальное спокойствіе; во-вторыхъ, обезпечить Россію на будущее время отъ повторенія подобныхъ событій. Исполненіе первой задачи было легко; всѣ трудности сосредоточивались во второй задачѣ, и эти трудности такъ многосложны и велики, что для успѣшнаго преодолѣнія ихъ необходимо, чтобъ русское общество ни на минуту не отрывало своего вниманія отъ польскихъ дѣлъ.

Намъ могутъ возразить на это, что общество готово не отрывать вниманія отъ западнаго края и отъ Царства, насколько позволяютъ ему домашніе интересы; но много ли оно увидитъ, и какая будетъ польза, если оно и станетъ часто обращать взоры къ нашимъ западнымъ областямъ, когда ему ничего не показываютъ? О ходѣ дѣлъ въ этихъ областяхъ русское общество не можетъ судить de visu; оно вынуждено искать свѣдѣній въ газетахъ. Всѣмъ извѣстно, какого рода свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ сообщаются газетами, и какъ мало поучительнаго читающая публика можетъ извлечь изъ нихъ, какъ бѣдны наши газеты матеріалами для рѣшенія вопроса: соотвѣтствуетъ ли система, принятая правительствомъ въ отношеніи къ польскимъ и ополяченнымъ губерніямъ, мѣстнымъ обстоятельствамъ и высшимъ государственнымъ потребностямъ; есть ли вообще зрѣло обдуманная, во всѣхъ своихъ частяхъ практически возможная система, и если предположить, что она есть, то какъ она приводится въ исполненіе? Кто изъ насъ, русскихъ, не знаетъ по опыту, что въ государственныхъ и адми-

нистративныхъ дѣлахъ система часто кажется образцовымъ произведеніемъ кабинетной регламентаціи, а на дѣлѣ оказывается далеко не столь совершенною. Или она, вмѣсто того, чтобы принять за основаніе дѣйствительно существующія, *всѣ* существующія обстоятельства, исходитъ отъ болѣе или менѣе фанатическихъ представленій. Или она сама по себѣ хороша, но съ одной стороны приняты во вниманіе не всѣ средства, которыя дали бы возможность исполнить ее, а съ другой—средства, предназначенныя къ ея исполненію, недостаточны.

Мы говоримъ вообще, съ точки зрѣнія теоріи, не имѣя еще покуда въ виду хода дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. Мы ведемъ рѣчь къ вопросу: насколько наша печать содѣйствовала и могла содѣйствовать къ установленію въ обществѣ твердаго, яснаго и сознательнаго мнѣнія о польскомъ вопросѣ и продолжающихся свыше четырехъ лѣтъ работахъ по практическому и окончательному его разрѣшенію.

Еще по лѣсамъ и болотамъ Царства не было окончено преслѣдованіе повстанцевъ. еще революціонный „жондъ народовый" не былъ ни накрытъ, ни открытъ, когда послѣдовало обнародованіе законодательной мѣры, положившей начало коренному преобразованію Царства. Нужно сознаться, что для великаго государственнаго труда, къ которому правительство приступило указомъ 19-го февраля 1864 года, обстоятельства въ то время были крайне неблагопріятны. Всѣ подобнаго рода труды прежде всего требуютъ спокойнаго, всесторонняго обсужденія, и нужно удивляться еще той степени спокойствія духа, которую умѣли сохранить при тогдашнемъ настроеніи русскаго общества составители упомянутаго указа. Вѣроятно никто, будь онъ даже въ политическомъ отношеніи противникъ ихъ, не усомнится въ пламенности ихъ патріотизма; но государственный умъ преобладалъ у нихъ надъ увлеченіями оскорбленнаго чувства. Если же и на трудѣ этихъ людей нельзя не видѣть слѣда ненормальныхъ обстоятельствъ, то неудивительно, что печать, а за нею общество, не имѣли достаточнаго хладнокровія, чтобъ отнестись къ обнародованной мѣрѣ критически, и отнеслись къ ней болѣе какъ къ боевому средству, къ какому-нибудь монитору. Да и гдѣ у нашихъ публицистовъ были данныя для критическаго сужденія объ указѣ 19-го февраля 1864 года? Кто изъ нихъ живалъ въ Царствѣ Польскомъ и подробно

зналъ тамошнія поземельныя отношенія? Гдѣ у насъ литература, изъ которой, за недостаткомъ личныхъ наблюденій, было бы возможно изучить экономическія и соціальныя условія Царства?

Многіе, безъ сомнѣнія, серьозно смотрѣли на принимавшіяся, одна за другою, органическія мѣры; печать же, по недостатку матеріаловъ для критической оцѣнки этихъ мѣръ, ограничивалась печатаніемъ коментаріевъ, доставлявшихся ей изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ исходили самыя мѣры. Очевидно такіе коментаріи не могли ни въ чемъ расходиться съ объясняемыми въ нихъ мѣрами, такъ-какъ и тѣ, и другія были плодомъ однихъ и тѣхъ же убѣжденій. Кромѣ этихъ коментаріевъ, которыхъ „primeur" обыкновенно доставалась „Русскому Инвалиду," въ газетахъ появлялись статьи, которыя собственно были не что иное какъ парафразы тѣхъ же коментаріевъ, или варіяціи на нихъ, часто очень различныя между собою по литературнымъ пріемамъ и уровнямъ точекъ зрѣнія. Но все же въ этихъ статьяхъ преобладалъ способъ оцѣнки съ точки зрѣнія воинственнаго эфекта, чтобы не сказать народной мести. Такъ въ надѣленіи крестьянъ землею видѣли преимущественно одну сторону: отнятіе земли у шляхты; въ закрытіи части монастырей въ Царствѣ—пораженіе на голову враждебнаго намъ клерикальнаго элемента, и т. д. При такомъ исключительномъ критеріумѣ всѣ мѣры, послѣдовательно издававшіяся для Царства, встрѣчались печатью съ полнымъ и безусловнымъ одобреніемъ; общество же, убѣждаясь изъ газетъ, что правительство дѣйствуетъ, и хорошо дѣйствуетъ, успокоилось, отвернулось отъ польскихъ дѣлъ и сосредоточило все свое вниманіе на своихъ болѣе близкихъ дѣлахъ. А ихъ къ тому же было много, и постоянно прибывали новыя.

Почти таковы же были отношенія печати къ другому театру, на которомъ разыгрывается историческая русско-польская драма,—къ нашимъ западнымъ губерніямъ. И тутъ замѣтна неполнота знаній, ведущая къ туманной фразеологіи и къ тому, что слова безъ ясно-опредѣленнаго смысла принимаются за дѣло. Извѣстно, что у насъ пущено въ оборотъ слово „обрусѣніе" въ примѣненіи къ нашимъ западнымъ губерніямъ. Что въ пылу рѣчи это слово, могло сорваться съ языка,— это мы понимаемъ; но насъ крайне удивляетъ, что это слово могло войти въ обыденный оборотъ, и вотъ уже года три удержаться въ немъ.

„Обрусить" значитъ сдѣлать русскимъ нерусское. Какимъ образомъ увѣрить богомольцевъ, тысячами со всѣхъ концовъ Россіи стекающихъ къ Троицыну дню въ Кіевъ, что этотъ городъ не русскій, что его сперва еще нужно „обрусить?" Согласно съ исторіей и этнографіей мы утверждаемъ, что наши западныя губерніи составляютъ исконное достояніе Россіи; что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ жмудскихъ и латышскихъ округовъ, онѣ имѣютъ сплошное русское населеніе; что польское начало въ этихъ губерніяхъ есть наплывное. Все это совершенно вѣрно; но въ такомъ случаѣ что значитъ „обрусѣніе" этихъ губерній? Коренное населеніе въ нихъ есть уже русское, слѣдовательно оно не нуждается въ „обрусѣніи." Требуютъ ли государственные интересы Россіи „обрусѣнія" латышей и жмудиновъ? На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, только и можно отвѣчать, что „обрусѣніе" названныхъ племенъ желательно, но что оно совершится само собою, силою вещей, и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ главнѣйшей задачи нашего управленія въ западныхъ губерніяхъ, задачи, которая именно и выражается будто бы словомъ: „обрусѣніе" этихъ губерній. Остается затѣмъ еще польское начало, къ которому могла бы быть примѣнена мысль объ „обрусѣніи." Но, во-первыхъ, тогда говорить объ „обрусѣніи", *края,* значило бы оказывать польскому меньшинству слишкомъ большую честь, отождествляя его съ краемъ, чего оно такъ желаетъ; во-вторыхъ, мы не можемъ себѣ представить, чтобъ для блага и безопасности Россіи было необходимо заняться индивидуальною передѣлкой поляковъ и полекъ, живущихъ въ западныхъ губерніяхъ. По нашему мнѣнію, политика Россіи требуетъ, чтобъ польскіе порядки, неправильно утвердившіеся на русской землѣ, были искоренены; чтобъ политическое значеніе польскаго элемента въ нашихъ западныхъ губерніяхъ навсегда упразднилось. Еслибъ непремѣнно нужно было выразить эту государственную цѣль—однимъ словомъ, то ей соотвѣтствовало бы только слово: *располячить;* оно, быть можетъ, не такъ звучно, но зато логически и политически правильно, а это въ важныхъ вопросахъ слѣдуетъ предпочитать благозвучію.

Да не подумаютъ читатели, что мы изъ пустой придирчивости привязались къ слову „обрусѣніе." „Вѣрьте," сказалъ намъ однажды знаменитый ученый: „гдѣ есть ясныя мысли, тамъ найдутся и слова, точно ихъ выражающія; и наоборотъ, неправильныя

выборъ словъ обыкновенно доказываетъ неясность мыслей." Безъ ясныхъ мыслей невозможна логически послѣдовательная и практически осуществимая, твердая государственная система.

Какъ для западныхъ губерній придумано слово „обрусѣніе," такъ для Царства Польскаго нашлось слово „объединеніе." Эти два слова составляютъ истинный кладъ для публицистовъ. Съ ними можно сѣсть на луну, мокать перо въ облака, писать статьи длиною до земли, и все таки не договориться до практическаго результата.

И такими-то умозрительными, отвлеченными заявленіями о самомъ практическомъ, самомъ животрепещущемъ вопросѣ нашей внутренней политики, печать поставлена въ необходимость удовлетворять потребности своихъ читателей, желающихъ знать ходъ дѣлъ въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ! Отъ времени до времени попадаются исключенія, но они рѣдки и почти всегда изобличаютъ офиціозный характеръ; то-есть такія исключительныя статьи писаны лицами, входящими въ составъ мѣстной администраціи, дѣло въ нихъ представляется согласно съ видами администраціи, и онѣ обыкновенно отправляются для напечатанія лишь по предварительномъ ободреніи начальствомъ. Частныхъ корреспонденцій изъ Царства почти не встрѣчается въ нашихъ газетахъ, вѣроятно не потому, что за письмами изъ Парижа, Флоренціи, Вѣны и проч. для нихъ не стало бы мѣста; причина и не въ томъ, что въ Царствѣ нѣтъ постоянныхъ жителей изъ русскихъ, съ вполнѣ независимымъ взглядомъ на вещи, такъ какъ они всѣ находятся на службѣ. Можно служить, быть исправнымъ чиновникомъ или преподавателемъ, и сохранить полную независимость мнѣній и убѣжденій. Мы знаемъ, что такихъ нравственно независимыхъ личностей не мало въ составѣ русскаго общества въ Царствѣ, но онѣ не пишутъ, потому что онѣ матеріально зависимы, и знаютъ, что иногда легче и безопаснѣе посылать пасквили въ „Познанскій Дневникъ," чѣмъ правдивыя и добросовѣстныя корреспонденціи въ одну изъ нашихъ столичныхъ газетъ.

И такъ наша періодическая печать не имѣетъ достовѣрныхъ и основательныхъ частныхъ извѣстій о польскихъ дѣлахъ, и общество лишено, вслѣдствіе того, единственнаго источника къ правильному контролю надъ ходомъ вопроса, такъ близко его касающагося. Не въ мѣстныхъ же русскихъ газетахъ станетъ искать

общество серьознаго критическаго взгляда на предметъ. Всѣ онѣ издаются непосредственно мѣстною администраціей или подъ ея надзоромъ, взглядъ ихъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ односторонен.

Патріотическая страстность и раздражительность, возбужденныя въ нашей печати событіями 1863 года, замѣнились по усмиренія мятежа тѣмъ спокойствіемъ, которое въ государственныхъ вопросахъ неразлучно съ сознательнымъ убѣжденіемъ и твердымъ рѣшеніемъ.

(*С. Петер. Вѣд.*)

3

Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописаніе, тотъ долженъ всмотрѣться поглубже въ исторію, вспомнить многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, и колосса между ними, многомилліоннаго русскаго народа, призваніе коего уже достаточно обозначено Провидѣніемъ. Исторію творимъ не мы, мы только ее принимаемъ. Не намъ также направлять и исправлять пути Провидѣнія; мы только должны имъ слѣдовать. Когда такъ посмотримъ на событія, то взоръ нашъ сдѣлается яснѣе, трезвѣе мысль, вѣрнѣе и прямѣе наши дѣйствія." Такого рода вразумленія счелъ долгомъ сдѣлать наставникамъ будущаго варшавскаго университета, 12 текущаго сентября, русскій министръ народнаго просвѣщенія, „стоя на почвѣ, еще такъ недавно взволнованной печальными событіями." Для отрезвленія поляковъ онъ указалъ на исторію и на Провидѣніе, не безъ глубокихъ цѣлей приготовившіе современное положеніе Польши и Россіи, и на многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, которая въ свою очередь нѣсколько освѣщаетъ призваніе поляковъ и Россіи въ настоящее время. Можетъ быть, въ тотъ же самый день одна европейская, хотя нѣсколько мрачная, знаменитость изъ Лондона писала полякамъ, между прочимъ, слѣдующіе укоры и вразумленія по поводу намѣренія ихъ стать на сторону Турціи и западныхъ державъ противъ Россіи въ восточномъ вопросѣ: „поляки! чтобы не обманываться, вамъ стоитъ только помнить, какая кровь течетъ въ вашихъ жилахъ, каковы національныя ваши преданія, какова ваша миссія, къ которой вы

призваны Богомъ, и исполненіе которой одно можетъ дать теперь силу и побѣду польской странѣ. *Время созрѣло для славянъ. Ихъ національное торжество будетъ событіемъ этого вѣка.* Кровь, текущая въ жилахъ поляковъ—славянская кровь. Вы братья тѣхъ, которые населяютъ и требуютъ для себя воздѣланную ими почву Босніи, Герцеговины, Черногоріи и сербскихъ областей. Въ одинъ прекрасный день эти люди, эти славяне возстанутъ во имя права, которое и вы провозглашаете, во имя преданія, которое есть вмѣстѣ и ваше преданіе, во имя новой жизни, для которой настало время, и вооруженными апостолами которой должны быть вы,— *жизни славянскаго міра.* Пойдете ли вы противъ нихъ? Будете ли сражаться за полумѣсяцъ противъ креста, за фатализмъ противъ свободы, за неподвижность противъ прогресса, за фактъ противъ права, за обладаніе чужеземца противъ права пользоваться плодами самодѣятельнаго труда, за Азію противъ Европы? Пожертвуется ли колыбелью могилѣ? Только содѣйствуя юной жизни, вы пріобрѣтете отнынѣ права на существованіе. *Только какъ членъ третьей великой семьи европейской* (т. е. славянской—параллельно съ латино-романскою и германскою), *вы получите возрожденіе. Польша будетъ старшею дочерью общей матери, называемой славянствомъ или ея совершенно будетъ.* Мы шествуемъ по трудному пути среди опасностей и кризисовъ, неразлучныхъ со всякимъ великимъ рожденіемъ, къ новой эпохѣ. Въ этой новой эпохѣ исторія предуказываетъ новые элементы; *одинъ*, движущійся въ нѣдрахъ каждаго народа и *другой*, начинающій открываться внѣ прежнихъ историческихъ народныхъ группъ и привносящій свою жизнь къ ихъ жизни. Это, съ одной стороны, народъ—классъ рабочихъ и земледѣльцевъ, съ другой—это требующее себѣ права гражданства въ семьѣ европейской—*славянское племя.* И это двойное знамя уже виднѣется нынѣ. И здѣсь—въ служеніи обоимъ этимъ знаменамъ—законъ вашей жизни... Знаю, что между вами есть люди, которые приходятъ въ ужасъ отъ того, что называется *панславизмомъ.* При словѣ „всеславянство" имъ уже видится рука царя, и это достаточно для нихъ, чтобы побудить ихъ противодѣйствовать всеславянскому движенію. Они знаютъ (они ошибаются, написали бы мы, вмѣсто автора и написали бы болѣе истинно!), что царская Россія мѣтитъ на Константинополь (она не разъ заявляла въ своихъ лучшихъ органахъ своего обще-

ственнаго мнѣнія, что она добивается освобожденія Константинополя, но не для себя!) и думають, что дѣлають польское дѣло, отдаваясь султану. *Эти люди ошибаются; они идутъ въ обратную сторону отъ будущаго*; царисму (?!) они противопоставляютъ гальванизированный трупъ, вмѣсто того, чтобы противопоставить ему жизнь, которая одна всесильна, они совершаютъ дѣло той дипломатіи, которая низвела Польшу въ могилу. *Я не боюсь панславизма: это только кошмаръ, это только предлогъ, выставляемый (западно) европейскими правительствами къ подавленію законныхъ стремленій.* [Имперія, простирающаяся среди всякого рода обломковъ отъ Восточной Двины и Сѣвернаго моря до западныхъ границъ Германіи и Южнаго моря, составляетъ теперь невозможность. (Русская печать давно уже доказываетъ эту невозможность; но ей не вѣрятъ ни поляки, ни другіе народы!). Четыре отдѣльныя группы: польская, русская, чешская и иллирійская, намѣченныя самыми географическими условіями, особенными стремленіями и историческими преданіями, по всей вѣроятности, раздѣлятъ между собою 79 милліоновъ славянъ, стремящихся утвердиться въ своихъ естественныхъ правахъ. Подобно тому, какъ между вѣтвями тевтонскаго и греко- (?!) латинскаго племени, и между этими группами будетъ братская симпатія, нравственная связь, но отнюдь не единство политическое..."

Если бы мы выпустили въ послѣдней выдержкѣ слово *царисмъ* и опасенія, какія авторъ привязываетъ къ этому понятію, то читатель въ правѣ былъ бы подумть, что въ Лондонъ заѣхалъ какойнибудь образованный русскій, представитель лучшихъ, умѣренныхъ убѣжденій современнаго русскаго общества, и оттуда держитъ къ полякамъ свою умную, проникнутую знаніемъ исторіи и глубокимъ участіемъ къ будущей судьбѣ славянскихъ народовъ, рѣчь, что приведенныя нами слова точно также принадлежатъ одному изъ лучшихъ русскихъ патріотовъ, какъ и слова, приведенныя нами въ самомъ началѣ статьи. Мы намѣренно сопоставили эти двѣ выдержки, чтобы понятія и убѣжденія, кратко выраженныя въ первой выдержкѣ, объяснить второю: варшавская рѣчь и лондонское воззваніе, для предостереженія и вразумленія вредящихъ самимъ себѣ поляковъ, одинаково совѣтуютъ имъ „поглубже всмотрѣться въ исторію," не забывать „многочисленныхъ славянскихъ племенъ, трепетно ожидающихъ своей будущности", и не

идти „противъ путей Провидѣнія.“ И между тѣмъ трудно представить двухъ авторовъ, столь различныхъ по своему положенію и по своей дѣятельности, какъ авторъ варшавской рѣчи и авторъ лондонскаго воззванія. Впрочемъ, говоря словами рѣчи, „въ высшихъ сферахъ науки и чистаго знанія“ лица совершенно различныхъ положеній и съ совершенно различными родами дѣятельности могутъ совершенно сходиться въ признаніи великихъ истинъ науки и знанія. Подъ воззваніемъ, изъ котораго привели мы выдержку, подписался страшный противникъ современнаго политическаго и общественнаго устройства западной Европы, наставникъ всѣхъ современныхъ республиканцевъ и демократовъ, Іосифъ Мадзини, такая же теоретическая знаменитость въ исторіи соціальнаго развитія послѣднихъ годовъ, какъ знаменитъ въ практическомъ отношеніи Іосифъ Гарибальди. Для поляковъ Мадзини долженъ быть, потому что доселѣ былъ, авторитетомъ, и если для нихъ могутъ показаться подозрительными или невразумительными слова русскаго министра, то они не могутъ не признать заслуживающими полнаго вниманія ихъ укоры и совѣты коновода современныхъ движеній—знаменитаго италіянскаго республиканца.

Но воззваніе Мадзини наводитъ насъ и на многія другія соображенія касательно современнаго положенія, занимаемаго нашимъ отечествомъ въ Европѣ, и касательно отношенія къ Россіи общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ. Кто бы могъ ожидать, что Мадвини обратится къ полякамъ съ тѣми же самыми совѣтами и вразумленіями, съ которыми неоднократно уже обращались къ нимъ лучшіе русскіе люди, лучшіе наши органы общественнаго русскаго мнѣнія и иногда наши дипломаты? И между тѣмъ это случилось. Что же это значитъ? Какимъ образомъ произошелъ такой переворотъ? Какимъ образомъ, въ параллель дружбы къ Россіи великой американской республики, за Россію, въ пользу Россіи наконецъ, повторяя слова Россіи, произноситъ укоры полякамъ знаменитый европейскій республиканецъ? Что общаго между ними и сѣверною Америкою, какія незримыя побужденія заставляютъ республиканскій народъ чувствовать неодолимое влеченіе къ *царскому* русскому народу? Историческая будущность, совмѣстное и великое дѣйствованіе на поприщѣ міра, ясно предъощущаемое нами и американцами,—вотъ что связываетъ насъ съ ними, что застасляетъ насъ взаимно уважать другъ друга. Эту

самую великую будущность славянства вообще и Россіи въ частности чуетъ и Мадзини, этотъ дѣятель будущаго, живущій въ немъ своими помыслами и мечтами, и съ высоты этого прозрѣнія въ будущее считаетъ себя въ правѣ обратиться съ горькимъ словомъ правды и вразумленія къ полякамъ, эгоистически съузившимъ весь свой историческій кругозоръ на одномъ прошедшемъ своей республики и свою политическую программу на одномъ стремленіи, во что бы то ни стало, и гдѣ бы ни привелось, даже хоть на службѣ у турецкаго султана и въ войнѣ противъ сербовъ и болгаръ, вредить и противодѣйствовать Россіи.

Будущее славянства и Россіи—нашъ *великій примиритель* съ народами запада. И однако же, сколько разъ сами мы, входя въ чуждыя и враждебныя намъ комбинаціи западно-европейской политики, намѣренно какъ будто отдаляли отъ себя свою будущность и будущность своихъ соплеменниковъ! Сколько разъ наша политика шла въ сторону, прямо противоположную той, въ которую ей надлежало идти, заключая противоисторическіе союзы и трактаты, становясь въ рукахъ западныхъ дипломатовъ защитницею и хранительницею прошлаго противъ требованій современнаго и стремленій къ будущему, сколько разъ она вооружала противъ Россіи все, что было въ Европѣ молодаго, надѣющагося, энтузіастическаго и энергическаго! Когда, сломивъ Наполеона I и даровавъ свободу покореннымъ европейскимъ народамъ, Россія сдѣлалась предметомъ удивленія и признательности всѣхъ свободныхъ націй и умовъ, никто не ожидалъ, что за дипломатическимъ столомъ въ Вѣнѣ она зачеркнетъ всѣ свои права на признательность и уваженіе народовъ и вступитъ въ союзъ съ элементами, отжившими и разлагающимися, обязавшись ничего не щадить для ихъ поддержки. Когда потомъ, помимо своихъ "священныхъ„ союзниковъ и наперекоръ одному изъ нихъ, Россія вновь выступила, какъ дѣятель будущаго, и основала, убѣдивъ Англію и Францію, греческое королевство, надежды угнетенныхъ европейскихъ народностей ожили, и Россія на время нѣсколько утишила ненависть къ себѣ. Но европейская дипломатія и при этомъ втянула ее въ великую ошибку, когда освобожденный греческій народъ вручила баварскому принцу, и потомъ молча смотрѣла на то, какъ баварцы крѣпче затягивали грековъ въ петлю деспотизма. Еще болѣе роковую ошибку

Россія сдѣлала, когда выступила за Австрію, какъ покровительница угнетенія народностей, входящихъ въ составъ австрійской имперіи: общественное мнѣніе западной Европы до конца было раздражено нашимъ побѣдоноснымъ венгерскимъ походомъ, и ни мало не удивительно, что въ Европѣ ни одинъ голосъ почти не возвысился въ нашу пользу, когда мы хотѣли было свернуть въ сторону отъ трактата 1815 года и явиться въ новомъ званіи—защитницы угнетенныхъ подданныхъ Турціи. Крымскую войну мы вели при восторгахъ отъ нашихъ неудачъ нашихъ враговъ и при равнодушномъ или двоедушномъ бездѣйствіи правительствъ дружественныхъ и священно-союзныхъ, вообще при общей ненависти къ намъ западныхъ народовъ.

Трудно представить болѣе тяжелое положниіе, чѣмъ въ какомъ находилась Россія двѣнадцать лѣтъ назадъ. Съ массою долга, который она пріобрѣла въ крымскую войну, она не могла утѣшить себя и тѣмъ, что хоть сколько нибудь поколебала вражду къ себѣ общественнаго мнѣнія: лишь къ недовѣрчивости народовъ къ себѣ она присоединила еще ихъ подозрѣнія относительно своего безсилія. Но народъ, имѣющій за себя будущее, въ подобномъ униженіи всегда найдетъ для себя исходъ къ возвышенію. Живя дотолѣ на широкую ногу, вмѣшиваясь во все на свѣтѣ и помогая всѣмъ, принимая у себя и званныхъ, и незванныхъ, въ особенности же иностранныхъ, наше отечество вдругъ, какъ разорившійся, но не потерявшій вѣры въ себя, богачъ, уединилось, заключилось само въ себѣ, разомъ отказавшись отъ всѣхъ условій вѣнскаго трактата, обязывавшаго его вмѣшиваться во всякое столкновеніе стараго съ молодымъ, факта съ правомъ, установленнаго и признаннаго съ вновь вводимымъ и требующимъ признанія. *Начался періодъ всероссійскаго затворничества, уединеннаго самоиспытанія и самоусовершенствованія.* Въ упорствѣ подвиговъ нашего уединенія, въ обиліи слезъ покаянія, въ сосредоточенной дѣятельности внутренней, въ громадности и послѣдовательной строгости нашихъ реформъ, мы представили міру больше доказательствъ нашей силы, больше убѣдительныхъ знаменій будущаго величія русскаго народа въ частности, и славянскаго племени вообще, чѣмъ даже тогда, когда мы побѣдносно боролись съ Наполеономъ I, или упорно, несмотря на дурное вооруженіе и такое же содержаніе нашей арміи, отстаивали Севастополь. Слѣдуя уставамъ свя-

щеннаго союза, если бы обстоятельства не заставили насъ, къ нашему же благу, отступиться отъ него, въ послѣднія десять лѣтъ мы должны были бы, еще болѣе усиливая непріязань и вызывая проклатія народовъ, поддержать австрійскую власть въ Италіи и послать для этого въ италянскій четыреугольникъ сильный корпусъ арміи или даже гвардіи; для поддержанія прежняго порядка вещей въ Германіи, завязать войну съ Пруссіею послѣ ея побѣды при Садовой; въ настоящую же минуту должны были послать къ берегамъ Испаніи эскадру и начать дипломатическій походъ противъ революціи въ Испаніи въ пользу бѣжавшей во Францію ех-королевы Изабеллы. Вотъ сколько хлопотливыхъ и неблагодарныхъ, бебдѣльныхъ и вредныхъ коммиссій намъ предстояло бы исполнить въ послѣднее время, если бы мы по прежнему стали во все на свѣтѣ ввязываться съ своими непрошенными услугами, если бы мы не уединились отъ европейскихъ дѣлъ и не предались исключительно своимъ дѣламъ и интересамъ. Мы, можетъ быть, отчасти по необходимости, отчасти—особенно въ послѣдствіи—добровольно и искренно признавали въ эту пору совершающіеся въ Европѣ факты: немедленно признали вновь создавшееся королевство италіянское, радостно привѣтствовали объединеніе северной Германіи, желали и радовались успѣху сѣверной Америки, и должны теперь съ удовольствіемъ смотрѣть на совершившійся въ Испаніи переворотъ. Поступая такъ, мы не издержали ни одного рубля, не пожертвовали ни однимъ солдатомъ, и между тѣмъ въ сѣверной Америкѣ, въ италіянцахъ, въ пруссакахъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ домашнихъ счетовъ), имѣемъ благорасположенныхъ къ намъ пріятелей. Можетъ статься, еще холоднѣе и даже враждебнѣе прежняго стала къ намъ относиться теперь Австрія, по прежнему расчитывавшая на наше обычное великодушіе: но именно защита и помощь ей были бы для насъ вреднѣе всего и въ общественномъ мнѣніи Европы, и въ нашихъ племенныхъ и государственныхъ интересахъ.

Что же, спрашивается, какой общій выводъ можно сдѣлать изъ исторіи послѣдняго десятилѣтія,—выводъ философскій и вмѣстѣ практическій? Выводъ ясенъ: *все новое за насъ, все старое противъ насъ въ Европѣ; всякое новое рожденіе въ Европѣ даетъ намъ новаго союзника.* И значитъ, всякій переворотъ въ Европѣ, чѣмъ бы онъ ни кончался, только расчищаетъ европейское поле

для нешего сѣянія на немъ; мы должны, если не оказывать переворотамъ нравственной поддержки, то во всякомъ случаѣ оставаться хладнокровными зрителями ихъ. Для насъ нисколько не опасны ни революція въ Испаніи, ни возможный государственный переворотъ во Франціи, ни дуализмъ въ Австріи, ни требуемая поляками автономія Галиціи; напротивъ, всѣ подобные перевороты только ослабляютъ степень ненависти къ намъ старыхъ правительствъ, которыя не могутъ отступиться отъ своей традиціонной политики—становиться поперегъ дороги всѣмъ начинаніямъ юной Россіи и постоянно поддерживать и питать въ полякахъ самыя противоисторическія, противославянскія, противурусскія, противухристіянскія стремленія. Десять лѣтъ нашего политическаго уединенія, нашей, такъ сказать, *отрицательной* политики, сдѣлали возможнымъ такое странное явленіе, что всеевропейскій республиканецъ Мадзини обращается къ полякамъ съ тѣми же укоризнами и совѣтами, съ которыми уже неоднократно обращились къ нимъ истинно-русскіе люди, и которые (за исключеніемъ понятія о царисмѣ, неправильно понимаемаго апостоломъ революцій и вожбуждающаго въ немъ, въ слѣдствіе этого северщенно дикія опасенія, и теперь можетъ ничего не опасаясь, повторить полякамъ самый патріотическій русскій печатный органъ, и даже лицо высокопоставленное и офиціальное. Пройдетъ еще нѣслолько лѣтъ, и, при условіи нашего невмѣшательства въ совершающіяся европейскія столкновенія, *правда русская и правда общеславянская* найдутъ еще болѣе справедливыхъ судей и защитниковъ, чѣмъ Мадзини въ настоящемъ случаѣ. Свѣтъ науки затемняется передъ глазами народовъ среди треволненій политическихъ и общественныхъ, но, по миновaніи ихъ, при намѣренномъ удаленіи отъ нихъ, исторія одинаково ясно обозначаетъ задачи племенъ и эпохъ, какъ для заклятаго республиканца, такъ и для истинно-вѣрноподданнаго монархіи. „*Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописаніе* и предусмотрѣть будущія задачи переживаемой эпохи, *тотъ долженъ всмотрѣться поглубже въ исторію, вспомнить многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности и колосса между ними, многомилліонный русскій народъ, призваніе котораго уже достаточно обозначено Провидѣніемъ.*„

(Веч. Газ.)

4.

Какъ между людьми вообще встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя до старости остаются дѣтьми, способными больше увлекаться несбыточными предпріятіями, чѣмъ серьезно относиться къ своимъ насущнымъ потребностямъ; такъ точно въ семьѣ народовъ иногда попадаются такія національности, которыя до старости, до самой своей политической смерти, продолжаютъ оставаться дѣтьми въ собственномъ смыслѣ этого слова. У насъ, русскихъ, такой примѣръ на глазахъ въ лицѣ „народа-дитяти"—поляковъ.

Мы много разъ уже говорили о польскомъ вопросѣ; обращаемся снова къ нему, чтобы побесѣдовать съ нашими читателями объ этомъ народѣ съ ребяческимъ смысломъ и упрямствомъ.—Послѣ того, какъ безумно поднятый мятежъ 1863 г. кончился такъ неудачно для интересовъ польской шляхты, которая одна только и сочувствовала ему, кажется — польскіе вожди, живущіе заграницей, могли бы научиться благоразумію и увидѣть со всею очевидностію, что всѣ ихъ послѣдующія попытки больше смѣшны, чѣмъ серьезны, что надъ ними, наконецъ, великодушно насмѣхаются самые ихъ мнимые друзья. Мы не безъ основанія сейчасъ сказали, что въ мятежѣ была заинтересована только одна польская шляхта, потому что народъ, составляющій основу края, не сочувствовалъ и не могъ сочувствовать этому возстанію, такъ какъ русское правительство всегда, въ той или другой мѣрѣ, оберегало его интересы. Но, не смотря на свой горькій опытъ въ польскомъ возстаніи, руководители польскіе до сихъ поръ не образумились, до настоящаго времени продолжаютъ упрямиться, подобно дѣтямъ, не обращая вниманія на совѣты и уроки, даваемые имъ со всѣхъ сторонъ. Они съ упорной настойчивостію продолжаютъ волновать общественное мнѣніе Европы, склонять его въ свою пользу, а своимъ соотечественникамъ, остающимся на родинѣ и съ неудовольствіемъ наблюдающимъ, какъ русское правительство и русское общество возвышаютъ и освобождаютъ загнанный ими простой народъ, этимъ, говоримъ, друзьямъ своимъ заграничные агитаторы шлютъ разныя обѣщанія, подаютъ надежды и тѣмъ препятствуютъ этимъ лицамъ вполнѣ успокоить-

ся и забыть о всевозможныхъ мятежахъ и волненіяхъ. Съ 1863 года, послѣ неудачнаго дипломатическаго похода западныхъ державъ на Россію, эти послѣднія больше не даютъ полякамъ никакого основанія надѣяться на ихъ дѣятельную помощь. Это очевидно для всѣхъ, кромѣ однихъ вождей польскихъ. Они все еще продолжаютъ пользоваться всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы напомнить Европѣ о своемъ существованіи, о своей скорби, о своихъ надеждахъ, и вызвать съ ея стороны хотя одно слово сочувствія. Подобныя мечтательныя попытки многихъ представителей польской аристократіи, этого „народа-дитяти,“ проявляются въ то время, когда ихъ собственная родина обновляется, воскресаетъ къ новой жизни, въ которой уже не будетъ безправныхъ рабовъ, а всѣ будутъ равноправными гражданами; бѣглые, чтобъ не сказать вмѣстѣ съ Писаніемъ, „блудные“ сыны страны, привыкшіе только въ свою пользу употреблять средства и жизнь низшихъ классовъ, удалились, чтобы не трудиться надъ улучшеніемъ быта крестьянъ, соединенныхъ съ неизбѣжнымъ упраздненіемъ тяжелыхъ панскихъ привиллегій, и они же еще продолжаютъ мечтать о возстановленіи стараго своего обладанія страной, не стѣсняются открыто высказываться о своихъ порывахъ снова утвердить свои безчеловѣчныя привиллегіи надъ народомъ, въ первый разъ начинающимъ свободно дышать подъ охраной русскаго правительства, при помощи и дружескомъ содѣйствіи русскаго общества.

Нынѣшній годъ, точно также какъ и прежніе годы, не прошелъ безъ манифестацій со стороны польскихъ выходцевъ. Одна изъ нихъ въ особенности была расчитана на эффектъ (мы говоримъ о сборищѣ, происходившемъ въ Рапперсвилѣ); но она прошла почти незамѣченною въ Европѣ, къ удовольствію всѣхъ друзей мира, свободы и развитія польскаго народа и къ огорченію революціонной партіи въ этомъ краѣ. Агитаторы польскіе не только не встрѣтили большаго сочувствія со стороны своихъ мнимыхъ друзей, западныхъ державъ, но даже получили отъ нѣкоторыхъ упрекъ въ своемъ неумѣстномъ заявленіи. Эта неудачная манифестація могла бы научить воздержности и благоразумію всякій другой народъ, заставила бы отказаться отъ надежды на дѣятельную помощь

со стороны этихъ державъ противъ Россіи,— но научилаль ли она поляковъ?!.

Какъ желательно было бы для каждаго русскаго, для каждаго славянина вообще, чтобы поляки, эти наши братья-славяне, поняли, наконецъ, свою измѣну славянскому своему происхожденію и призванію на ряду съ другими племенами, уразумѣли свою горькую вину предъ прочими братьями-славянами. Мы не говоримъ о расположеніи поляковъ, или лучше польскихъ пановъ, къ намъ русскимъ—нужно немало времени, чтобы вражда ихъ къ намъ за все и въ частности за отнятіе у нихъ права господства надъ простымъ людомъ, успокоилась и миновалась. Но странно, отчего поляки такъ или иначе враждуютъ противъ другихъ народовъ славянскихъ? Значительная доля поляковъ состоитъ на службѣ у турецкаго правительства и—нѣкто изъ сыновъ славянской страны—Польши, Чайковскій съ своими соотечественниками, сражается подъ именемъ Садыкъ-паши за турецкіе интересы противъ южныхъ славянъ.—Въ настоящее время благопріятная минута для обращенія поляковъ въ нѣдра своей родной славянской семьи. Какъ хотѣлось бы вѣрить, что они, дѣйствительно, уразумѣютъ свои обязанности въ настоящее время, поймутъ „знаменія времени" въ мірѣ славянскомъ и—возвратятся въ дружескія—братскія объятія! Нужно ли говорить, что именно измѣна славянскимъ началамъ въ вѣрѣ и жизни служитъ коренной причиной безсилія поляковъ—сплотиться въ одно нравственное, народное цѣлое. Они, подъ вліяніемъ чуждыхъ, вовсе не народныхъ элементовъ, допустили въ своей исторической жизни полное разъединеніе общихъ интересовъ, борьбу сословій и партій. Не лучше ли, въ настоящее время, при упадкѣ сословныхъ привиллегій, озаботиться однимъ — устройствомъ внутренняго благосостоянія страны и заботой занять почетное мѣсто среди нравственно-сближающихся славянъ?

Въ ожиданіи, когда поляки-аристократы поймутъ свою несправедливость въ отношеніи русскихъ и славянъ вообще, намъ самимъ нужно зорко смотрѣть за сохраненіемъ и прогрессивнымъ развитіемъ тѣхъ началъ управленія и устроенія страны, которыя узаконены нашимъ правительствомъ. На насъ лежитъ обязанность обезпечить лучшую, прочную будущность для

низшихъ классовъ края, и мы ни на минуту не должны забывать, въ виду еще продолжающейся пропаганды со стороны выходцевъ, что только определенная, обдуманная система и постоянство въ характере действій даютъ ручательство за успехъ при воспитаніи, перевоспитаніи и исправленіи отдельныхъ детей и „детей-народовъ." Въ виду подобнаго обязательства съ нашей стороны въ отношеніи къ привислянскому краю, мы съ особеннымъ доверіемъ относимся къ нынешней поездке г. министра народнаго просвещенія въ варшавскій учебный округъ для личнаго осмотра хода образованія. Нетъ нужды много выяснять предъ читателями всю важность этой поездки. Припомнимъ только, что нынешній привислянскій край вообще и относительно народнаго образованія въ частности находится въ исключительномъ положеніи; несколько летъ назадъ здесь предприняты новыя меры относительно устраненія іезуитско-шляхетскаго вліянія на юношество и обращено особенное вниманіе на воспитаніе жителей того края въ общерусскомъ духе, и сообразно съ этими высшими правительственными соображеніями здесь преобразованы и устроены учебныя заведенія: составъ преподавателей, предметы обученія и самый языкъ русскій—все приспособлено къ одной цели—способствовать сближенію населенія этого края съ остальной Россіей. Въ самомъ деле, весьма важно для г. министра народнаго просвещенія самому поверить на месте, на сколько успешно развиваются высшія соображенія относительно образованія и, какъ сказали мы, перевоспитанія этого края въ чисто русскій. — Зная характеръ деятельности и просвещенныя стремленія г. министра народнаго просвещенія, графа Д. А. Толстаго, мы позволяемъ себе ожидать самыхъ интересныхъ наблюденій и открытій въ варшавскомъ округе, ожидать затемъ патріотическихъ, отличающихся энергіею и удобоприложимостію, мѣръ къ приведенію учебныхъ заведеній края въ такое желаемое состояніе, чтобы изъ нихъ на будущее время выходили не враги русскаго народа и государства, но любящіе насъ братья, наравне со всеми нами преданные общерусскимъ интересамъ. Нужно ли прибавлять, что образованіе — самое верное средство для объединенія этого края со всей Россіей? *(Сов. Лист.)*

5.

За что Россію ненавидятъ на западѣ? Почему это каждый нашъ успѣхъ на пути прогресса,—въ отношеніяхъ ли нашихъ къ сосѣднимъ или родственнымъ намъ народамъ, въ строѣ ли нашей внутренней жизни,—вызываетъ опасенія и ложныя толкованія въ заграничной прессѣ? Почему это въ нашей внутренней политикѣ видятъ развитіе теорій, считающихся самыми опасными и разрушительными на западѣ? Откуда это у западныхъ публицистовъ такое нѣжное участіе къ судьбѣ Польши,—къ интересамъ польскихъ пановъ и остзейскихъ помѣщиковъ? И отъ чего это, въ свою очередь, при всякомъ національномъ поворотѣ нашей внутренней политики на нашихъ окраинахъ, нѣмецкая или остзейская агитація идетъ рука объ руку съ польскою? Всѣ эти вопросы, важные и во всякое время достойные размышленія и печатнаго обсужденія, невольно вызываются новою книгою г. Самарина: *Окраины Россіи.* Отчасти возбуждаетъ, а отчасти и рѣшаетъ эти вопросы слѣдующій отрывокъ изъ его замѣчаній:

„Въ Пруссіи познанскіе поляки первые подняли голосъ за мнимо-угнетенныхъ балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать горькую участь, ожидающую лютеранство и нѣмецкую національность. Въ свою очередь, въ отплату за эту добрую услугу, балтійскіе публицисты поносятъ память покойнаго графа Муравьева, указываютъ Европѣ на угнетеніе латинскаго духовенства и негодуютъ на насильственное введеніе въ западномъ краѣ русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру балтійскаго издѣлія, и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы польскаго изобрѣтенія. Вы узнаете, напримѣръ, что русскіе вовсе не славяне, а выродившіеся монголы; что если бы русскія интриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ балтійскихъ губерніяхъ давно были бы облагодѣтельствованы своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками, что русскій Императоръ считается главою своей церкви не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе—*кесаремъ папою;* что *латинству и протестанству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно, какъ одно цѣлое, именно какъ западное христіанство объявить войну восточному христіанству и москалю,* этому исконному и непримиримому общему ихъ

врагу... Правда, балтійскіе дворяне не брезгають дешевыми имѣніями западнаго края и пользуются распространенными на нихъ льготами, — это своимъ чередомъ; а тѣмъ временемъ за границею агенты ихъ продолжаютъ подвизаться рука объ руку съ поляками подъ однимъ знаменемъ, да еще въ добавокъ они же, по поводу нашихъ уступокъ, печатно надъ нами издѣваются,—и по дѣломъ!"

Напечатанныя курсивомъ слова буквально заимствованы г. Самаринымъ изъ балтійско-нѣмецкихъ брошюръ, и они, какъ мы сказали, отчасти возбуждаютъ, а отчасти рѣшаютъ поставленные нами въ началѣ статьи вопросы. Одна изъ напечатанныхъ курсивомъ фразъ показываетъ, что остзейскіе нѣмцы и поляки знательно противопоставляютъ *западный латинско-протестантскій міръ*, какъ цѣлое западное христіанство, *восточному христіанству* или *москалю*, т. е. русскому міру, и вызываютъ первый объявить войну послѣднему. При такой степени раздѣльности сознанія разницы между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ, политикъ или государственный человѣкъ, вздумавшій бы мирить хотя малѣйшую часть одного міра съ другимъ полумѣрами, только раздражалъ бы, нисколько не достигая цѣли, а уступая только вызывалъ бы насмѣшки. Дополнимъ нѣсколькими частными замѣчаніями общій отвѣтъ г. Самарина на вопросы, поставленные нами.

Исторія западной Европы текла вообще одинаково, и жизнь романо-германскихъ народовъ сложилась, несмотря на нѣкоторыя частныя особенности въ разныхъ государствахъ, довольно однообразно. Вся эта исторія состоитъ изъ завоеваній и покореній, изъ аристократіи землевладѣльческой и феодализма, съ одной стороны, и изъ бѣдныхъ, безземельныхъ поселянъ съ другой, изъ римскаго церковнаго патриціата и изъ народнаго плебейства въ вѣрѣ, изъ привиллегій и титуловъ высшихъ сословій и изъ безправности низшихъ,—это главные историческіе элементы западной Европы; а ея слишкомъ тысячелѣтняя жизнь сложилась изъ борьбы этихъ главныхъ элементовъ, далеко еще неоконченной. Польша примкнула къ исторіи запада и, пожертвовавъ шляхтѣ и римскому клиру племенными своими особенностями, оказалась ненужнымъ повтореніемъ западно-европейской жизни и лишнимъ членомъ въ семьѣ народовъ, но тѣмъ не менѣе членомъ родствен-

нымъ и симпатичнымъ для народовъ запада; подобнымъ же образомъ повторяютъ западную исторію и своими жалобами вызываютъ сочувствіе тамошнихъ народовъ *случайные покорители* мѣстностей, составляющихъ нынѣ Курляндію, Эстляндію и Лифляндію,—эти крупные землевладѣльцы-бароны съ ихъ древними титулами и привиллегіями и съ безземельными туземными населеніями.

Поставленная между Европою и Азіею, Россія долгое время большую часть вліяній воспринимала съ востока, и уже тогда, когда ея историческія и племенныя особеноости достаточно окрѣпли, она сама добровольно и сознательно стала воспринимать вліянія съ запада. Естественно было, при долгой отчужденности ея отъ Европы и при своеобразномъ ходѣ ея исторіи, развиться въ ней многимъ своеобразностямъ племеннымъ и историческимъ, которыя для запада, шедшаго другою историческою дорогою, кажутся непонятными и объясняются тамъ, какъ проявленія крайняго радикализма, крайней демократіи, крайняго соціализма, словомъ какъ такія черты, которыя дѣлаютъ восточную христіанскую Европу или Россію не только отличною, но враждебною западному христіанскому міру. Это въ свою очередь объясняетъ намъ, почему наши реформы особенно трудно совершаются въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ и въ остзейскомъ краѣ, и почему поляки и балтійскіе рыцари, при каждомъ намѣреніи русскаго правительства видоизмѣнить ихъ устарѣлый, западно-европейскій строй жизни, аппелируютъ къ Европѣ, и Европа сочувственно выслушиваетъ ихъ жалобы и клеветы. Когда Мазадъ разсматриваетъ мѣры русскаго правительства относительно надѣленія польскихъ крестьянъ землею, онъ видитъ въ этомъ, какъ западный писатель, самую радикальную революцію, самое соціалистическое посягательство на права собственности польскихъ пановъ, и въ Revue des Deux Mondes восклицаетъ: „Изъ всѣхъ понятій, особенно распространенныхъ и питаемыхъ въ Россіи, кто знаетъ, не разрушительныя ли радикалистскія болѣе всего соотвѣтствуютъ инстинктамъ „*московской*“ массы, и не истекаютъ ли они изъ общаго духа „*московскаго*“ народа? Народный русскій идеалъ—это война противъ знати, противъ стараго барства, демократическое равенство съ общиннымъ владѣніемъ и съ демократическимъ самодержавіемъ.“ Для Европы, весьма феодальной

еще и доселѣ, съ ея крупными собственниками, съ огромнымъ количествомъ безземельныхъ фермеровъ и съ громаднымъ числомъ безземельныхъ пролетаріевъ, наша крестьянская реформа съ неотчуждаемыми земельными надѣлами каждой ревизской души, ничѣмъ инымъ и не можетъ казаться, какъ опаснымъ для нея примѣромъ приложенія практическихъ и соціалистическихъ теорій, чуждыхъ намъ и выработавшихся въ нея же самой, въ слѣдстіе крайняго неравенства сословныхъ правъ и преимуществъ и страшнаго развитія пролетаріата,—теорій, осуществленія которыхъ богатые и привилегированные классы въ Европѣ и въ нашихъ западномъ и остзейскомъ краяхъ имѣютъ много побужденій бояться, какъ чумы. Такую реформу европейская публицистика могла еще терпѣть, могла даже хвалить ее, пока она прилагалась къ чисто-русскимъ губерніямъ, къ *„невѣжественной московской массѣ;“* но она стала въ глазахъ ея радикалистскою, соціалистическою и демократическою, когда Россія вздумала продолжить ее въ западномъ краѣ и въ остзейскихъ губерніяхъ, о которыхъ, имѣя въ виду особенности общественнаго ихъ устройства и ихъ исторіи, она можетъ сказать: „Се плоть отъ плоти моея и кость отъ костей моихъ.“

Въ какой мѣрѣ западная Европа упорно держится своего историческаго строя, несмотря на всю его нравственную несправедливость и на весьма серьозные протесты загнанныхъ нисшихъ ея классовъ, примѣромъ можетъ служить Великобританія. „Главная, существенная потребность Ирландіи, говорилъ Брайтъ по поводу недавнихъ феніанскихъ движеній, состоитъ въ томъ, чтобы тамошнему населенію была предоставлена возможность тѣмъ или инымъ путемъ постепенно сдѣлаться собственниками земли. Прежде всего, если есть законы, которыми имѣется въ виду предупреждать раздробленіе поземельной собственности, уничтожьте ихъ: пусть дѣйствуетъ естественный ходъ вещей. Потребность эту ощущали въ разныя времена и другія страны: во Франціи ее удовлетворила страшная революція, русское правительство удовлетворило ей чрезъ ссудныя кассы, въ которыхъ фермеры могли занимать деньги для выкупа земли у ея собственниковъ.“ Говоря о Россіи, Брайтъ сказалъ: „Въ Россіи, гдѣ крѣпостные освобождены съ землею, нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не былъ бы готовъ стать на защиту государства и Императора.“

Въ пользу приложенія къ Ирландіи мѣры, похожей на нашу крестьянскую реформу, послѣ Брайта высказался въ Англіи еще одинъ только знаменитый философъ-публицистъ, считающійся тамъ „крайнимъ радикаломъ," Стюартъ-Милль. А затѣмъ члены министерства и вожди оппозиціи, всѣ англійскіе публицисты и слышать не хотятъ объ измѣненіи къ лучшему поземельныхъ отношеній въ Ирландіи между крупными землевладѣльцами съ одной стороны и безземельными фермерами и кретьянами съ другой; нѣкоторые консерваторы, какъ, наприм., профессоръ Голдуинъ-Смитъ, подобные планы удовлетворенія требованіямъ ирландцевъ называютъ прямо *опасными*, *революціонными и соціалистическими*. Имѣя въ виду эти современныя намъ воззрѣнія на измѣненіе поземельныхъ отношеній въ Ирландіи,—воззрѣнія, общепринятыя почти въ Англіи ея передовыми государственными и общественными дѣятелями и упорно защищаемыя въ виду постоянно повторяющихся движеній въ Ирландіи, — мы не должны удивляться тому, что крестьянская реформа въ привисланскомъ, сѣверо-западномъ и остзейскомъ краяхъ Русской Имперіи встрѣчаетъ затрудненія большія, чѣмъ какія встрѣчены были въ остальной Россіи, и что публицисты западные, подобно Мазаду, видятъ въ мѣрахъ русскаго правительства здѣсь несомнѣнныя доказательства демократическаго соціализма, который гнѣздится будто бы въ самомъ характерѣ русскаго народа. Западная Европа, подобно бывшей польской республикѣ, подобно остзейскому краю, и доселѣ, въ сущности, Европа еще феодальная и аристократическая, несмотря на то, что революціи и прогрессъ уже много уродливыхъ подробностей въ теченіе послѣднихъ вѣковъ оторвали отъ ея аристократизма и феодализма. Впечатлѣнія, производимыя русскими реформами на западную Европу, точно также противоположны, какъ противоположны были впечатлѣнія, произведенныя въ Старомъ Свѣтѣ возникновеніемъ въ прошломъ столѣтіи въ Америкѣ демократической республики. Для безземельныхъ ирландцевъ, для остзейскихъ латышей и эстонцевъ великорусскій крестьянинъ предметъ зависти и крестьянская реформа наша предметъ чаяній, для тамошнихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и ихъ сторонниковъ — опасный примѣръ и тревожное знаменіе, точно также, какъ демократическое равенство американскихъ гражданъ въ прошломъ столѣтіи было пред-

метомъ зависти и надеждъ для нисшихъ классовъ европейскаго общества и опасеній для привиллегированныхъ и высшихъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы вполнѣ поймемъ тѣ корреспонденціи западныхъ газетъ, составляемыя польскими панами и балтійскими рыцарями, и тѣ соболѣзнованія о предстоящей участи польскихъ и остзейскихъ помѣщиковъ, въ которыхъ намъ приписываются самыя безжалостныя демократическія и соціалистическія тенденціи и стремленія.

Но, какъ мы сказали, пока реформы наши касались нашихъ чисто русскихъ губерній, западная пресса не взводила на насъ подобныхъ обвиненій,—она холодно относилась къ нимъ и даже удостоивала похвалъ, разсуждая такъ: „Пусть тамъ *въ Азіи* творятъ, что хотятъ.“ Когда же очередь реформъ, введенныхъ внутри Россіи, дошла до нашихъ западныхъ окраинъ, сложившихся по западно-европейскому образцу, до аристократической Польши и феодальной Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи, какъ посыпались обвинительныя корреспонденціи изъ этихъ краевъ, и появились обвинительные приговоры противъ Россіи и противъ ея общественнаго мнѣнія. Рьяные тамошніе публицисты, въ родѣ, напримѣръ, Мазада, самое наше правительство обвиняютъ въ соціалистическо-демократическихъ стремленіяхъ за его политику относительно Польши. „Возстаніе въ Польшѣ, говоритъ Мазадъ, сообщило демократическимъ силамъ внутри (русской) имперіи невѣроятную напряженность. Правительство увидѣло себя въ роковой необходимости пользоваться для своихъ цѣлей услугами радикализма и чрезъ это поставлено было въ такое положеніе, при которомъ оно не могло уже слѣдовать за консерваторами, и заключило союзъ со всѣмъ, что было революціоннаго въ Россіи. Нигилисты не боялись одѣваться въ чиновничій мундиръ для приложенія своихъ идей въ Польшѣ. Они завладѣли управленіемъ въ польскихъ губерніяхъ.... Они легко могли сдѣлаться популярными, вступивъ въ союзъ съ дикими народными страстями, и свободно готовили побѣду своимъ идеямъ подъ защитою офиціальной политики.“ Современная *юная* или *ультрамосковская* Россія, какъ самая радикалистская страна въ цѣлой Европѣ и во всемъ мірѣ, стоящая кромѣ того за свою вѣру, за свой языкъ, за свою народность, гордая особенностями своего государственнаго и общественнаго строя, утратившая прежнюю молчаливость и скромность,

больше всего хлопочущая объ обрусеніи западнаго и остзейскаго края и объ укрѣпленіи государственнаго единства, проповѣдующая въ то же время, великую будущность всѣмъ славянскимъ племенамъ и всему православному востоку,—въ глазахъ западныхъ публицистовъ и нашихъ польскихъ и остзейскихъ корреспондентовъ тамошнихъ газетъ, и есть то *„восточное московское христіанство, враждебное и латинству, и протестанству, противъ котораго имъ, какъ одному цѣлому или какъ западному христіанству, давно бы пора объявить войну."*

Подобные извѣты на Россію въ корреспонденціяхъ, помѣщающихся въ иностранныхъ газетахъ, совершенно понятны. Но для насъ въ высшей степени всегда казалось оскорбительнымъ, когда подобныя же обвиненія русской внутренней политики въ демократическо-соціалистическихъ стремленіяхъ и наклонностяхъ время отъ времени повторялись, разумѣется, прилично замаскированныя, въ нашихъ русскихъ газетахъ, отстаивающихъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и интересы польскихъ пановъ, причемъ порицались, конечно, не самыя мѣры правительства, а частные исполнители этихъ мѣръ, или газеты, такъ называемыя, *демократическія*, за сочувствіе и мѣрамъ, и исполнителямъ оныхъ, или наконецъ, крестьяне за ихъ крайне соціалистическія претензіи.

Веч. Газ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ОТНОШЕНІЙ ПОМѢЩИКОВЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ РОССІИ КЪ СВЯЩЕННИКАМЪ ДО ВРЕМЕНИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЕГО КРАЯ СЪ РОССІЕЮ.

Отношеніе помѣщиковъ Юго-Западнаго края Россіи къ священникамъ во время польскаго владычества обусловливалось существовавшимъ здѣсь крѣпостнымъ правомъ. Помѣщикъ, самоправно распоряжавшійся землею, временемъ и трудомъ своихъ крестьянъ, необходимо имѣлъ прямое или косвенное вліяніе на положеніе и судьбу священника, въ приходѣ котораго состояли эти крестьяне. Самое назначеніе священника къ извѣстному приходу, состоявшему изъ крѣпостныхъ крестьянъ, зависѣло отъ ихъ помѣщика, и на юридическомъ языкѣ называлось правомъ презентованія. Въ старинныхъ документахъ

ЕГО ИМПЕ

ВЪ ПР

Янв

СОИЗВО

ПРОИЗВОДЯТСЯ:

90

Полко

съ му

Кіевскій, Подольскій
Командующій вой-
Генералъ-Адъютантъ,

инст
гунсі
Герц
съ п
1
Вел
зерва
дѣйст

Со
въ
Воен
54
мяки

ляются. За
СКОЙ
числя

Со
ленск
Конно
об
Армей
Артил

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

За больэнію. 7-
Подпо
третей

По домашнимъ обстоятельствамъ. Ян
Поруч

ръ *Селянко* и Поручикъ *Туръ*, — оба въ 9-й Дра-
кій Казанскій Его Императорскаго Высочества Эрцъ-
ога Австрійскаго Леопольда полкъ, изъ нихъ первый
ереименованіемъ въ Штабсъ-Капитаны.

3-го Нарвскаго Его Императорскаго Высочества
акаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА, ре-
іаго эскадрона, Штабсъ-Ротмистръ *Можаровъ 1-й*—въ
вующіе эскадроны сего полка.

ПО ПѢХОТѢ.

стоящій по Армейской Пѣхотѣ Капитанъ *Воробьевъ*—
Окружное Интендантское Управленіе Петербургскаго
іаго Округа, съ оставленіемъ по Армейской Пѣхотѣ.

і-го Резервнаго Пѣхотнаго баталіона Капитанъ *Се-
чъ* — въ 12-й Туркестанскій Линейный баталіонъ.

вѣдывающій хозяйственною частію въ ИМПЕРАТОР-
І С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи,
щійся по Армейской Пѣхотѣ Маіоръ *Саврасовъ*.

ПО АРТИЛЛЕРІИ.

стоящій въ распоряженіи Командующаго войсками Ви-
іго Военнаго Округа, числящійся по Гвардейской
й Артиллеріи Полковникъ *Есауловъ*, —.

і отъ этихъ должностей, съ оставленіемъ: первый по
ской Пѣхотѣ, а послѣдній по Гвардейской Конной
леріи.

ПО ПѢХОТѢ.

го Пѣхотнаго Ревельскаго полка Маіоръ *Хизингъ*,
лковникомъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ двухъ
оклада.

ПО МѢСТНЫМЪ ВОЙСКАМЪ.

ской Мѣстной команды Подпоручикъ *Чиговецъ*,
съ мундиромъ и съ пенсіономъ половиннаго

Юго-Западнаго края часто встрѣчаются прошенія помѣщиковъ къ епископамъ о рукоположеніи во священника къ извѣстному приходу извѣстнаго помѣщику лица,—при чемъ помѣщики доносили епископу, что для церкви или священника они уступаютъ грунтъ (землю) въ извѣстныхъ границахъ и разныя угодія и освобождаютъ священника отъ всякихъ повинностей 1). Разумѣется, если помѣщикъ былъ различнаго вѣроисповѣданія съ своими крестьянами, то ничто ему не препятствовало представить во священника къ своему приходу своего единовѣрца.

Надобно полагать, что такимъ образомъ большая часть крестьянъ сего края обращена была изъ православія въ унію. Къ началу XVIII в. всѣ почти здѣшніе русскіе паны приняли католицизмъ или унію. А принявши католицизмъ или унію, они, конечно, заботились о введеніи послѣдней и между своими подданными. А самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ было представленіе въ приходскіе священники человѣка, расположеннаго къ уніи. Поставленный по протекціи помѣщика священникъ почти вполнѣ зависѣлъ какъ отъ помѣщика,такъ и его поссесоровъ (арендаторовъ) и пользовался данными ему землями и угодіями дотолѣ, пока находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику. Въ противномъ случаѣ послѣдній захватывалъ церковныя и священническія земли и угодья. Священникъ оставался въ безпомощномъ состояніи,—и помѣщики и даже ихъ поссесоры привыкали смотрѣть на него, какъ на своего крѣпостнаго, которымъ можно распоряжаться по своей прихоти и произволу. Вотъ въ какомъ, напримѣръ, видѣ представляется отношеніе уніатскаго священника, перемышльскаго епархіи, села Середницы, къ помѣщику Яворскому, родственнику тогдашняго епископа перемышльскаго Александра Яворскаго (1748—1749 г.) Помѣщикъ Яворскій имѣлъ въ поссесіи своей два смежныя села: Ольшаницу и Середницу. „Во время болѣзни священника ольшаницкаго,—пишетъ въ своей жалобѣ священникъ села Середницы, — панъ Яворскій каждое воскресенье и праздникъ польскій велѣлъ ходить мнѣ въ ольшаницкую церковь для отправленія св. Литургіи, и когда я, по немаломъ времени, хотѣлъ отпроситься

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 289.

и сказать, что моя церковь и богослуженіе праздны, а люди безъ богослуженія нарекаютъ на меня,—то панъ Яворскій сказалъ мнѣ предъ людьми середницкими: если ты, попе, будешь противорѣчить мнѣ, то я не дамъ тебѣ не только лѣсу, но и пастбища; а какъ напишу къ его милости епископу поллиста бумаги, то онъ тебя безъ ножа зарѣжетъ. Гдѣ я ни держалъ поссессію, вездѣ попы наперерывъ мнѣ служили,— а ты почему не хочешь? На польскій праздникъ св. Апостола Андрея, панъ Яворскій прислалъ человѣка, чтобы я шелъ въ Ольшаницу, а панъ Домбровскій просилъ въ Середницѣ отслужить Литургію и далъ мнѣ на нее шостакъ битый, за который я и служилъ ему св. Литургію въ церкви середницкой.—Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, разсердился и сказалъ мнѣ: хлопе, попе s... y synu, kozomanie, psia wiaro, psia dusza... и проч. и приказалъ лѣсничему схватить моихъ коней въ лѣсу и изрубить въ куски, обѣщая дать три тысячи злотыхъ тому, кто-бы убилъ меня. Снова я долженъ былъ оставить свой приходъ и церковь и ходить въ Ольшаницу отправлять св. Литургію. Но когда я однажды напомнилъ ему, чтобы хоть на обувь далъ мнѣ не много, ради частой ходьбы, то панъ Яворскій отвѣчалъ: я, попе, никогда за мшу святую не платилъ, гдѣ только ни имѣлъ поссессію, и тебѣ ничего не дамъ: ты Богу служишь, а не мнѣ, для того ты и попъ. Видя большія несправедливости отъ пана Яворскаго и посягательства на мою жизнь и благосостояніе, пошелъ я къ маршалку коронному надворному, чтобы, согласно издревле даннымъ правамъ моимъ духовнымъ, даны были мнѣ какъ лѣсъ на постройку и на дрова, такъ и пастбища и грунты. Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, приказалъ догнать меня на дорогѣ и схватить для мученія; но отцы духовные (Ваньковскій и Стефковскій), узнавши объ этомъ распоряженіи, предостерегли меня. Панъ Яворскій въ ожиданіи меня ходилъ съ ружьемъ, а я другою дорогою убѣжалъ изъ поповства ольшаницкаго. Узнавши о томъ, что отцы Ваньковскій и Стефковскій предостерегли меня, панъ Яворскій также велѣлъ схватить ихъ и бить, и самъ хотѣлъ ѣхать въ Ваньково „и въ домѣ каплана накормить его пулями, говоря: имѣю восемьсотъ тысячь фунтовъ: заплачу за козью бороду того козомана. Имѣя каждый день

и часъ другія новости и похвалки пана Яворскаго на мое здоровье и убожество; я снова ходилъ къ подкоморію литовскому коллятору—просить для себя милости и охраны здоровья отъ посягательства Яворскаго, но не засталъ его дома. Экономъ его, выслушавши меня и бывшаго со мной солтыса середницкаго, послалъ письмо къ пану Яворскому, чтобы онъ не дѣлалъ насилія священнику. Это письмо я отдалъ въ церкви ольшаницкой въ руки пана Яворскаго, который, обругавши меня, велѣлъ взять меня во дворъ, забить кіями, подстеречь на дорогѣ, схватить меня, такъ что я долженъ былъ скрываться 1). Наговаривалъ также панъ Яворскій разныхъ людей середницкихъ украсть у меня права или выхватить ихъ, когда я буду читать ихъ, и доставить ему, и за то обѣщалъ 100 злотыхъ. — На русскій праздникъ Св. Георгія, который церковь повелѣваетъ отправлять торжественно, когда я хотѣлъ этотъ праздникъ почтить торжественнымъ и нарочитымъ для людей богослуженіемъ, панъ Яворскій, по неуваженію къ святому и въ противность мнѣ, нарочно прислалъ въ Середницу конюшаго съ приказаніемъ, чтобы войтъ нѣсколько плуговъ выгналъ орать въ праздникъ. Тогда я, вышедши въ поле, уговаривалъ орющихъ оставить работу и отобралъ у нихъ четыре ярма. За это войтъ, нападши на меня съ кіями въ моемъ домѣ, за моимъ столомъ,—билъ меня, таскалъ за волосы, топталъ ногами, такъ что едва живаго оставилъ меня въ моемъ собственномъ домѣ. Наконецъ панъ Яворскій строго заказалъ людямъ, чтобы они, пока я священникомъ, не ходили въ церковь на богослуженіе, но молились Богу подъ вербою, а не въ церкви, прибавляя: какъ только пойдете въ церковь за попомъ

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.—Подобныя похвальбы дѣлалъ Яворскій и по отношенію къ другимъ священникамъ. Такъ напр., разсердившись на намѣстника и на священника ольшаницкаго, а съ священникомъ середницкимъ находясь въ то время въ мирѣ, подговаривалъ послѣдняго убить того и другаго, обѣщая за то большую награду; подговаривалъ также середницкаго священника напасть на о. намѣстника въ лѣсу и убить его, говоря: какъ вырвешь и принесешь мнѣ его бороду, то я дамъ тебѣ 1000 злотыхъ и постоянно буду оказывать тебѣ ласку.—Тамъ же.

то церковь съ вами и съ попомъ зажгу, и хаты на приходѣ съ женами и дѣтьми сожгу и все разрою 1).

Подобныя отношенія помѣщиковъ къ священникамъ встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ напр. въ 1733 году помѣщики Татомиры напали на подбускую церковь, опрокнули въ ней св. чашу и повалили совершателя обряда 2). Въ 1740 году администраторъ куликовскій Михаилъ Штиндорофъ „осмѣлился и безразсудно рѣшился напасть съ толпою людей и съ шумомъ на церковь куликовскую и осквернить ее и наконецъ схватить тамъ нѣкоторыхъ людей новобрачныхъ, законныхъ супруговъ, и сковавши и связавши, отвести съ погоста въ свой дворъ 3). Подобнымъ образомъ поступилъ въ 1767 году помѣщикъ Матвѣй Соболевскій съ уніятскимъ священникомъ бориславской церкви,—„Священникъ бориславскій,—говорится въ одномъ документѣ,—исполняя свой долгъ, увѣщевалъ отечески нѣкую Маріяну, дочь подданнаго бориславскаго крестьянина Якова Петренко, а свою дочь духовную, находившуюся въ услуженіи у помѣщика Соболевскаго, и отечески выговаривалъ ей за невыполненіе, по церковнымъ правиламъ, ежегодной исповѣди и Св. Причастія, и поелику она не представила никакой причины въ свое оправданіе, то, въ примѣръ другимъ, велѣлъ заключить ее на погостѣ церковномъ, съ желѣзною цѣпью на шеѣ. Но помѣщикъ Соболевскій, невѣря строгости наказаній, опредѣленныхъ въ гражданскомъ и церковномъ правѣ противъ нарушателей церковныхъ постановленій, подговоривши своихъ слугъ Хмѣлевскаго и Витовскаго, напалъ на погостъ церкви бориславской съ оружіемъ, разсѣкъ топоромъ желѣзную шейную цѣпь, въ которой содержалась означенная Маріанна, и эту цѣпь, захватилъ вмѣстѣ съ замкомъ и увелъ съ погосту эту Маріанну служанку свою, а священнику угрожалъ смертію и въ разное время старался всячески вредить ему“ 4). въ 1772 г. священникъ образимской церкви упросилъ крестьянъ, однихъ за плату, другихъ безплатно, прійти къ нему, по отбытіи

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.
2) Тамъ же, № 309.
3) Тамъ же, № 338.
4) Архивъ Почаевской Лавры, № 587.

панщины, для починки развалившейся обрazимской церкви. Но помѣщикъ Карлъ Бобовскій, пріѣхавши къ церкви прогналъ крестьянъ арапникомъ къ своему двору и тамъ подвергъ ихъ страшному истязанію, а священнику угрожалъ побоями и предъ людьми заявлялъ, что я попу голову сверну и плечи срѣжу, и онъ долженъ сидѣть тамъ, гдѣ я ему велю, потому что для меня не новость поповъ бить" 1).

Замѣтимъ, что мы описывали отношенія помѣщиковъ исключительно къ уніатскимъ священникамъ.—По возсоединеніи юго-западнаго края съ Россіею и уніатовъ съ православіемъ, казалось бы, не оставалось мѣста для произвола помѣщиковъ, по отношенію къ священникамъ, особенно православнымъ; но и въ это время, особенно на первыхъ порахъ возсоединенія указаннаго края съ Россіей,—помѣщики римско-католическаго исповѣданія иногда пытались по прежнему удержать за собою право презентованія и даже пользоваться имъ въ видахъ католической пропаганды. Такъ напр. въ 1796 г. владѣтель Дубна, князь Михаилъ Любомирскій, просилъ подольскаго преосвященнаго Іоанникія объ удаленіи изъ Дубна благочиннаго протоіерея Вохановскаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы сей последній несправедливо отобралъ нѣсколько дубенскихъ уніатскихъ церквей на благочестіе, т. е. присоединилъ ихъ къ православію 2). Въ 1797 г. владѣлецъ ковельскаго уѣзда Вилька всѣхъ крестьянъ своихъ, обратившихся къ православію и присутствовавшихъ при переосвященіи уніатской церкви въ селѣ Пугинкахъ на православіе,—велѣлъ прислать къ нему на подгодахъ, а духовному грекороссійскому надзирателю церкви велѣлъ сказать, чтобы онъ въ такія дѣла не вмѣшивался и грозилъ ему жалобою къ преосвященному 3). Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 18 марта 1797 года, между прочимъ сказано: Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священно служителей православныя грекороссій-

1). тамъ же № 651.
2) Тамъ же № 651.
3) Почаев. арх. 1796 г. № 1010.

скія церкви и не только тайно внушеніями, но и насильственно отторгають отъ церкви сей людей, добровольно къ ней присоединившихся, обращая ихъ къ уніатству 1), наше правительство всячески заботилось объ ослабленіи патроната римско-католическихъ помѣщиковъ надъ православными церквами, но этотъ патронатъ окончательно и самъ собою уничтожился только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права, и священники получили гораздо болѣе самостоятельности,а при назначеніи отъ прдвителсства опредѣленнаго жалованья, получили возможность совершенно освободиться отъ вліянія польскаго шляхетства и, совокупно съ простымъ народомъ, утверждать въ краѣ на незыблемыхъ началахъ православіе и русскую народность, подавленныя и физическимъ и нравственнымъ гнетомъ полонизма. *Н. П.*

(Вол. Еп. Вѣд.)

Объявленія о газетахъ и журналахъ на 1869 г.

---

1) Тамъ же, 1798 г. № 1028.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА
ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ
ВЪ **1869** ГОДУ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Сѵнода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1869 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ ПРИЛОЖЕНІЙ, а вторая—*преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Въ первой половинѣ, составляющей ПРИЛОЖЕНІЯ къ Православному Собесѣднику, будутъ помѣщаемы.

1) Дѣянія (акты) вселенскихъ сборовъ.

2) БЛАГОВѢСТНИКЪ, или толкованіе блаж. Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на евангелія—Луки и Іоанна.

3) Толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта болгарскаго на сланія св. апостоловъ.

4) Дѣянія святыхъ (acta sanctorum).

5) Дѣянія мучениковъ (acta martyrum).

6) Памятники древне-русской духовной письменности.

Каждое изъ упомянутыхъ приложеній составитъ, по окончаніи его, особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Во второй половинѣ, собственно въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ, будутъ помѣщаться статьи:

1) Догматическаго содержанія,
2) Нравственнаго содержанія,
3) Истолковательнаго содержанія,
4) Церковно-историческаго содержанія,
5) Другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ Сунодомъ программѣ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, статьи духовнаго содержанія, и
6) Памятники древне-русской духовной письменности.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1869 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—*

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.*

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года при «Православномъ Собесѣдникѣ» издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ «ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,» которыя будутъ выходить и въ 1869 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, весьма убористаго шрифта.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій* и *другихъ вѣдомствъ*: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» *четыре* руб., б) а вмѣстѣ съ нимъ *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника.*

ОБЪ ИЗДАНІИ „ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ" въ 1869 году.

«Христіанское Чтеніе,» издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1869 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ I. **Переводъ св. книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка.**

Отдѣлъ II. **Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней.**

Отдѣлъ III. **Духовно-ученыя изслѣдованія:** *догматическія, церковно-историческія, каноническія, полемическія, религіозно-философскія и др.*

Отдѣлъ IV. **Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни.**

Отдѣлъ V. **Обозрѣніе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.**

«Христіанское Чтеніе» будетъ выходить книжками отъ 10 до 12 листовъ въ каждый мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки на домъ* 6 руб., *а съ доставкою и пересылкою во всѣ города* 7 руб. Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) *10 руб.* Въ видахъ облегченія подписчиковъ, Редакція, по примѣру прошедшаго года, допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по-полугодно,—за ручательствомъ, впрочемъ, лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ. С-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859,

1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по *5 руб.* безъ пересылки, а съ пересылкою *6 руб.;* экземпляры 1849—1868 годовъ по *6 руб.* безъ пересылки, а съ пересылкою по *7 руб.* Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по *3 руб.* безъ пересылки, за которую нужно прилагать на 5 фунт. для каждаго экземпляра.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской духовной академіи, или въ правленіи этой академіи; также въ правленіяхъ иногородныхъ духовныхъ семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сѣрякова.

Согласно съ новыми правилами, подписка принимается и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Имперіи.

ОДЕРЖАНІЕ 9-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенй печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера*, б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ*,—у коммиснера „Вѣстника,“ книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невмъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ эсквѣ*,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳепонтова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Черена*. *Въ Варшавѣ*, — у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ вѣнѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имріи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требовами *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ задной Россіи,“** *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю ѣстника“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ“* за *истекшіе* годы ается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по уб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 37 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ,“ за *истекшіе* годы не нѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не нѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель ***К. Говорскій.***

Содержанiе 9-ой кн. „Вѣстника западной Росс

за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.